

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ

Особняк М. П. Боткина
Санкт-Петербургский государственный
музей-институт семьи Рерихов
Фотография 2015 года

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
БОТКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ
III**

Санкт-Петербург
2020

ББК 63.3(2)52-8Боткины.я431
63.3(2)6-8.Боткины.я431
63.214(2)-3Боткины.я431

И 90

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов

Составитель выпуска

Е. В. Бакалдина

Главный редактор

А. А. Бондаренко

Заместитель главного редактора

А. А. Савкина

Редакционная коллегия:

Ю. Ю. Будникова, Д. В. Делюкин, Н. Б. Ветошникова,
А. К. Мазаева-Каненга, А. А. Савкина

И 90 **Исторические Боткинские чтения:** Вып. III. – СПб.: Издание
СПбГМИСР, 2020. – 224 с.: ил.

ISBN 978-5-6043939-9-4

Сборник «Исторические Боткинские чтения» публикует наследие семьи Боткиных и современные исследования по истории, искусству, литературе, культурологии, археологии, естествознанию, источниковедению и другим наукам, освещает актуальные проблемы и достижения в области изучения семьи Боткиных.

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 18-я линия, д. 1

Тел.: +78123270830; тел./факс: +78123230885;

<http://www.roerich.spb.ru>;

<http://www.roerich-heritage.org>;

e-mail: office@roerich.spb.ru; scs@roerich.spb.ru; ab@roerich.spb.ru

© Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры
«Музей-институт семьи Рерихов», 2020

ОТ РЕДАКЦИИ

Третья Международная научно-практическая конференция «Исторические Боткинские чтения» пройдёт 23–24 июня 2020 года. Она призвана восполнить пробел, вызванный отсутствием конференций, посвящённых выдающейся семье Боткиных, давшей России и миру известных врачей, учёных, художников, писателей, деятелей культуры, коммерческих деятелей, дипломатов, военных. «Исторические Боткинские чтения» – это один из научно-просветительский проектов Музея-института семьи Рерихов, ориентированных на пропаганду традиций, выдающихся достижений и образцов петербургской и российской культуры.

Конференция «Исторические Боткинские чтения» проходит в Санкт-Петербургском государственном музее-институте семьи Рерихов, расположенном в особняке академика живописи, коллекционера и общественно-го деятеля Михаила Петровича Боткина (26 июля 1839 года — 22 января 1914 года по старому стилю). При М. П. Боткине особняк на Васильевском острове стал центром культуры и искусства. На протяжении более тридцати лет в особняк приходили известные художники, музыканты, литераторы, деятели культуры с целью посмотреть выдающуюся коллекцию М. П. Боткина, состоявшую из античных, средневековых, ренессансных, древнерусских предметов и картин современников, расположенную в пяти комнатах особняка, побеседовать с хозяевами, отобедать или просто душевно провести время. Кроме того, дом Михаила Петровича Боткина был центром притяжения для его собственной семьи. Именно здесь проходили многочисленные встречи представителей разных поколений семьи Боткиных, здесь часто гостили приезжающие родственники. После смерти старших братьев М. П. Боткин оставался патриархом семьи для своих детей, внуков, многочисленных племянников, внучатых племянников, крестников, можно сказать, был связующим звеном между ними.

С 2003 года, с тех пор как Музей-институт семьи Рерихов располагается в особняке Боткина, в нём часто проходят встречи потомков семьи Боткиных, проводятся семинары и лекции по боткинским темам. К настоящему времени музей стал центром изучения боткинского наследия как в Петербурге, так и за его пределами в России и за рубежом.

Настоящий сборник, состоящий из статей исследователей наследия семьи Боткиных, включает в себя три раздела: «Боткинское наследие», «Биографические материалы о представителях семьи Боткиных» и «Боткинские места». В сборнике также опубликованы источники, в частности, письма В. П. Боткина, что вводит их в научный оборот.

Сборник является ежегодным научным изданием Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов, где публикуется огромное наследие семьи Боткиных, представленное разнообразием многочисленных источников, тем и сюжетов.

I

**БОТКИНСКОЕ
НАСЛЕДИЕ**

В. И. ОДИН

(Военно-медицинская академия, Санкт-Петербург)

БОТКИНСКИЕ ТРАДИЦИИ КЛИНИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ

Аннотация. Риторическое наследие профессора С. П. Боткина насчитывает тысячи страниц. Представляется чрезвычайно важным изучение данного творческого наследия и адаптация его к современным социально-экономическим условиям, применительно к нуждам практической медицины. В статье излагаются и анализируются известные и особые жанры клинической риторики, использованные С. П. Боткиным в своей врачебной и профессорской деятельности.

Ключевые слова. С. П. Боткин, риторика, клиническая риторика, медицинская риторика, деонтология, общество русских врачей.

V. I. ODIN

(Military Medical Academy, St. Petersburg)

BOTKIN'S TRADITIONS OF CLINICAL RHETORIC

Abstract. The rhetorical heritage of Professor S. P. Botkin has thousands of pages. It seems extremely important to study this creative heritage and adapt it to modern socio-economic conditions, as applied to the needs of practical medicine. The article outlines and analyzes the well-known and special genres of clinical rhetoric used by S. P. Botkin in his medical and professorial activities.

Keywords. S. P. Botkin, rhetoric, clinical rhetoric, medical rhetoric, deontological ethics, deontology, Russian physicians association.

Клиническая риторика, в отличие от так называемой медицинской риторики, включает в себя методологию коммуникации не только с больным человеком, но и со здоровыми людьми, представляющими различные слои общества, в том числе истеблишмент, бомонд, бизнесменов, полисменов, интеллектуалов и т. д. Действительно, гиппократов врач всегда должен быть готов к дискуссии в интересах здоровья и жизни человека с любым членом социума, памятуя завет учителя врачей лечить не только больного, но и общество¹.

В наше сугубо прагматичное время, когда бюджетный врач нередко являет собой лишь «*наёмного медицинского работника, оказывающего страховые услуги*», а частный врач, соответственно, нередко представляет из себя коммерсанта, извлекающего прибыль из клиента, риторическое наследие Сергея Петровича Боткина представляет собой поистине кладёз рыцарской доблести, мужества и человеколюбия.

Важнейшим риторическим жанром Боткина следует считать ныне незаслуженно забытый жанр *«отдельного мнения»*. Так, в 1884 году в Мариинской больнице произошёл конфликт между главным доктором и врачами больницы. По этому поводу было создано специальное врачебное совещание под председательством Медицинского Инспектора ведомства Императрицы Марии. Совещание без колебаний приняло точку зрения Главного Доктора, в связи с чем Боткин, приведя в качестве аргументации письмо докторов клиники, направленное в адрес совещания, но не принятое им в расчёт, представил своё письменное отдельное мнение². Там он указал: *«Не имея ничего заметить против первого пункта протокола, считаю необходимым по поводу второго пункта указать на то, что заявления врачей Мариинской больницы <...> присланные на имя Главного Доктора и прочитанные им в заседании не обратили на себя внимание и не были упомянуты в протоколах заседания. Между тем из этих документов совершенно ясно усматривается справедливость отзывов Главного Доктора относительно существующих порядков на хирургическом отделении <...> [в результате] я могу убедиться в том, что причину происшедших беспорядков были не личные столкновения и недоразумения Главного доктора с медицинским персоналом больницы, а не состоятельность временных правил»*. И подписал: «академик С. П. Боткин». Таким образом, Сергей Петрович попытался максимально объективно подойти к такой непростой и деликатной проблеме как взаимоотношения в трудовом коллективе. Обосновав свою позицию, он вежливо, но твёрдо обозначил её категоричность в виде забытого, к сожалению, сегодня жанра *«отдельное мнение»*. Жанра достойного истинного джентльмена.

Следующие риторические жанры Сергей Петрович использовал, будучи председателем Общества русских врачей, которое он возглавил в 1878 году и которым руководил до своей кончины. Сегодня, в наше толерантное время, когда характеристика «русский» усилиями некоторых средств массовой информации приобрела негативные коннотации, необходимо напомнить некоторые исторические детали.

Дело в том, что на момент возникновения Общества в 1834 году уже в течение пятнадцати лет активно работало Общество немецких врачей. Члены этого Общества шуточно называли себя «палатой пэров», так как только смерть одного из членов открывала возможность вступить в Общество новому врачу³.

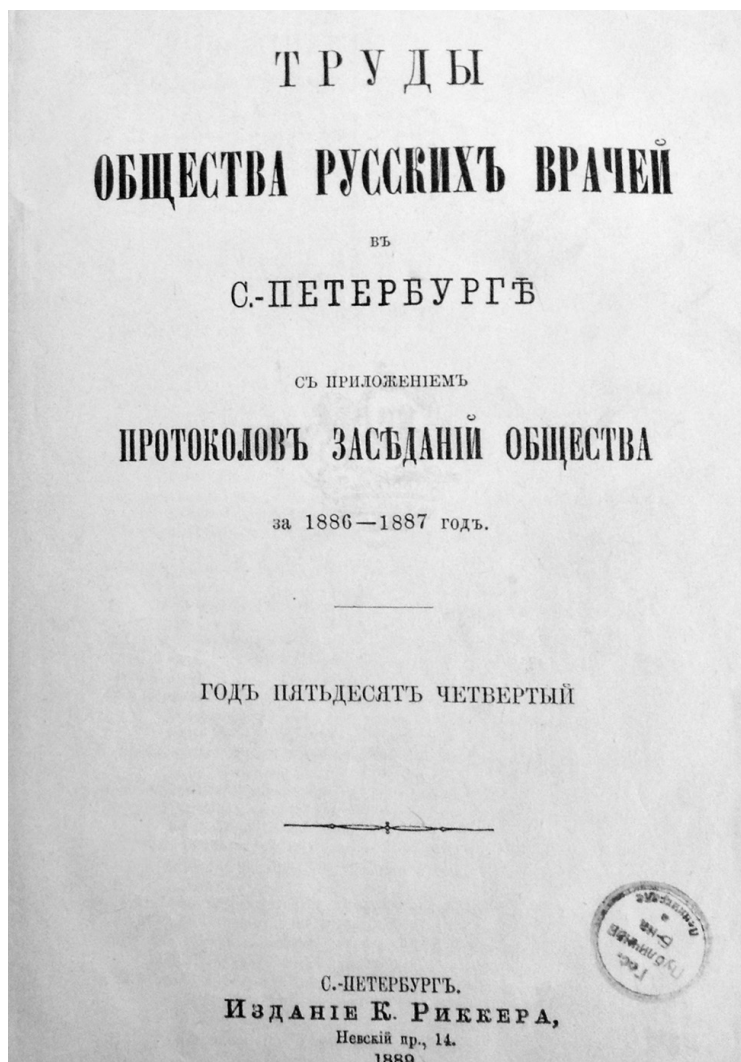
Таким образом, природным русским волей-неволей пришлось организовать своё врачебное общество, что и было сделано. Действовало оно согласно подписанному государем Николаем Павловичем прогрессивному демократическому уставу и было открыто всем врачам Российской империи любого вероисповедания и происхождения. Единственным

ограничением являлась необходимость поручительства трёх действительных членов общества. Надо сказать, что во многих врачебных обществах, в частности, стран Британской короны, такой принцип действует и по сей день, что существенно отличает эти общества от различного рода ассоциаций. Как говорится, *vile est, quod licet* – дешево ценится то, что доступно.

С. П. Боткин взялся за руководство Обществом, как всегда, с присущей ему энергией и вдохновением. И здесь принципиально важным для нас, растерявших пассионарность вместе с испытаниями, которые постигли русский народ в перипетиях трагического XX века, является боткинский жанр **«публичных прений»**. Так, во всех протоколах заседаний, в которых участвовал Сергей Петрович, бросается в глаза его принципиальность, учёная въедливость и горячее желание самим процессом обсуждения добраться до истины.

Вот фрагмент протокола от 3 марта 1888 года; председательствует С. П. Боткин⁴. Доклад сделал доктор Ф. Милеев о действии экстракта строфанта. Боткин на правах председателя тут же уточняет: *«Вы говорите, что его дают при различных болезнях. Это при каких же?»* (тут же чистосердечно признаётся) *«Мне не доводилось читать. А если и дают, то в сердечных формах разве?»*. Милеев ответил: *«В тифах, затем атеросклерозе, при кровотечениях различных. <...> Я осторожно касаюсь этого, я говорю, что мы находимся, как бы в период некоторого увлечения этим средством»*. Боткин: *«Нет. Вы несколько сильно сказали, а между тем заявления об употреблении Strophantus довольно редки, – средство это было предложено ещё в 85 году, а с 85-го до 88 г. много ли заявлений литературных видно? Очень мало... 3–4 заявления нельзя назвать увлечением»*. Милеев: *«В большинстве случаев полагались на его свойство несуживать сосуды, и в этом видели преимущество перед другими средствами, но по моим исследованиям, он чрезвычайно суживает сосуды»*. Боткин: *«Только вы уж согласитесь, что нет увлечения»* и т. д. Следующий доклад сделал Н. В. Слюнин, который сообщил о медицинских растениях, туземных лекарствах и народной медицине Японии и Китая. Боткин тут же реагирует: *«Все эти вещества крайне интересны и некоторые из них заслуживают разработки... Интересно было бы достать атлас [по иглоукаливанию]»*.

Разумеется, в прениях, согласно стенограмме, участвовали и другие члены общества. Таким образом, Сергей Петрович как председатель задавал тон обсуждения, ориентируя аудиторию на плодотворную творческую дискуссию.

Ил. 1. Обложка издания Трудов Общества русских врачей в Санкт-Петербурге с приложением Протоколов заседаний общества за 1886–1887 гг.

На заседании 20 ноября 1886 года [ил. 1] Сергей Петрович произносит речь в виде **публичной защиты чести покойного коллеги**⁵. Дело в том, что профессор С. П. Коломнин произвёл в клинике операцию по выскабливанию и прижиганию язвы прямой кишки у молодой девушки 23-х

лет, использовав для анестезии введённый посредством клизмы солянокислый кокаин. И от этой анестезии пациентка скоропостижно умерла после операции. Профессор Коломнин не смог перенести этой трагедии и покончил с собой выстрелом в голову из револьвера. Сергей Петрович, проанализировав операцию, признал, что покойный действовал строго в рамках имеющихся представлений и никак не мог ожидать такого финала. Что же касается самого покойного товарища, то Боткин подчеркнул следующее: *«...если по общечеловеческой потребности обвинять кого-нибудь в смерти С. П. Коломнина, то я позволил бы себе взять вину на себя и на всех товарищей покойного, которые в то время, когда он находился под гнётом несчастного события, недостаточно умело, недостаточно своевременно подали ему руки помощи»*. И далее продолжает: *«Печальная кончина Сергея Петровича останется в этом отношении уроком нам и всему нашему врачебному сословию. Да будет ему вечная память!»*. После чего по предложению Председателя присутствующие почтили память покойного товарища минутой молчания.

Данный пример товарищества, преподанный нам через века Боткиным, мотивирует нас на публичную защиту невинных опорооченных коллег. Данное обстоятельство особенно важно сегодня, когда в условиях примата буквы закона над духом закона в обществе потеряны ориентиры морали и нравственности, а понятие чувства собственного достоинства и навыки гражданской коллегиальной поддержки, кажутся полностью утраченными.

На заседании 4 февраля 1888 года Боткин посвящает свою речь **публичной защите невинно осуждённого коллеги**⁶. Медицинское сообщество на тот момент было взволновано приговором суда над доктором Дрейпельхером, который, будучи врачом справочной конторы, не смог своевременно госпитализировать чахоточную пациентку. Дело в том, что по причине специфики её заболевания ей отказывали в приёме в тех местах, куда, согласно инструкции, доктор Дрейпельхер направлял пациентку. В конце концов, уже будучи помещена в Александровскую барачную больницу, она вскорости скончалась. Боткин обратил внимание, что доктор действовал строго по инструкции и не мог её нарушить в связи с опасным заразным заболеванием больной. Далее он продолжает: *«Я не смею сказать, что приговор несправедлив, но мне кажется, что давая приговор, не было достаточно принято во внимание положение, права и обязанности врача справочной конторы. <...> Полагаю, что приговор этот тяжёлый для человека, пострадавшего не по своей вине, и со стороны нашего Общества следовало бы подать руку помощи нашему товарищу, поддержать его нравственно в этом тяжёлом положении, и выражение сочувствия, которое могло бы заявить наше Общество, было бы в высшей степени своевременным. <...> будет ли кто возражать против моего*

предложения – выразить сочувствие человеку, который несёт невинно кару за дело, в котором невиновен». Все – «Все согласны». Боткин заканчивает: «Тогда позвольте это и осуществить от лица Общества».

Такая мужественная гражданская позиция, выраженная Боткиным в публичной речи, показывает пример достойного служения долгу врача. Не отвергая фактической вины осуждённого доктора, Сергей Петрович беспристрастно анализирует причины произошедшего, а именно – существующие инструкции. Тем самым облегчается вина доктора и создаются предпосылки для улучшения оказания медицинской помощи в подобных случаях в будущем.

Особый случай представляет из себя история с сыпным тифом в городских богадельнях⁷. В феврале 1889 года было выявлено несколько случаев этого заболевания среди призреваемых. И тогда Боткин как почётный попечитель городских больниц и богаделен пишет **служебное письмо** городскому Голове В. И. Лихачёву, в котором объясняет, что существующее количество медицинского персонала (два врача) на такое количество престарелых и хронических больных крайне недостаточно (1210 заведомо больных). Для недопущения развития эпидемии Боткин указывал на необходимость командировать достаточное количество врачей, чтобы обследовать всех призреваемых. Надо отдать должное городскому Голове, он не стал чинить никаких препятствий, передал письмо в больницу комиссию, которая одобрила командирование в богадельни 10 врачей под руководством С. П. Боткина и выделила соответствующие финансовые средства по 100 рублей на каждого. Далее на предварительном собрании под руководством Боткина было решено воспользоваться ситуацией и, расширив первоначальный план обследования больных призреваемых, осмотреть всех лиц в состоянии старости. Была разработана программа исследования, которая содержала как анамнестические, клинические, так и лабораторные параметры. В итоге по разработанным протоколам было обследовано 2 600 человек. По результатам исследования, уже после смерти С. П. Боткина, была опубликована монография доктора А. А. Кадьяна, содержащая уникальный первичный материал исследования. Это исследование стало первым в мире широкомасштабным исследованием проблем старости⁸.

Так риторически правильно оформленная активная гражданская позиция учёного и врача Боткина позволила России получить мировой приоритет в становлении геронтологии как клинической дисциплины.

Классикой риторического жанра остались **клинические лекции** С. П. Боткина, записанные его ординаторами⁹. До сих пор эти лекции являются образцом преподавания факультетской терапии, учебной дисциплины, в процессе освоения которой обучающиеся на врача приучаются клинически мыслить, т. е. критически анализировать полученные клини-

ческие и лабораторно-инструментальные данные для получения точного диагноза. Сергей Петрович демонстрировал блестящее умение собирать клинические факты – симптомы, и затем, рассуждая, придавал им определённый смысл и, трактуя их в комплексе с другими симптомами, выводил слушателя на диагноз больного.

И совершенно образцовым жанром клинической риторики является **актовая речь**, произнесённая С. П. Боткиным 7 декабря (по старому стилю) 1886 года на торжественном акте в Императорской Военно-медицинской академии¹⁰. Эту клиническую речь, названную им «Общие основы клинической медицины», Сергей Петрович начал с гиппократова завета – темы «врач и отечество». Первые слова в этой речи были такими: *«Когда высшее учебное учреждение, в полном сознании честно выполненного долга, даёт молодым силам право самостоятельной деятельности, совершается поистине торжественный акт в скромной и трудовой жизни учебного учреждения, стремящегося достигнуть высокой цели – дать родине честных и полезных деятелей»*. Что ж, лучше не скажешь, эти слова как никогда актуальны сегодня в нашем Отечестве. А сама речь и поныне служит источником идей и вдохновения для новых поколений русских врачей¹¹.

Таким образом, Сергей Петрович Боткин использовал риторику для решения задач, которые стояли перед ним как гражданином, врачом, учителем, учёным, коллегой и товарищем. И Сергей Петрович не стеснялся пафоса, говоря о том, что он служит русской медицине, гордится её достижениями и готов сделать всё, чтобы она была лучшей в мире. И здесь невозможно не вспомнить Гиппократов, нашего великого учителя, который в ответ на предложение царя Артаксеркса служить ему за награду немалым количеством золота, серебра и целыми городами, ответил отказом. Так как служить персам для него означало предать родину, Грецию. А для настоящего врача родина не там, где ему больше платят, а там, где его сердце.

Изучение риторического наследия С. П. Боткина представляется чрезвычайно важным в настоящее время, когда медицина и общество стоят перед новыми вызовами, прежде всего, такими как технологическая сингулярность и трансгуманизм. И для того, чтобы врачу остаться Врачом, а не стать биоинженером или клеточным программистом, ему надо оставаться Человеком, быть Личностью¹². В этом нам всемерно поможет творческое наследие нашего великого предшественника, настоящего природного русского, истинного гиппократова врача, профессора С. П. Боткина.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Один В.И.* Клиническая риторика в высшей школе // Клиническая медицина. – 2016. – Т. 94. – № 6. – С. 473–479.
- ² Отдельное мнение члена врачебного Совещания академика Боткина по поводу протокола заседания Комиссии 27 апреля 1884 года под председательством Медицинского инспектора Ведомства императрицы Марии. Копия. Содержание: инцидент в Мариинской больнице. Дата 29 апреля 1884 года. См.: ВМА Фундаментальная библиотека. Фонд XV. Боткин Сергей Петрович. Ед. хран. 6. № док. 3. 2 л.
- ³ *Вишленкова Е.А.* Врачебные общества Петербурга в первой половине XIX века: от представительства во власти к самоорганизации // История и историческая память. – 2014. – № 10. – С. 182–199.
- ⁴ Труды Общества Русских врачей в С.-Петербурге с приложением протоколов заседаний Общества за 1888–1889 год. – СПб.: издание К. Риккера, 1890. – Протокол заседания 3 марта 1888 года. № 14. – С. 48.
- ⁵ Труды Общества Русских врачей в С.-Петербурге с приложением протоколов заседаний Общества за 1886–1887 год. – СПб.: издание К. Риккера, 1889. – Протокол заседания 20 ноября 1886 года. № 6. – С. 51.
- ⁶ Труды Общества Русских врачей в С.-Петербурге с приложением протоколов заседаний Общества за 1888–1889 год. – СПб.: издание К. Риккера, 1890. – Заседание Общества русских врачей 4 февраля 1888 года. Сообщение проф. С.П. Боткина. – С. 56–57.
- ⁷ *Кадыан А.А.* Население Санкт-Петербургских градских богаделен (материалы к изучению старости по исследованию, произведённому под руководством С.П. Боткина в 1889 году). – СПб., 1890. – С. 94.
- ⁸ *Один В.И.*, Богданов А. Н., Цыган В. Н., Князькин И. В. С.П. Боткин – основоположник отечественной клинической геронтологии // Успехи геронтологии. – 2008. – Т. 21. – № 2. – С. 177–180.
- ⁹ *Боткин С.П.* Клинические лекции профессора С.П. Боткина, читанные в Императорской Военно-медицинской Академии в 1883–88 годах. Издание Общества русских врачей в С.-Петербурге в пользу фонда имени Сергея Петровича Боткина, на устройство дома для призрения престарелых неимущих врачей и их семейств. – СПб., 1899. – Т. 2. – С. 748.
- ¹⁰ Общие основы клинической медицины. Речь, произнесённая на торжественном акте в Императорской Военно-медицинской Академии Боткиным профессором С.П. Боткинм 7-го декабря 1886 года. – СПб., 1887.
- ¹¹ *Один В.И.* Научная и культурная ценность актовой речи С.П. Боткина от 7 декабря 1886 года // Исторические Боткинские чтения: Вып. 1. – СПб.: Издание СПбГМИСР, 2017. – С. 45–65.
- ¹² *Один В.И.* Личность врача как краеугольный камень в храме геронтологии // Успехи геронтологии. – 2014. – Т. 27. – № 1. – С. 18–29.

П. Б. ИОНОВ

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Санкт-Петербург)

Т. И. ИОНОВА

(Санкт-Петербургский государственный университет, Клиника высоких медицинских технологий имени Н. И. Пирогова, Межнациональный центр исследования качества жизни, Санкт-Петербург)

НАСЛЕДИЕ СЕРГЕЯ ПЕТРОВИЧА БОТКИНА ЗА РУБЕЖОМ

Аннотация. Имя Сергея Петровича Боткина неразрывно связано с развитием медицинской науки и практики в России. Научные труды С. П. Боткина включают 150 лекций и трактатов, посвящённых актуальным проблемам терапии, инфекционных болезней, экспериментальной патофизиологии и фармакологии. Его лекции под общим названием «Курс клиники внутренних болезней» были переведены на немецкий, французский и испанский языки и изданы за рубежом. В статье дан анализ трудов С. П. Боткина, изданных за рубежом. Представлена информация из библиографического каталога WorldCat, который поддерживается с помощью компьютерного библиотечного сервиса OCLC (Online Computer Library Center, Inc.) и библиотек – его членов. Согласно данным этого каталога, в нём представлено 70 трудов в 108 публикациях на 4 языках (немецкий, французский, испанский, русский), связанных с именем С. П. Боткина. Труды С. П. Боткина содержатся в 278 библиотеках-членах OCLC. Систематизирована информация по наличию трудов С. П. Боткина в библиотеках, включённых в компьютерный библиотечный сервис OCLC. Работы, посвящённые жизни и деятельности С. П. Боткина на иностранных языках, единичны. Рассмотрена статья о С. П. Боткине, написанная американским врачом и исследователем в области психосоматической медицины Stewart Wolf – «Сергей Петрович Боткин: русский Уильям Ослер» (1994 год).

Ключевые слова. С. П. Боткин, научные труды Боткина, труды о Боткине.

P. B. IONOV

*(Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Academician I. P. Pavlov First St. Petersburg State Medical University» of the
Ministry of Healthcare of Russian Federation, St. Petersburg)*

T. I. IONOVA

*(St. Petersburg University Hospital, Multinational center
for Quality of life Research, St. Petersburg)*

HERITAGE OF SERGEI PETROVICH BOTKIN ABROAD

Abstract. The name of Sergei Petrovich Botkin is closely related with the development of the medical science and practice in Russia. The scientific works by S. Botkin include 150 lectures and essays related with hot issues of therapy, infectious diseases, experimental pathology and pharmacology. His lectures named “Course of the internal diseases clinic” have been translated in German, French and Spanish and published abroad. Information from bibliographic catalogue WorldCat, supported by computer library service OCLC (Online Computer Library Center, Inc.) and its library-members is presented. According to the data from this catalogue, it contains 70 scientific works in 108 publications in 4 languages (German, French, Spanish, Russian), related with the name of S. P. Botkin. The works by S. P. Botkin are preserved in 278 OCLC library-members. The information about the works of S. P. Botkin in OCLC libraries is systematized. The works about the life and professional activities of S. P. Botkin in foreign languages are scarce. The paper about S. P. Botkin by American physician and researcher in psychosomatic medicine Stewart Wolf – “Sergei Petrovich Boskin: A Russian William Osler” (1994) is considered.

Keywords. Sergei Petrovich Botkin, scientific works of Botkin, publications about Botkin.

Имя Сергея Петровича Боткина неразрывно связано с развитием медицинской науки и практики в России. С. П. Боткин (1832—1889) – классик русской медицины, выдающийся терапевт, основоположник функционального направления в отечественной клинической медицине, талантливый педагог, организатор и общественный деятель, создатель крупной школы терапевтов, почётный член 35 отечественных и 9 иностранных медицинских обществ. Научные труды С. П. Боткина включают 150 лекций и трактатов, посвящённых актуальным проблемам терапии, инфекционных болезней, экспериментальной патофизиологии и фармакологии.

Ниже представлены наиболее известные работы:

«Образование застоя в кровеносных сосудах брыжейки лягушки от действия средних солей» (1858)¹,

«Количественное определение белка и сахара в моче посредством Пфенцке-Солейлевского поляризационного аппарата» (1858)²,

«Количественное определение молочного сахара в молоке посредством Пфенцке-Солейлевского аппарата» (1858)³,

«О всасывании жира в кишках» (1860)⁴,

«О физиологическом действии серноокислого атропина» (1861)⁵,

«Курс клиники внутренних болезней» (вып. 1–3, 1867–1875)⁶,

«О пернициозной анемии» (1884)⁷,

«О подвижности почек» (1884)⁸,

«Базедова болезнь и утомлённое сердце» (1885)⁹,

«Общие основы клинической медицины» (1886)¹⁰,

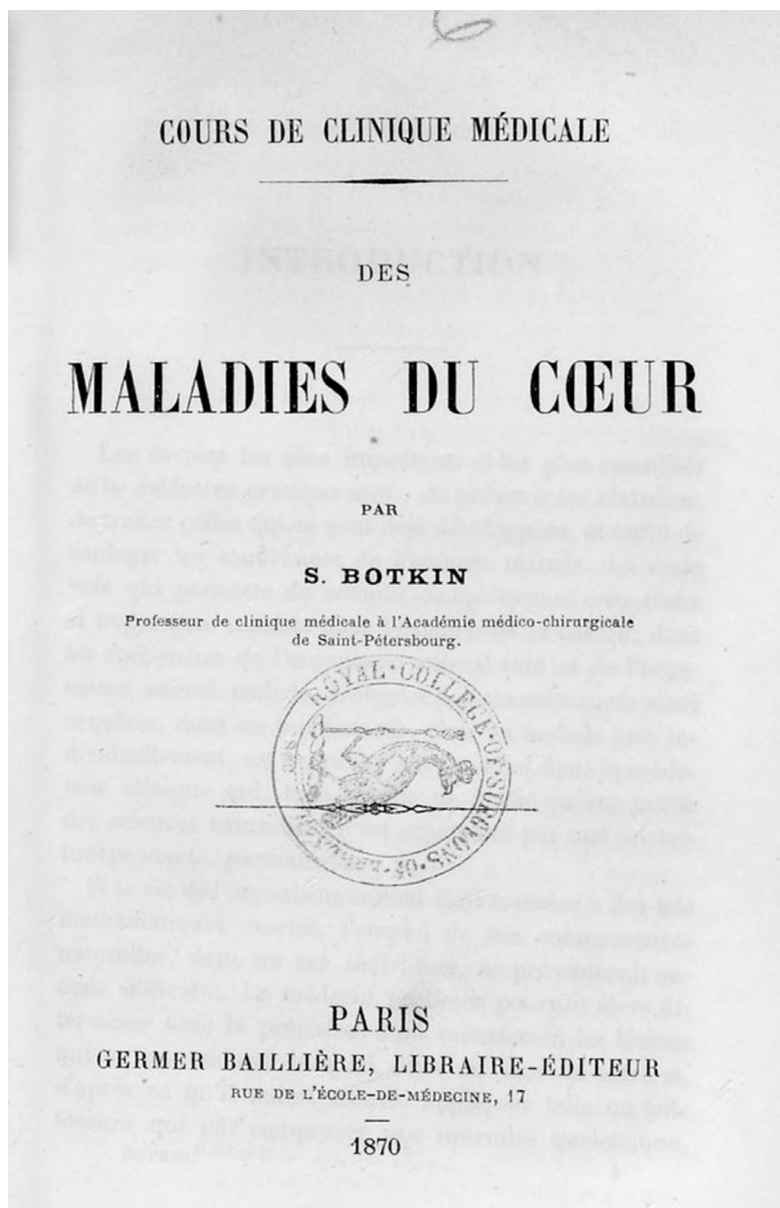
«Клинические лекции С. П. Боткина» (1887–1888)¹¹,

«Острый инфекционный катар желчных протоков» (1888)¹²,

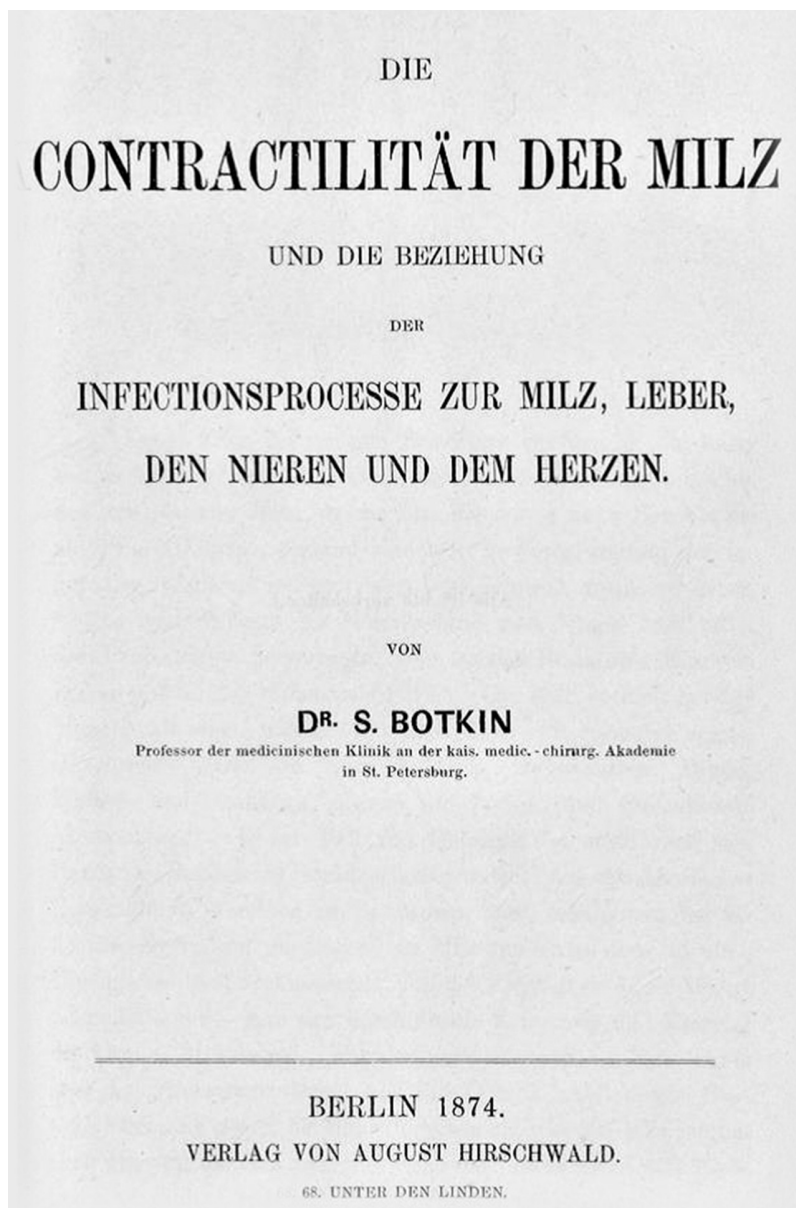
«Письма С. П. Боткина из Болгарии 1877 г.» (1893)¹³.

Обращает на себя внимание тот факт, что работа «Образование застоя в кровеносных сосудах брыжейки лягушки от действия средних солей» опубликована в 1858 году в «Военно-Медицинском журнале» и в этом же году на немецком языке («Ueber die Wirkung der Salze auf die circulirenden rothen Blutkörperchen») в известном немецком журнале «Virch. Arch.». Оба эти журнала выходят и по сей день. В этом же году в журнале «Virch. Arch.»¹⁴ опубликована ещё одна статья С. П. Боткина, посвящённая всасыванию жира в кишках («Zur Frage von dem Stoffwechsel der Fette im thierischen Organismus»)¹⁵. На эту же тему в 1860 году Сергеем Петровичем Боткиным успешно защищена диссертация «О всасывании жира в кишках», которая в этом же году опубликована в «Военно-Медицинском журнале». В 1861 году работа «О физиологическом действии серноокислого атропина» («Untersuchungen über die Diffusion organischer Stoffe») выходит одновременно на русском (журнал «Медицинский вестник») и немецком (журнал «Virch. Arch.»¹⁶) языках.

В 1866 году С. П. Боткин начал работу по изданию своих лекций под общим названием «Курс клиники внутренних болезней». Эти лекции были в дальнейшем переведены на немецкий, французский и испанский языки и изданы за рубежом. Согласно данным крупнейшего в мире библиографического каталога WorldCat, который поддерживается с помощью компьютерного библиотечного сервиса OCLC (Online Computer Library Center, Inc.) и библиотек – его членов, в нём представлено 70 трудов в 108 публикациях на 4 языках (немецкий, французский, испанский, русский), связанных с именем С. П. Боткина. Труды С. П. Боткина содержатся в 278 библиотеках-членах OCLC. Среди них:

Ил. 1. Обложка издания Botkin S. P. Cours de clinique médicale.
Des maladies du cœur. – Paris: G. Baillière, 1870

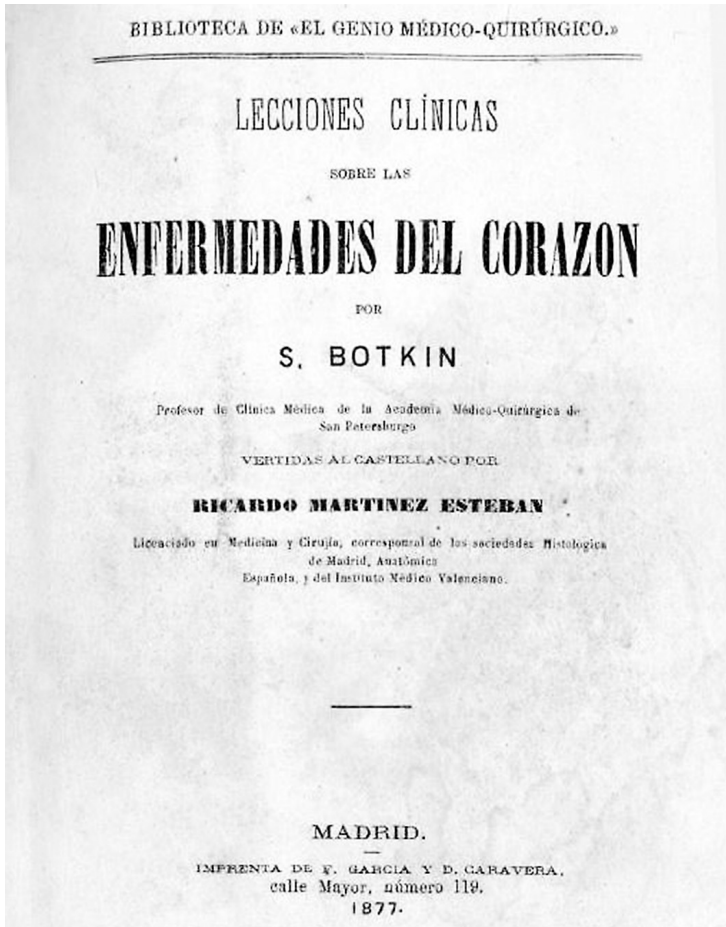

Ил. 2. Обложка издания Botkin S. Die Contractilität der Milz und die Beziehung der Infectionsprocesse zur Milz, Leber, den Nieren und dem Herzen. – Berlin, 1874

Название библиотеки	Город	Страна
Государственная библиотека Берлина	Берлин	Германия
Библиотека Свободного университета Берлина	Берлин	Германия
Баварская государственная библиотека	Мюнхен	Германия
Библиотека университета Эрлангена	Эрланген	Германия
Объединённая библиотека Дании	Vallegrur	Дания
Королевская библиотека Дании	Копенгаген	Дания
Медицинская библиотека университета Падуи	Падуя	Италия
Библиотека университета Амстердама	Амстердам	Нидерланды
Библиотека коллегии Лондона	Лондон	Великобритания
Библиотека университета Глазго	Глазго	Великобритания
Национальная библиотека Франции	Париж	Франция
Библиотека университета Клода Бернара	Лион	Франция
Библиотека университета Бордо	Бордо	Франция
Библиотека университета Мадрида	Мадрид	Испания
Центральная библиотека Испании	Мадрид	Испания
Библиотека Йельского университета	Нью-Хейвен	США
Библиотека Американского университета Шарджи	Шарджа	Арабские эмираты
Библиотека Нью-Йоркской академии медицины	Нью-Йорк	США
Университетские библиотеки Мэриленда	Колледж-Парк	США
Библиотека университета Мичигана	Анн Арбор	США
Библиотека Вирджинии	Блэксберг	США
Библиотека Пайсон	Малибу	США
Университетская библиотека Гронингена	Гронинген	Нидерланды
Университетская библиотека Утрехта	Утрехт	Нидерланды
Научная государственная библиотека Майнца	Майнц	Германия
Университетская библиотека Лейдена	Лейден	Нидерланды
Университетская библиотека Страсбурга	Страсбург	Франция
Центральная библиотека охраны здоровья армии	Париж	Франция
Библиотека университета Сорбонны	Париж	Франция
Библиотека университета Оксфорда	Оксфорд	Великобритания
Библиотека медицинского университета	Париж	Франция
Библиотека Парижского университета	Париж	Франция
Библиотека университета Джона Хопкинса	Балтимор	США
Национальная библиотека медицины	Бетесда	США
Библиотека Чикагского университета	Чикаго	США
Северное отделение библиотеки Калифорнийского университета	Ричмонд	США
Библиотека Калифорнийского университета	Сан-Франциско	США

Название библиотеки	Город	Страна
Библиотека Стенфордского университета	Стенфорд	США
Библиотека коллегии Лондона	Лондон	Великобритания
Библиотека Королевской коллегии хирургов Англии	Лондон	Великобритания
Библиотека университета Оксфорда	Оксфорд	Великобритания
Библиотека университета Восточной Англии	Норфолк	Великобритания
Межуниверситетская библиотека	Париж	Франция
Библиотека департамента культуры Каталонии	Барселона	Испания
Библиотека университета МакГилла	Монреаль	Канада
Национальная библиотека медицины	Бетесда	США
Объединенная библиотека Дании	Ballerup	Дания
Библиотека университета Эрлангена	Эрланген	Германия
Главная библиотека Цюрихского университета	Цюрих	Швейцария
Центральная библиотека Цюриха	Цюрих	Швейцария
Университетская библиотека Грайфсвальд	Грайфсвальд	Германия
Государственная библиотека Берлина	Берлин	Германия
Университетская библиотека Геттингена	Геттинген	Германия
Библиотека технического университета Дармштадта	Дармштадт	Германия
Университетская библиотека Бонна	Бонн	Германия
Университетская библиотека Абердина	Старый Абендин	Великобритания
Университетская библиотека Страсбурга	Страсбург	Франция
Библиотека Королевской коллегии Лондона	Лондон	Великобритания
Британская библиотека	Лондон	Великобритания
Библиотека Королевской коллегии хирургов Англии	Лондон	Великобритания
Университетская библиотека Базеля	Базель	Швейцария
Библиотека университета Кларка	Вустер	США
Библиотека Гарвардского университета	Бостон	США
Библиотека университета Жироны	Жирона	Испания
Центральная библиотека Барселоны	Барселона	Испания
Библиотека Свободного университета Барселоны	Белатерра	Испания

Первый выпуск лекций «Курс клиники внутренних болезней» С. П. Боткина вышел в свет в Санкт-Петербурге в 1867 году. Он содержит разбор одного больного со сложным заболеванием сердца. На основании этого клинического случая автор рассмотрел почти все учение о заболеваниях сердца и их лечении. В этом же году выпуск был переведён на немецкий язык – «Zur Diagnostik, Entwicklungsgeschichte u. Therapie der Herzkrankheiten» – и издан авторитетным берлинским издательством «Verlag von August Hirschwald»¹⁷.

Ил. 3. Обложка издания Botkin S. Lecciones clínicas sobre las enfermedades del corazón. – Madrid: imprenta de F. García y D. Caravera, 1877

Позже этим же издательством выпуск был переиздан. Экземпляры хранятся в четырёх библиотеках, включенных в мировой библиотечный каталог. В 1870 году издательство «Germer Baillière» (Париж) опубликовало на французском языке первый выпуск лекций С. П. Боткина под названием «Des maladies du cœur»¹⁸. Вышло в свет пять изданий выпуска. Экземпляры хранятся в 19 библиотеках, включенных в мировой библиотечный каталог.

В 1869 году в Санкт-Петербурге был опубликован второй выпуск лекций. Он посвящён разбору большого сыпным тифом и содержит подроб-

ное изложение учения о лихорадочных заболеваниях. Этот выпуск также был переведён на французский и немецкий языки. В 1869 году на немецком языке издательством «Verlag von August Hirschwald» (Берлин) выпущен сборник лекций С. П. Боткина «Medicinische Klinik in demonstrativen Vortragen»¹⁹, в котором объединены в один том первый и второй выпуски лекций по клинической медицине. Вышло в свет три издания этого тома. Экземпляры хранятся в 20 библиотеках OCLC.

В 1870 году объединённый сборник лекций «Cours de clinique médicale» (первый и второй выпуски) издан издательством «Germer Baillière» (Париж) на французском языке²⁰ [ил. 1]. Вышло в свет четыре издания этого тома. Экземпляры книги хранятся в 9 библиотеках OCLC. В 1872 году в Париже на французском языке вышел в свет второй выпуск лекций С. П. Боткина под названием «De la fièvre» («Лихорадка») ²¹. Вышло четыре издания этого труда. Экземпляры хранятся в 17 библиотеках, включённых в мировой библиотечный каталог. Между 1867 и 1869 годами на немецком языке вышло в свет семь изданий лекций С. П. Боткина по клинической медицине «Medicinische Klinik in demonstrativen Vorträgen»²², в которые отдельными томами вошли первый и второй выпуски лекций. Экземпляры этих изданий хранятся в девяти библиотеках, включённых в мировой библиотечный каталог.

Третий выпуск лекций С. П. Боткина ввиду больших нагрузок в клинике, общественной деятельности и болезни вышел в свет значительно позже – на немецком языке («Die Contractilität der Milz und die Beziehung der Infektionsprocesse zur Milz, Leber, den Nieren und dem Herzen») в 1874 году²³ [ил. 2], а на русском («О сократительности селезёнки и об отношении различных болезней к селезёнке, печени, почкам и сердцу» – в 1875 году²⁴. Имеется восемь изданий этого курса лекций С. П. Боткина на немецком языке. Экземпляры хранятся в 27 библиотеках OCLC. Примечательно, что в 1877 году издательство «Imprenta de F. García y D. Caravera» (Мадрид) опубликовало на испанском языке первый выпуск лекций С. П. Боткина о болезнях сердца «Lecciones clínicas sobre las enfermedades del corazón»²⁵ [ил. 3]. Вышло в свет четыре издания этого труда. Экземпляры хранятся в пяти библиотеках, включённых в мировой библиотечный каталог.

Что касается работ, посвящённых С. П. Боткину, они широко известны в нашей стране, и подавляющее число их на русском языке. В каталоге WorldCat имеются следующие труды о жизни и деятельности С. П. Боткина: Е. Е. Нилов «Боткин» в серии «Жизнь замечательных людей», Москва (изд. «Молодая гвардия»), 1966 (имеется в 46 библиотеках OCLC); Н. А. Белоголовый «С. П. Боткин, его жизнь и врачебная деятельность», Санкт-Петербург (тип. Ю. Н. Эрлих), 1892 (имеется в 16 библиотеках OCLC); Ф. Р. Бородулин «С. П. Боткин и неврогенная теория медицины», Москва (изд. «Медгиз»), 1953 (имеется в семи библиотеках OCLC); В. Б. Антонов

«С. П. Боткин и Военно-медицинская академия» / В. Б. Антонов, А. С. Георгиевский, Москва (изд. «Медицина»), 1982 (имеется в восьми библиотеках OCLC).

Работы на иностранных языках, посвящённые жизни и деятельности С. П. Боткина, единичны. Заслуживает внимания большая статья о С. П. Боткине, написанная на английском языке американским врачом и исследователем в области психосоматической медицины Stewart Wolf – «Сергей Петрович Боткин: русский Уильям Ослер» (Sergei Petrovich Botkin: A Russian William Osler»). Статья опубликована в 1994 году в журнале «Integrative Physiological and Behavioral Science»²⁶.

Уильям Ослер (1849—1919) – выдающийся терапевт и учёный-медик, один из основоположников клинической патофизиологии, реформатор англоязычного медицинского образования, королевский профессор медицины в Оксфорде (самое высокое звание учёного-медика в Великобритании).

В биографиях С. П. Боткина и У. Ослера много общего²⁷. И Боткин, и Ослер жили и работали в XIX веке. Оба родились в многодетных семьях (в семье Боткиных было 14 детей, у Ослеров – 9 детей). Ослер родился на 17 лет позже Боткина, в 1849 году (Онтарио, Канада), и начал заниматься врачебной деятельностью в 1878 году после окончания университета МакГилла (Монреаль), на двадцать с лишним лет позже Боткина (в 1855 году, после окончания Императорского Московского университета). Оба совершенствовали знания в европейских клиниках и лабораториях, в том числе у Р. Вирхова и Л. Траубе. Оба были выдающимися клиницистами и учёными. Оба внесли значительный вклад в развитие внутренней медицины. Всемирно известны их научные труды – «Курс клиники внутренних болезней» С. П. Боткина (1867–1875) и «The Principles and Practice of Medicine» («Принципы и практика медицины», 1892) Ослера²⁸. Оба были профессорами кафедры внутренних болезней (Боткин в Императорской медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге, Ослер – в Университете МакГилла в Монреале). Оба были блестящими лекторами, создали школы научной клинической медицины и имели большое число учеников и последователей, оба обладали редкостным даром воспитания молодых врачей. И Боткин, и Ослер занимались многогранной общественной деятельностью, были величайшими гуманистами и альтруистами своего времени. И Боткин, и Ослер были людьми скромных материальных запросов, занимались благотворительностью, отличались гостеприимством. Интересно, что в мире широко известны высказывания и афоризмы как Боткина, так и Ослера. Поразительно, что оба клинициста имели сходное понимание смысла врачевания, что нашло отражение в их знаменитых фразах: «Лечить не болезнь, но больного» (Боткин) и «Гораздо важнее знать, у какого человека болезнь, нежели какая болезнь у человека» (Ослер).

Таким образом, труды Сергея Петровича Боткина являются достоянием мировой медицинской науки, основные принципы Боткинской Школы сохранились и составили основу современной медицины. Слова его близкого друга, однокурсника, известного врача, общественного деятеля, писателя, публициста Николая Андреевича Белоголового, написанные сразу после смерти С. П. Боткина: «Его заслуги в области русской медицины так обширны, значение их так велико, что они не могут быть вполне оценены в настоящее время, и только будущему веку, когда наше национальное самосознание станет более спокойным и более трезвым, предстоит исполнить этот долг с надлежащим беспристрастием и хладнокровием»²⁹ – оказались действительно пророческими, и величайшие заслуги С. П. Боткина высоко оценены не только в нашей стране, но и за рубежом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Боткин С. П. Образование застоя в кровеносных сосудах брюшки лягушки от действия средних солей // Военно-медицинский журнал. – 1858. – Ч. 73. – Разд. 2.
- ² Боткин С. П. Количественное определение белка и сахара в моче посредством Пфенцке-Солейлевского поляризационного аппарата // Московская Медицинская Газета. – 1858. – № 13.
- ³ Боткин С. П. Количественное определение молочного сахара в молоке посредством Пфенцке-Солейлевского аппарата // Московская Медицинская Газета. – 1858. – № 19.
- ⁴ Боткин С. П. О всасывании жира в кишках // Военно-медицинский журнал. – 1860. – Т. 78. – № 2.
- ⁵ Боткин С. П. О физиологическом действии сернокислого атропина // Медицинский вестник. – 1861. – № 29.
- ⁶ Боткин С. П. Курс клиники внутренних болезней. – СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1867–1875. – Вып. 1–3.
- ⁷ Боткин С. П. О пернициозной анемии // Ежедневная клиническая газета. – 1884. – № 6.
- ⁸ Боткин С. П. О подвижности почек // Ежедневная клиническая газета. – 1884. – № 23.
- ⁹ Боткин С. П. Базедова болезнь и утомлённое сердце // Ежедневная клиническая газета. – 1885. – № 21.
- ¹⁰ Боткин С. П. Общие основы клинической медицины. Речь, произнесённая на торжественном акте в Императорской Военно-медицинской академии профессором С. П. Боткиным 7 декабря 1886 года. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1887.
- ¹¹ Клинические лекции проф. С. П. Боткина, читанные в Императорской военно-медицинской академии в 1883–88 гг. Собраны и составлены В. М. Бородулиным, В. Н. Сиротининым и М. В. Яновским под ред. С. П. Боткина. – 2-е изд. – СПб., 1888–1889. – Т. I–II.
- ¹² Боткин С. П. Острый инфекционный катар желчных протоков // Ежедневная клиническая газета. – 1888. – № 37–38.

- ¹³ Боткин С. П. Письма из Болгарии 1877 года. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1893.
- ¹⁴ Botkin S. Ueber die Wirkung der Salze auf die circulirenden rothen Blutkörperchen // Virchows Archiv. – 1858. – Bd. 15 [V]. – H. I–II.
- ¹⁵ Botkin S. Zur Frage von dem Stoffwechsel der Fette im thierischen Organismus // Virchows Archiv. – 1858. – Bd. 15 [V]. – H. III–IV.
- ¹⁶ Botkin S. Untersuchungen über die Diffusion organischer Stoffe // Virchows Archiv. – 1861. – Bd. 20 (X). – H. I–II.
- ¹⁷ Botkin S. Zur Diagnostik, Entwicklungsgeschichte u. Therapie der Herzkrankheiten. – Berlin: Hirschwald, 1867.
- ¹⁸ Botkin S. P. Des maladies du cœur. – Paris: G. Bailliere, 1870.
- ¹⁹ Botkin S. Medicinische Klinik in demonstrativen Vorträgen. Heft 2: flecktyphus. – Berlin: A. Hirschwald, 1869.
- ²⁰ Botkin S. P. Cours de clinique médicale. Des maladies du cœur. – Paris: G. Bailliere, 1870.
- ²¹ Botkin S. De la fièvre. – Paris: Germer-Baillière, 1872.
- ²² Botkin S. Medicinische Klinik in demonstrativen Vorträgen. – Berlin, 1867.
- ²³ Botkin S. Die Contractilität der Milz und die Beziehung der Infectionsprocesse zur Milz, Leber, den Nieren und dem Herzen. – Berlin, 1874.
- ²⁴ Курс клиники внутренних болезней / [Соч.] Профессора Терапевтической клиники С. Петерб. мед.-хирург. акад. С. П. Боткин. Вып. 1-3. Вып. 3: О сократительности селезенки и об отношении заразных болезней к селезенке, печени, почкам и сердцу / [Соч.] [проф. С. П. Боткина]. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1875.
- ²⁵ Botkin S. Lecciones clinicas sobre las enfermedades del corazón. – Madrid: imprenta de F. Garcia y D. Caravera, 1877.
- ²⁶ Wolf S. Sergei Petrovich Botkin: A Russian William Osler // Integrative Physiological and Behavioral Science. – 1994. – Vol. 29 (2).
- ²⁷ Gushing H. W. The life of Sir William Osler. – Oxford University Press, 1940. – Vol. 1–2; Bliss M. William Osler: A Life in Medicine. – Oxford University Press, 1999; Боткин Сергей Петрович. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907; Аринкин М. И., Фарбер В. Б. С. П. Боткин. – М.: Гос. изд-во медицинской литературы, 1948; Белоголовый А. Н. С. П. Боткин, его жизнь и врачебная деятельность. – СПб.: тип. Ю. Н. Эрлих, 1892.
- ²⁸ Osler W. The Principles and Practice of Medicine. – Edinburgh, London: Young J. Putland, 1892.
- ²⁹ Белоголовый А. Н. С. П. Боткин, его жизнь и врачебная деятельность. – СПб.: типография Ю. Н. Эрлих, 1892. – С. 5.

А. В. КОВАЛЕВСКИЙ

(Музей истории Санкт-Петербургской Мариинской больницы)

БОТКИНЫ В ИСТОРИИ МАРИИНСКОЙ БОЛЬНИЦЫ ДЛЯ БЕДНЫХ

Аннотация. В Мариинской больнице для бедных работали сыновья и ученики Сергея Петровича Боткина. При Академической Клинике С. П. Боткина работали ординаторами Е. А. Головин, В. И. Алышевский и Т. П. Павлов. Е. А. Головин с 1883 года состоял старшим врачом Мариинской больницы. В 1884 году, когда под руководством С. П. Боткина началось общее переустройство всего городского больничного дела, больницу возглавил В. И. Алышевский и привел её в блестящее состояние. Попасть сюда стремился каждый молодой врач, жаждущий знаний. В 1888 году младшим врачом Александринской женской больницы состоял С. С. Боткин, а Е. С. Боткин с 1890 года прошёл путь от врача-интерна до старшего врача больницы. В 1895 году П. П. Боткин оплатил заграничную поездку Евгения с научной целью. В. М. Бородулин, муж Анастасии Сергеевны, с 1890 года состоял ассистентом Терапевтического отделения. Супруги входили в число действительных членов Попечительства о бедных при больнице. Т. П. Павлов считается одним из основоположников русской дерматологии. В 1925 году он возглавил в больнице отделение кожных и венерических болезней на 50 коек.

Ключевые слова. Мариинская больница для бедных, Боткины, В. А. Алышевский, Е. А. Головин, В. М. Бородулин.

A. V. KOVALEVSKY

(Museum of History of St. Petersburg Mariinsky Hospital)

BOTKINS IN THE HISTORY OF THE MARIINSKY HOSPITAL FOR THE POOR

Abstract. E. A. Golovin, V. I. Alyszevski, T. P. Pavlov worked as resident institute doctors at the S. P. Botkin's Academic Clinic. Since 1883 E. A. Golovin was a senior physician at the Mariinsky Hospital. V. I. Alyszevski headed the Hospital

in 1884, when a general restructuring of the entire city hospital business began under the leadership of S. P. Botkin, and brought the hospital to brilliant state. Every young doctor who yearns for knowledge wanted to get here. In 1888s S.S. Botkin was a junior doctor at the Alexandrin Women's Hospital, and E. S. Botkin went from an intern to a senior doctor at the Hospital since 1890. In 1895 P.P. Botkin paid for a trip abroad for the scientific purpose of Eugene. V. M. Borodulin, husband of Anastasia Sergeyevna, was an assistant to the Therapeutic Department since 1890. The couple was active members of the guardianship of the Hospital Poors Trust. T. P. Pavlov is considered one of the founders of Russian dermatology. In 1925 he headed the 50-bed skin and venereal diseases department at the Mariinsky Hospital.

Keywords. Mariinsky Hospital for the poor, Botkins, V. I. Alyszevski, E. A. Golovin, V. M. Borodulin.

Ил. 1. Вид Мариинской больницы с Литейного проспекта. Воспроизведено по кн.: Попов Г. Мариинская больница для бедных в Санкт-Петербурге. 1803–1903. Исторический очерк / Под ред. А. А. Троянова. – СПб., 1905. – С. 1

Императрица Мария Фёдоровна, по воле которой была учреждена Мариинская больница [ил. 1], ещё в 1805 году предложила сделать больницу не только прибежищем для убогих больных, но и практическим училищем, как для кандидатов Медико-хирургической академии, так и для вольнопрактикующих в городе медиков. Многие молодые врачи стремились попасть в штат больницы, чтобы приобрести опыт, работая рядом со светилами медицины своего времени.

В 1826 году барон И. Ф. Фольборг, вице-президент Генеральной консистории Санкт-Петербурга, обращаясь к Императрице, просил зачислить сына, выпускника Берлинского университета, в больницу *«...отличающуюся от всех прочих больниц сей столицы, примерное устройство коей есть творение человеколюбивого попечения Вашего Императорского Величества, по существующему в ней, подлинно удивлению порядку, несравненно превосходит в многих отношениях знатнейшие больницы иностранных государств, представляя при том молодому врачу обширный курс для деятельности его и приобретения опытности»*¹.

Ученики С. П. Боткина в Мариинской больнице

В 1861 году, 10 ноября, С. П. Боткина утвердили в звании ординарного профессора кафедры Академической терапевтической клиники Императорской Медико-Хирургической Академии. Он посвятил клинике свои лучшие силы, первый поставил клинику на европейские начала, ввёл новейшие методы исследования, первый стал читать клинические лекции с подробным разбором больных в аудитории.

Ординаторами при Академической клинике С. П. Боткина работали институтские врачи Е. А. Головин (с 1865 года), В. И. Алышевский (с 1868 года), Т. П. Павлов (с 1885 года), С. С. Боткин (с 1886 года)².

Е. А. Головин

Евграф Александрович Головин (1843—1909) окончил ИМХА в 1865 году и был оставлен при клинике С. П. Боткина. В 1868–1869 годах в журнале «Архив клиники внутренних болезней профессора СПб ИМХА С. П. Боткина. СПб., 1870» было опубликовано несколько статей Е. А. Головина³. В 1870 году он защитил диссертацию на степень доктора медицины; тема диссертации была предложена С. П. Боткиным. *«Мне приятно искренне поблагодарить Сергея Петровича, – отметил в своей работе Головин, – за те ценные советы, указания и средства, которыми я пользовался, как при производстве настоящей работы, так и в течение моих 4-летних занятий в его кабинете и клинике»*⁴.

С 1873 года Е. А. Головина по рекомендации С. П. Боткина стали привлекать к лечению императрицы Марии Александровны и её младших детей. В мае этого года его командировали в Югенгейм «для сопровождения в обратном следовании в Россию» императрицы, в августе назначили для сопровождения императрицы в Ливадию. В мае 1874 года он вновь сопровождает императрицу в Югенгейм, в августе 1874 года – в Ливадию.

В 1875 году, 15 мая, С. П. Боткин высочайшим указом был пожалован званием лейб-медика с назначением состоять при Императрице Марии Александровне. Этим же высочайшим указом Е. А. Головина «назначили Почётным лейб-медиком Двора Его Величества, с поручением состоять при лейб-медике Действительном Тайном Советнике Боткине»⁵. Е. А. Головин постоянно наблюдал императрицу, а Боткина приглашали только для консультаций. Одна из мемуаристок подчёркивала отношение Е. А. Головина к Боткину: *«Головин Евграф Александрович, доктор императрицы; маленький, худенький, некрасивый, но умный и симпатичный, попал ко Двору по протекции Боткина и поэтому чуть не молился на него»*⁶.

С 1883 года Головин состоял старшим врачом Мариинской больницы. После того как 12 декабря 1889 года в Ментоне скончался С. П. Боткин, 22 декабря в заседании врачей Мариинской больницы Е. А. Головин выступил с сообщением «Памяти Сергея Петровича Боткина»⁷.

Е. А. Головин передал в библиотеку больницы атлас лекарственных растений (1 том – 1887 года издания, 2 том – 1890 года издания) на немецком языке с надписью: *«Книга поднесена в дар Мариинской больнице для медицинской библиотеки старшим врачом Евграфом Александровичем Головиным в 1896 г.»*. (В фондах Музея истории Мариинской больницы хранится диссертация Головина и оба тома этого атласа).

В 1894 году в структуре Министерства путей сообщения организуется Врачебно-санитарный отдел, а с 1897 года вводится и должность инспектора по санитарному состоянию железных дорог. Е. А. Головин стал первым таким инспектором.

В. А. Алышевский

Владимира Иасоновича Алышевского (1845—1909), сына военного врача, зачислили в ИМХА своекоштным студентом. Академию он окончил 4 декабря 1868 года со степенью лекаря и похвальным листом и был оставлен ординатором при клинике профессора С. П. Боткина.

Осенью 1870 года Главным Управлением Российского общества Красного креста при участии принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской и С. П. Боткина была основана Георгиевская община сестёр милосердия. Одним из первых врачей Общины стал В. И. Алышевский, о совместной работе с которым С. П. Боткин упоминал в своей книге *«Курс клиники внутренних болезней и клинические лекции»*⁸.

В 1871 году, 21 декабря, В. И. Алышевский защитил диссертацию на получение степени доктора медицины. Тему работы ему, так же, как и Е. А. Головину, предложил С. П. Боткин, который оказывал ординатору постоянное внимание, как при ведении работы, так и при других занят-

ях в клинике. *«Три года, которые я имел счастье провести в клинических занятиях под его руководством, оставят во мне лучшее и полное благодарности к учителю воспоминание»*, – писал В. И. Алышевский⁹.

В конце 1879 года императрица, как обычно, на зиму была отправлена в Канны. Понадобилось всё влияние Александра II, чтобы убедить её уехать. Марию Александровну сопровождал В. И. Алышевский. Как это было принято, он регулярно информировал министра Императорского двора графа А. В. Адлерберга о состоянии её здоровья.

В 1884 году, 28 января, по личному выбору Императора Александра III, В. И. Алышевского назначили Главным врачом Мариинской больницы. Его кандидатуру горячо поддержал С. П. Боткин. Это был первый Главный врач больницы из русских.

В. И. Алышевский пришёл в больницу в тот момент, когда после перехода городских больниц в ведение города под руководством С. П. Боткина началось общее переустройство всего городского больничного дела, и появилась такая образцовая больница, как Александровская барачная (Боткинская), делавшая недостатки Мариинской больницы более рельефными. В. И. Алышевский имел для своей реформаторской деятельности уже вполне определившуюся программу и вполне готовый образец.

В адресе по поводу юбилея В. И. Алышевского (1895) было сказано, что *«благодаря уму, энергии и выдающимся административным способностям, он привёл больницу в такое блестящее состояние, что каждый молодой врач, жаждущий знаний, стремился попасть именно в Мариинскую больницу и там действительно находил то, к чему стремился»*¹⁰.

В октябре 1895 года В. И. Алышевский был уволен «по прошению по расстроенному здоровью»¹¹.

А. А. Троянов

Алексей Алексеевич Троянов (1848—1916) окончил ИМХА в 1871 году со степенью лекарь с отличием. Занимаясь на старших курсах, он прослушал курс лекций С. П. Боткина по внутренним болезням¹².

В середине 1880 годов Обуховскую больницу передали в ведение возглавляемой С. П. Боткиным Больничной комиссии городского общественного управления. Зная А. А. Троянова по работе в Академии, С. П. Боткин предложил ему перейти в Обуховскую больницу. Тот дал согласие и в 1886 году стал заведовать мужским хирургическим отделением на 400 коек. Со свойственной ему энергией А. А. Троянов принялся за его преобразование.

В феврале 1905 года он получил в своё управление Мариинскую больницу для бедных.

«Алексей Алексеевич Троянов, “друг больных”, один из известнейших русских докторов, почётный лейб-хирург скончался 13 февраля 1916 года в Царском Селе», – так отозвалась на смерть доктора газета «Новое время»¹³.

Т. П. Павлов

Тимофей Павлович Павлов (1860—1932) после окончания курса ИВМА в 1885 году работал ординатором академической терапевтической клиники С. П. Боткина. В 1888 году он защитил диссертацию на степень доктора медицины. Работа была выполнена под непосредственным руководством С. П. Боткина: *«Мне было предложено моим глубокоуважаемым учителем проф. С. П. Боткиным, заняться более подробным исследованием влияния спартеина на животный организм»*, – писал диссертант во вступительной части¹⁴.

Павлов применил в дерматологии нервные идеи своего учителя и по праву считается одним из основоположников русской дерматологии. Особой заслугой Т. П. Павлова является подготовка большого числа высококвалифицированных дермато-неврологов.

В 1923 году в больнице «В Память жертв революции» (Мариинской) было создано отделение кожных и венерических болезней на 50 коек, которое возглавил Т. П. Павлов. Распоряжением Губздравотдела 28 января 1925 года его назначили заведующим кожно-сифилистической клиникой¹⁵. Т. П. Павлов вышел в отставку в 1926 году.

А. И. Соловьёв

Александр Иванович Соловьёв (1864—?) окончил ИВМА в 1891 году со степенью лекарь с отличием. С конца 1891 года по октябрь 1893 года он служил врачом-ассистентом в больнице Св. Николая Чудотворца, с октября 1893 года состоял ординатором в Клинике профессора Чудновского и с 1 апреля 1894 года исполнял обязанности врача Санкт-Петербургской пересыльной тюрьмы.

Диссертацию на степень доктора медицины он защитил в 1894 году. Работу предваряло посвящение: «Памяти дорогого учителя С. П. Боткина»¹⁶.

С февраля 1895 года А. И. Соловьёв состоял ассистентом-экстерном Женского терапевтического отделения Мариинской больницы. Неоднократно выступал на совещаниях врачей больницы с сообщениями¹⁷.

Не все кандидатуры, поддерживаемые С. П. Боткиным, утверждались Опекунским Советом Больницы. В 1886 году, после увольнения старшего хирурга Мариинской больницы К. К. Рейера, на его место были предложены две кандидатуры: А. И. Байков и А. С. Бельцов. Байкова рекомендовали профессора С. П. Боткин, С. П. Коломнин, Ю. Т. Чудновский, Е. И. Богданов-

ский. Однако решением Опекунского Совета 8 ноября 1886 года старшим хирургом Мариинской больницы был назначен А. С. Бельцов¹⁸.

Представители семьи С. П. Боткина в Мариинской больнице

С. С. Боткин

Сергей Сергеевич Боткин (1859—1910), доктор медицины, в 1888 году состоял младшим врачом Александринской женской больницы¹⁹. К началу 1898/99 учебного года экс-ординарный профессор С. С. Боткин возглавил кафедру Академической терапии. Ординаторские обязанности в ней исполнял В. Ф. Петров²⁰.

Е. С. Боткин

В 1889 году ИВМА окончил Евгений Сергеевич Боткин (1865—1918). В 1890 году, 3 января, он подал прошение на имя Главного врача Мариинской больницы. В. И. Алышевский, который на прошении написал: *«Лично зная г. Боткина, как прекрасно подготовленного и усердного молодого человека, ходатайствую об определении его на должность врача-интерна»*²¹. Таким образом, Е. С. Боткин был определён на службу 20 января 1890 году. В 1893 году он защитил диссертацию на степень доктор медицины.

В начале 1894 года Е. С. Боткин подал прошение о принятии в число ординаторов Мариинской больницы для бедных, на котором 12 января Алышевский написал: *«Не встречает препятствий»*²². 13 января Боткина определили на должность сверхштатного врача больницы. Он занимался и лечебной, и экспериментальной деятельностью в больничных палатах и в лаборатории, неоднократно выступал с сообщениями в заседаниях врачей Мариинской больницы²³.

В конце 1894 года очередная группа молодых врачей готовилась к поездке за границу. Больница располагала средствами на содержание только двух человек. Желая включить в число командированных и Е. С. Боткина, Алышевский обратился с просьбой о финансировании к его дяде Петру Петровичу Боткину, известному своей благотворительной деятельностью. В начале 1895 года Владимир Иасонович известил о своём решении Почётного Опекунa, управляющего Мариинской больницей графа Бахметьева. Разрешение было получено. В письме от 26 января 1895 года П. П. Боткин сообщил о согласии оплатить командировку Е. С. Боткина. Главный врач выразил Петру

Петровичу благодарность за пожертвование: *«Вами сделано крупное денежное приношение с целью дать возможность Мариинской больнице командировать за границу с научной целью сверхштатного врача Е. С. Боткина. Главноуправляющий Собственной его канцелярией разрешил мне таковое принять и просил выразить Вам его, графа Бахметьева, благодарность за Ваше щедрое приношение в интересах Мариинской больницы»*²⁴.

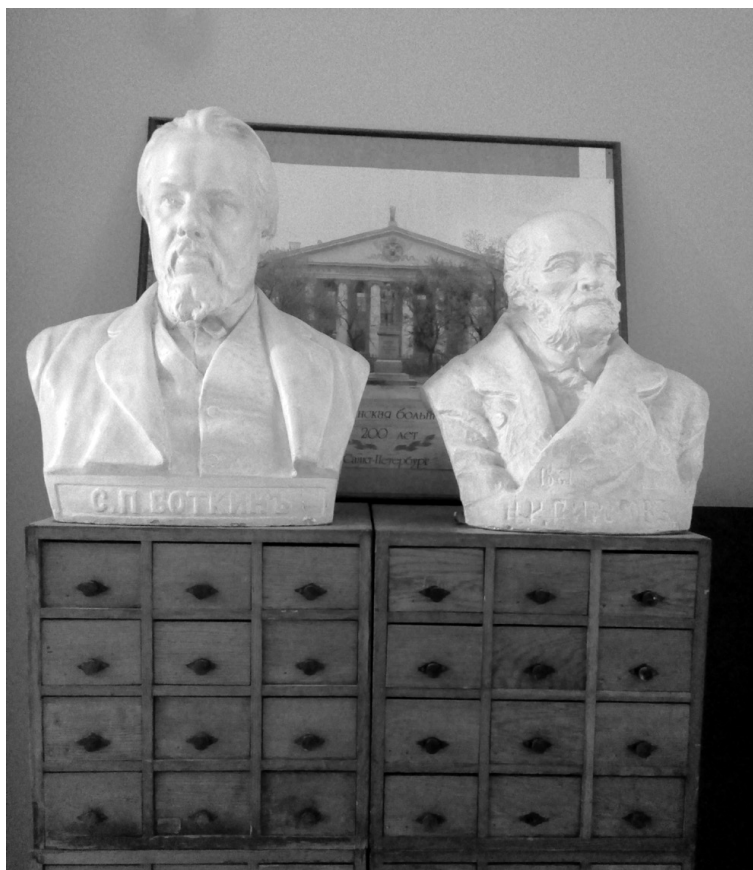
Находясь за границей, Евгений Сергеевич занимался в клиниках известных профессоров Европы, где получил разносторонние медицинские познания на самом высоком уровне и был прекрасно подготовлен к самостоятельной лечебной и научной работе.

Весной 1897 года он начал читать пробные лекции для студентов ИВМА, а 12 мая 1897 года получил звание приват-доцента ИВМА по внутренним болезням с кликой. В удостоверении, подписанном 30 сентября Главным врачом Е. В. Павловым, говорилось, что *«со стороны Мариинской больницы нет препятствий для чтения лекций для студентов ИВМА приват-доцентом ИВМА, доктором медицины надворным советником Е. С. Боткиным»*²⁵.

Е. С. Боткин был превосходным практическим врачом, имевшим к тому же свои собственные взгляды на взаимоотношения врача и больного. В своей вступительной лекции студентам 3-го курса ИВМА 18 октября 1897 года он, в частности, говорил: *«“Больница – для больных” – этот девиз должен лечь в основу нашего отношения к больным»*²⁶.

Наблюдая пациентов Мариинской больницы, Евгений Сергеевич анализирует контингент больных, подмечая особенности общения с ними и трудности составления анамнеза, истории болезни. В опубликованной в 1903 году работе *«Что значит “баловать больных”?»* он писал: *«Врач никогда не должен забывать, что перед ним больной человек, нередко страдающий от своей нервной болезни не менее чем другой от физической, и заслуживающий поэтому сердечного и внимательного участия. Знакомство с душевным миром больного врачу не менее важно, чем представление об анатомических изменениях и нарушениях физиологических функций»*²⁷.

С 19 ноября 1897 года его назначили сверхштатным врачом амбулаторной лечебницы Свято-Троицкой общины сестёр милосердия РОКК с оставлением на службе в Мариинской больнице²⁸. Совет Управления Георгиевской Общины РОКК 27 ноября 1898 года постановил избрать на вакантную должность Главного врача Общины Е. С. Боткина²⁹. На запросе сестры-настоятельницы баронессы В. Е. Врангель: *«Нет ли препятствий со стороны Мариинской больницы?»* Е. В. Павлов написал: *«Препятствий нет»*³⁰. С 1 января 1899 года Е. С. Боткин был назначен Главным врачом Георгиевской общины.

Ил. 2. Бюсты С. П. Боткина и Н. И. Пирогова в Музее Мариинской больницы. Фотография автора

В. М. и А. С. Бородулины

Василий Михайлович Бородулин (1847—1919), доктор медицины, был женат на дочери Сергея Петровича и Анастасии Александровны – Анастасии (1863—1925).

С 1874 года В. М. Бородулин состоял ассистентом Академической терапевтической клиники ИМХА (с 1881 года ИВМА)³¹. Ассистент С. П. Боткина, с 1890 года ассистент Терапевтического отделения Мариинской больницы³². Василий Михайлович принимал участие в издании книги «Клинические лекции проф. С. П. Боткина, читанные в Импе-

раторской военно-медицинской академии в 1883–88 гг. Собраны и составлены В. М. Бородулиным, В. Н. Сиротининым и М. В. Яновским / Под ред. С. П. Боткина, 2-е изд., т. I–II, СПб., 1888–1889». Средства от издания книги предполагалось потратить на устройство дома для престарелых неимущих врачей и их семейств.

Василий Михайлович и Анастасия Сергеевна Бородулины с 1904 по 1911 год состояли действительными членами попечительства о бедных при Больнице. Устав попечительства о бедных при Мариинской и Александринской женской больницах в С.-Петербурге был Высочайшее утверждён 12 апреля 1880 года. Попечительство создавалось с целью призрения детей, родители которых умерли в означенных больницах или же находились в них на излечении, и для оказания нравственной и материальной помощи, как неимущим, находившимся в больницах, так и тем, которые выходили из них, а равно и их семействам. Попечительство состояло из почётных членов (членов императорской фамилии и лиц, оказавших попечительству особые услуги или сделавших в пользу его благотворительный взнос не менее 500 рублей), из действительных членов, вносящих ежегодно в пользу попечительства не менее 10 рублей, и сотрудников, обязавшихся личным трудом принимать участие в делах Попечительства³³.

В 1888 году, 12 июля, в Мариинской больнице ввели новый Устав, согласно которому кроме старших и младших врачей в штат больницы входили 10 интернов и 12 сверхштатных врачей³⁴. Е. С. Боткин, В. Ф. Петров и А. Л. Степанов, окончившие Академию в 1899 году, были определены в Больницу интернами.

В. Ф. Петров

Варфоломея Фёдоровича Петрова (1865 — после 1924), с отличием окончившего ИВМА, в 1889 году зачислили в Мариинскую больницу на должность врача-интерна, с 1 февраля 1893 года он состоял сверхштатным ординатором. В 1894 году В. Ф. Петров вёл холерных больных в Мариинской больнице³⁵. Диссертацию на степень доктора медицины он защитил в 1895 году. Цензорами при защите были профессора Л. В. Попов, В. Н. Сиротинин и приват-доцент С. С. Боткин. В заключение своей работы диссертант писал: *«Пользуюсь случаем выразить сердечную благодарность уважаемому С. С. Боткину за данную мне тему и советы, которыми я постоянно пользовался. Кроме этого считаю приятным долгом поблагодарить директора Мариинской больницы В. И. Алышевского и старших врачей З. Ю. Сабинского и Е. А. Головина за доброжелательное ко мне отношение и позволение пользоваться больничным материалом из Больницы»*³⁶. С 1904 года В. Ф. Петров состоял приват-доцентом ИВМА при Ака-

демической терапевтической клинике профессора С. С. Боткина³⁷, был действительным членом Общества попечения о бедных при Мариинской и Александринской женской больницах³⁸.

А. Л. Степанов

Евгений Сергеевич Боткин постоянно оказывал помощь в научной работе своим друзьям и коллегам. Среди них был и одновременно с ним вышедший из Академии и поступивший в Мариинскую больницу Александр Леонтьевич Степанов (1865 — после 1915), который последовательно состоял экстерном, ассистентом-интерном и сверхштатным ординатором Мариинской больницы. Диссертацию Степанов защитил в 1900 году. Цензорами диссертации по поручению конференции были профессор С. С. Боткин и приват-доцент Е. С. Боткин³⁹. В заключение работы Степанов писал: *«Считаю своим долгом выразить мою глубокую благодарность многоуважаемому профессору С. С. Боткину за предложение темы для настоящей работы, за советы и указания при исполнении её, а также за любезное предоставление пользоваться его библиотекой. Приношу мою сердечную благодарность многоуважаемому приват-доценту Е. С. Боткину за его постоянную готовность делиться своими познаниями и за проявление живого интереса к этой работе»*⁴⁰. В 1911 году старший врач А. Л. Степанов вместо мужского терапевтического отделения стал заведовать мужским нервным отделением и рентгеновским кабинетом. В декабре 1913 года он исполнял обязанности помощника директора больницы⁴¹.

С. П. Боткин создал целую школу учеников, почти исключительно русской национальности, из которых многие заняли кафедры как в Академии, так и в различных университетах. В середине 1880 годов под его руководством началось общее переустройство всего городского больничного дела. Назначенный в 1884 году Главным врачом Мариинской больницы для бедных В. И. Алышевский, ученик С. П. Боткина, имел для своей реформаторской деятельности уже вполне определившуюся программу. Он привёл больницу в такое блестящее состояние, что каждый молодой врач, жаждущий знаний, стремился попасть в Мариинскую больницу. Здесь получили свой первый практический опыт и сыновья С. П. Боткина – Сергей Сергеевич и Евгений Сергеевич.

Вот уже на протяжении двух веков одной из особенностей Мариинской больницы остаётся уникальное сочетание богатого практического и научного опыта. И в настоящее время больница является клинической базой ведущих учебных и научных учреждений Санкт-Петербурга.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ РГИА. Ф. 758. Оп. 15. Д. 74. Л. 5.
- ² Куценко А. И. Исторический очерк кафедры Академической Терапевтической кафедры ВМА 1810–1898 гг. Диссертация на степень доктора медицины. – СПб.: Тип. Мещерского, 1898. – С. 138.
- ³ Куценко А. И. Указ. соч. – С. 181, 183.
- ⁴ Головин Е. А. О причинах исчезания желчных кислот в моче при желтухе. – СПб.: тип. Трея, 1870. – С. 15.
- ⁵ Зимин И. В. Врачи Двора Его Императорского Величества, или Как лечили царскую семью: повседневная жизнь Российского императорского двора: [400 лет Дому Романовых]. – М.: Центрполиграфиздат, СПб.: Русская-тройка, 2018. – С. 42.
- ⁶ Горбунова Ю. А. 1874–1880 гг. в Ливадии. Записки // Наша старина. – 1914. – № 7. – С. 664.
- ⁷ Головин Е. А. Памяти Сергея Петровича Боткина // Сборник трудов врачей С.-Петербургской Мариинской больницы. – СПб., 1892. – Вып. 1. – С. 306–319.
- ⁸ Боткин С. П. О сократительности селезёнки и об отношении заразных болезней к селезёнке, печени, почкам и сердцу. Курс клиники внутренних болезней и клинические лекции. – М.: Медгиз, 1950. – Т. 1. – С. 259–260.
- ⁹ Алышевский В. И. Материалы для изучения искусственного паралича диафрагмы у животных. – СПб.: тип. тов. «Общественная польза», 1871. – С. 112.
- ¹⁰ Иллюстрированный вестник культуры. Наши деятели по медицине. – СПб., 1910–1911. – Вып. 1. – С. 59.
- ¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 226. Л. 64.
- ¹² Михайлов С. С. Алексей Алексеевич Троянов: Материалы к истории отечественной хирургии: (Учебное пособие для слушателей Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова) / Под ред. проф. А. Н. Максименкова. – Л., 1951. – С. 10.
- ¹³ Новое время. – 1916. – 20 февраля. – № 14851. – С. 6.
- ¹⁴ Павлов Т. П. Серноокислый спартеин как средство сердечное и мочегонное: диссертация на степень доктора медицины. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1888. – С. 4, 72.
- ¹⁵ Емельянов О. В. Мариинская больница (1803–2003) / Под. ред. Н. А. Белякова. – СПб.: Хромис, 2004. – С. 170.
- ¹⁶ Соловьёв А. И. Исследование крови у стариков: диссертация на степень доктора медицины / Из клинической лаборатории проф. Ю. Т. Чудновского. – СПб.: Гос. тип., 1894.
- ¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 84. Л. 22 об; Сборник трудов врачей С.-Петербургской Мариинской больницы. – СПб. – Вып. 8. Приложение. Соловьёв А. И. «Формальдегид и дезинфекция». На майском заседании 1901 года. «Новый признак при тетании». 9 февраля 1902 года.
- ¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 236. Л. 19.
- ¹⁹ С 1848 года Больница называлась Мариинская и Александринская женская больницы для бедных в С.-Петербурге. В 1890 году младшим врачом этой больницы состоял А. Л. Степанов, а в 1894–1895 годах Е. С. Боткин. (Краткий исторический очерк 50-ти летнего существования Александринской женской больницы. Составлен

- помощником директора Н. И. Кусковым и А. Н. Лапотниковым. – СПб.: типография В. Киршенбаума, 1899. – Приложение № 5.– С. 2.).
- ²⁰ Куценко А. И. Указ. соч. – С. 313–314.
- ²¹ Попов Г. Мариинская больница для бедных в Санкт-Петербурге. 1803–1903. Исторический очерк / Под. ред. А. А. Троянова. – СПб., 1905. – С. 50
- ²² ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246. Л. 38.
- ²³ Сборник трудов врачей С.-Петербургской Мариинской больницы. – 1895. – Вып. 3. – С. 196–212; Там же. – 1898. – Вып. 5. – С. 22–41, 151–174.
- ²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246. Л. 44–55.
- ²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246. Л. 62.
- ²⁶ Лекции приват-доцента С.-Петербургской Медико-Хирургической Академии Е. С. Боткина / Сост. В. В. Тыренко. – СПб.: Кафедра факультетской терапии им. С. П. Боткина ВМА им. С. М. Кирова, 2012. – Вып. 2. – С. 10.
- ²⁷ Там же. – С. 23.
- ²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246. Л. 75.
- ²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246. Л. 76.
- ³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246. Л. 78.
- ³¹ Куценко А. И. Указ. соч. – С. 313.
- ³² ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 84. Л. 22.
- ³³ Устав Попечительства при Мариинской и Александринской больницах для бедных в С.-Петербурге: [утверждён 12 апреля 1880 года]. – СПб., 1905. – С. 1–2.
- ³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 206. Оп. 1. Д. 246. Л. 4.
- ³⁵ Емельянов О. В. Указ. соч. – С. 132.
- ³⁶ Петров В. Ф. Наблюдения над лейкоцитозом при крупозной пневмонии и над влиянием на него ртути в малых терапевтических дозах / Диссертация на степень доктора медицины. Из Мариинской больницы для бедных. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1895. – С. 72.
- ³⁷ Петров В. Ф. Случай фиброзной пневмонии, протекшей благополучно при явлениях лейкомии. Сообщение В. Ф. Петрова в Обществе русских врачей в Петербурге 10 марта 1905 г. Из Академической терапевтической клиники проф. С. С. Боткина в ИВМА. – СПб.: тип. Я. Трея, 1905. – С. 1. (Отдельный оттиск из периодического издания «Русский врач» – № 13).
- ³⁸ Отчёт попечительства о бедных при С.-Петербургской Мариинской и Александринской больницах. – СПб.: тип. А. С. Суворина, 1911. – С. 19.
- ³⁹ Степанов А. Л. О влиянии рицина при отравлении и иммунизации на лейкоцитоз (экспериментальное исследование) / Диссертация на степень доктора медицины. – СПб.: тип. кн. В. П. Мещерского, 1899. – С. 1.
- ⁴⁰ Там же. – С. 78.
- ⁴¹ Емельянов О. В. Указ. соч. – С. 100.

С. М. НОВАКОВСКАЯ-БУХМАН

(Государственный русский музей; Санкт-Петербург)

РАННЕХРИСТИАНСКИЕ И РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ СОБРАНИЯ М. П. БОТКИНА В КОЛЛЕКЦИИ РУССКОГО МУЗЕЯ И ИХ СИМВОЛИКА

Аннотация. Раннехристианские и ранневизантийские украшения из собрания М. П. Боткина в коллекции Русского музея включают золотые ювелирные изделия эпохи «Великого переселения народов» и ранневизантийские произведения V–VII веков. Это памятники полихромного инкрустационного стиля конца IV–VII веков и византийские украшения второй половины V – начала VI века, типичные для убора Северного Причерноморья. Уникальные подвески в виде рога (с тиснёными изображениями павлина и грифона) и реликварий с резным крестом на кости и тиснёным на золотом окладе образом Богородицы с Младенцем в рост были деталями ожерелья конца VI – начала VII века. Парные серьги с изображением голубя (или орла?) с ветвью в лапе характерны для Восточного Средиземноморья (Константинополя?) второй половины VI – середины VII веков. Большая часть этих украшений, вероятно, поступила к М. П. Боткину из Крыма.

Ключевые слова. Раннехристианские украшения, ранневизантийские украшения, полихромный инкрустационный стиль, украшения эпохи «Великого переселения народов», цепи с подвесками, символы Спасения и Воскресения.

S. M. NOVAKOVSKAYA-BUCHMAN

(The State Russian Museum; St. Petersburg)

THE SYMBOLISM OF EARLY CHRISTIAN AND EARLY BYZANTINE DECORATIONS IN THE STATE RUSSIAN MUSEUM MIKHAIL P. BOTKIN COLLECTION

Abstract. Early Christian and early Byzantine decorations from the Botkin collection in the Russian museum include golden jewelry artifacts from the period of Great Migration and early Byzantine period of the V–VII centuries. The monuments referring to the polychromatic inlay style of the end of the IV century, and Byzantine decorations of the second half of the V – the beginning of the VII century, are typical sets of decorations of the Northern Black Sea region. Unique pendants in the form of a horn (with embossed images of a peacock and a griffin) and a reliquary with a carved ivory cross embossed on the golden icon

frame with full figured image of Theotokos and Christ child were parts of the necklace of the end of the VI – the beginning of the VII century. A pair of earrings with a dove (or an eagle) with a branch in the paw are characteristic the Eastern Mediterranean region (presumably, Constantinople) of the second half of the VI – the middle of the VII century. Most of these decorations must have been acquired by Botkin in the Crimea.

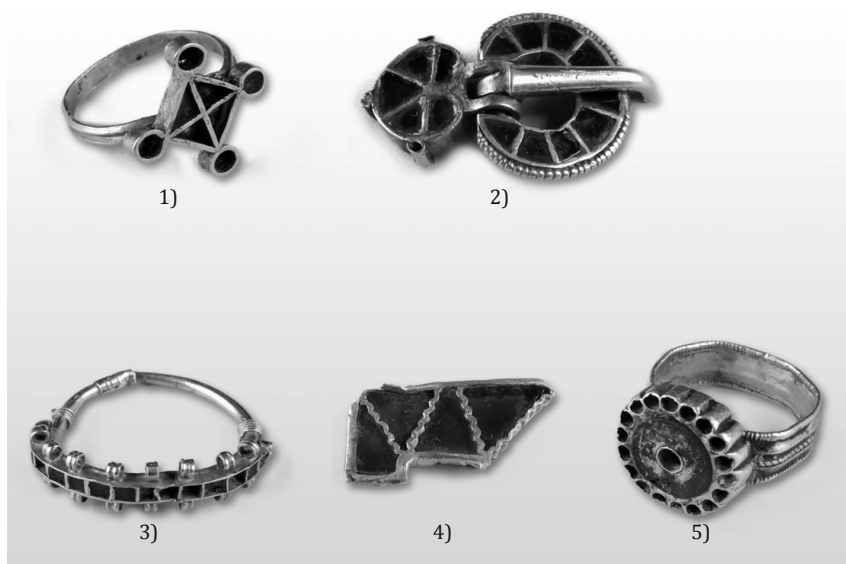
Keywords. Early Christian and early Byzantine decorations, polichromatic inlay style, decorations of the Great Migration period, chains with pendants, the Salvation, the Resurrection.

Памятники раннехристианского и ранневизантийского прикладного искусства в собрании Русского музея весьма немногочисленны. Они поступили в музей в составе собрания известного коллекционера М. П. Боткина. В 1917 году вдова Михаила Петровича, Екатерина Никитична Боткина, стремясь спасти от расхищения во время войны собрание мужа, перевозит ящики с его коллекцией в подвалы Этнографического Отдела Русского музея имени Александра III. По условиям договора коллекция могла оставаться на территории музея в течение года после заключения мира с Германией и в случае не востребованности становилась собственностью музея. Через четыре месяца после перевозки коллекции Екатерина Никитична умерла, а собрание её мужа так и осталось в музее. Произведения 31 ящика впоследствии были переданы в Государственный Эрмитаж¹, а один, под № 27, – перенесён в Художественный Отдел Русского музея. Находившиеся в нём произведения в течение нескольких лет были оформлены на постоянное хранение². Среди них, кроме памятников древнерусского прикладного искусства, оказалось несколько украшений раннехристианского и ранневизантийского времени³. Только три из них были воспроизведены на страницах роскошного издания 1911 года «Собрание М. П. Боткина»⁴. При поступлении экспонатов в Русский музей была составлена краткая опись предметов⁵. Благодаря ярким индивидуальным чертам раннехристианских и ранневизантийских украшений их удаётся идентифицировать с конкретными номерами кратких описаний описи.

До недавнего времени все украшения, кроме воспроизведённых на таблице в «Собрании М. П. Боткина», оставались не изданными. Вместе с тем раннехристианские и ранневизантийские украшения в музеях исчисляются единицами, и каждая новая «находка» является сенсацией.

В число боткинских памятников ювелирного дела входят пять изделий из золота, форма которых, техническое исполнение и сплошная инкрустация пилёными гранатами, цветными стёклами указывает на их принадлежность эпохе «Великого переселения народов». Это обувная (или одёжная) пряжка, два перстня, фрагмент накладки, возможно,

на ножны меча или на другой предмет и кольцевидная серьга [ил. 1]. Известий об источнике их поступления в коллекцию М. П. Боткина, о времени, месте и обстоятельствах находки нет. Однако технико-технологические и стилистические особенности облика украшений позволяют предложить их атрибуцию.

Ил. 1. Украшения эпохи «Великого переселения народов». Из коллекции М. П. Боткина:

- 1) Кольцо с ромбовидным щитком. Вторая половина V–VI век. Золото, гранаты; тиснение, пиление, шлифовка, перегородчатая инкрустация. БК-2803.
- 2) Обувная или одёжная пряжка. Культура гуннов. Конец IV – середина V века. Золото, гранаты; тиснение, пиление, инкрустация. № БК-2806.
- 3) Серьга. VI–VII века. Золото, гранаты; тиснение, пайка, инкрустация. БК-2801.
- 4) Фрагмент накладки на наконечник меча или ножа. Западная Европа. Конец V – начало VI века. Золото, гранаты; тиснение, пайка, пиление, шлифовка, инкрустация. БК-2791.
- 5) Перстень. Меровинги. VI–VII века. Золото, стекло; штамповка, скань, пайка. БК-2802. Собрание ГРМ

Наиболее ранним и хорошо сохранившимся изделием является типичная для полихромного инкрустационного стиля золотая обувная пряжка в виде сердцевидного оглавия и сопряжённой с ним кольцевидной пряжкой с хоботком застёжки. Обратная сторона изделия выпуклая чашевидная, с лицевой стороны вогнутая, поделённая на отдельные трапециевидные ячейки напаянными поперёк перегородками. Аналогично такими же перегородками разделено на треугольные и полукруглые гнез-

да-ячейки плоское оглавие. Образовавшиеся гнезда заполнены хорошо отшлифованными гранатами. Обращённая к оглавию часть кольцевидной пряжки разомкнута, её края соединяются золотым стержнем-перемычкой. Вокруг этого стержня обвиты кольцом основание иглы-хоботка и выступы пластины, соединяющей с ней оглавие с пряжкой⁶. Тип такой пряжки, крупнорубчатая, имитирующая зернь проволока, напаянная по контуру кольца, три полых цилиндрика, припаянные к торцу оглавия, известны также по находкам в Крыму, на территории Германии, Польши, Венгрии⁷. Инкрустация плёными гранатами, сам тип пряжки позволяют отнести её к группе изделий инкрустационного стиля, ведущей своё происхождение из Крыма.

Случайность многих подобных находок, незначительное число комплексов, зафиксированных археологами, препятствовали выявлению погребальных обрядов носителей подобных украшений, соотнесению с ними вещественных памятников и исторических свидетельств о перемещении племён. В итоге полихромный инкрустационный стиль, заявивший о себе в культуре конца IV–V веков, исследователи относили к сармато-аланской, готской культуре, культуре гуннов⁸. На сегодняшний день наиболее обоснована связь памятников этого стиля с культурой гуннов, отразившей вкусы боспорской знати конца IV–V веков. Вместе с тем накапливается материал о более раннем сложении этого стиля на Востоке, в Грузии, в III–IV веках н. э. (памятники из могильника Армазис⁹ и из *Sup-sa*¹⁰). Но распространение его по Европе всё равно относят к племени гуннов. Для него характерно украшение изделий плёными шлифованными камнями, чаще всего гранатами, и цветными стеклами, вставленными между напаянными на щиток-основу перегородками. При этом на дно гнезда подобных памятников помещали листочек золота, поверх него – пасту, на которую и крепились камни.

Памятники Русского музея принадлежат как раз к группе изделий с перегородчатой инкрустацией. По монетам римского императора Валентиниана I (364–375 годы) и индикации монеты Валентиана II (375–392), найденным в катакомбах на Госпитальной улице в Керчи¹¹, и по аналогичным комплексам памятники этого стиля, а, значит, и пряжку из Русского музея, можно датировать концом IV – серединой V века. Аналогичные пряжки степных комплексов всё-таки отличаются по декору¹².

К произведениям того же стиля принадлежит и золотое кольцо с кольцевидной шинкой и ромбовидным щитком¹³. Узкие боковые стенки щитка и напаянные по диагонали перегородки образуют ячейки для четырёх вставок граната. Из них на щитке сохранилась лишь одна. К вершинам щитка припаяны цилиндрические гнёзда-ячейки, гранат также сохранился лишь в одной из них. Утрата камней обнажила технику инкрустации: в одном из гнёзд щитка уцелела тонкая пластина листового золота с на-

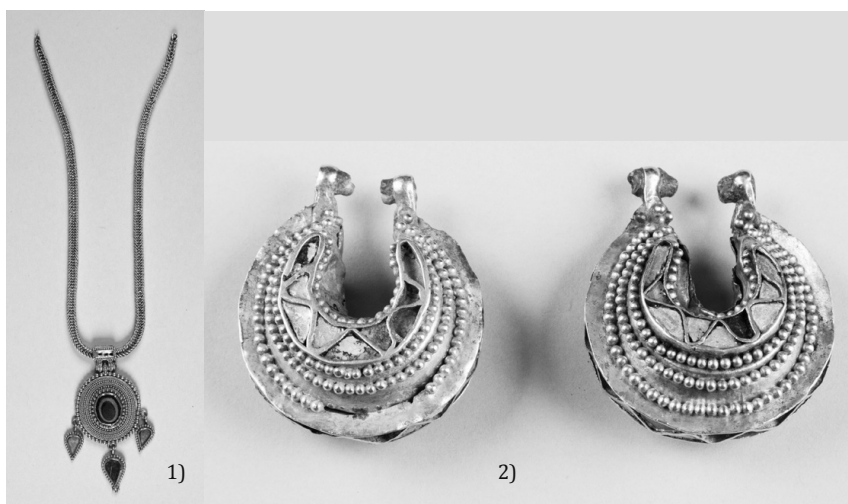
сечкой-сеточкой – подкладка под пасту, на которую, согласно технике производства таких украшений, крепились гранаты. Глубокая борозда вдоль обода перстня Русского музея предназначалась для инкрустации из скани, судя по ширине борозды, пропущенной в два ряда, образовывавшей узор «косичкой». Эта деталь характерна для западного варианта инкрустационного стиля, относимого ко второй половине V–VI векам н. э.¹⁴

Аналогичные перстни найдены на Кубани, в Ольвии, в Венгрии, Франции и даже Северной Африке¹⁵, что соответствует пути передвижения варварских племён. Иногда наравне с гранатами их инкрустировали и другими камнями. Круглые цилиндрические гнёзда, обрамляющие щитки перстней и пряжки, подобны группам зерни на окончаниях листовидных подвесок византийских цепей VI–VII веков, точно так же и инкрустации сканными нитями в два ряда встречаются в декоре изделий византийских мастеров, что говорит о стилистической связи украшений варваров с византийским ювелирным делом¹⁶.

Ещё один предмет из коллекции М. П. Боткина представляет, должно быть, фрагмент прямоугольной накладки-рамы¹⁷. Наружный и внутренний контур угловой части накладки составляют поставленные на ребро золотые полосы. Отличительной чертой накладки являются зигзагообразные волнистые перегородки – они делят поверхность на треугольные ячейки, заполненные пластинами граната. На обороте в двух гнёздах сохранился, подобно перстню с ромбовидным щитком, тонкий лист золота с частой сетчатой насечкой. «Донце» накладки, к которому крепились перегородки и инкрустация, утрачено. Судя по размерам и форме, это может быть фрагмент обкладки наконечника меча или ножа. Подобные детали с двулезвийных мечей известны в комплексах V века¹⁸. По наблюдениям И. П. Засецкой, волнистые перегородки характерны для территории Западной Европы¹⁹, что, возможно, указывает на происхождение и датировку фрагмента концом V – началом VI века.

Наконец, последним произведением в собрании коллекционера, декорированным вставками пилёных гранатов, является кольцевидная серьга с втульчатым рифлёным замком²⁰. Конструкция серьги близка полым лунницевидным серьгам: часть её с лицевой и оборотной сторон скрыта двумя припаянными к дужке дугообразными щитками, образующими коробочку. Пространство между щитками поделено на гнёзда поставленными между ними на ребро пластинами и заполнено пилёными гранатами. В декоре серьги предположительно использовалась жемчужная обнизь, пропущенная через напаянные на щитки кольца. Для фиксации коробочки серьга по сторонам от неё обвита гладкой проволокой. Такая серьга, но меньшего диаметра и с утраченными гранатами хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа²¹. Чёткая «строчка» инкрустации гранатами на серьге

из Русского музея сходна с такими же полосами на многих изделиях эпохи «Великого переселения народов» – это типичный элемент декора изделий конца IV – VII века²². Тип серьги имеет связанное с Древним Востоком и Грецией происхождение²³. Но наиболее близкие образцы серёг принадлежат к позднеримской эпохе²⁴. По аналогии с ними украшенная гранатами часть серьги была обращена вперёд со стороны лица. Среди серёг поздней Римской империи (VI–VII века) известен и образец со строчной инкрустацией из камней на дужке²⁵, типичный для памятников эпохи «Великого переселения народов». Серьга из собрания Боткина, на наш взгляд, соединила технику инкрустации гуннской эпохи с видоизменённым типом серёг итало-греческого круга. Вариации их, но без инкрустации, в VI–VII веках распространены и в украшениях Византии²⁶. Подобные образцы найдены на территории античных, а потом византийских колоний в Северном Причерноморье²⁷. Таким образом данный тип изделий был своего рода модой в VI–VII веках, которую восприняли и племена варваров.

Ил. 2. Раннехристианские украшения из коллекции М. П. Боткина:

1) Цепь с медальоном и подвесками. Византия. Вторая половина V – начало VI века. Золото, оникс, стекло (горный хрусталь?), гранат; тиснение, ковка, скань, зернь, пайка. БК-2792.

2) Височные подвески-колты в виде «калачика». Византия. Вторая половина V – начало

VI века. Золото, стекло; тиснение, зернь, скань, пайка. БК-2797, 2798.

Собрание ГРМ

Ранневизантийские украшения из коллекции Боткина делятся на две группы. Первая включает три предмета, подобные которым исследователи византийского искусства классифицируют как изделия визан-

тийских ювелиров, исполненные для подарков отличившимся воинам, вождам варварских племен с учётом их вкусов [ил. 2]. Это золотая массивная плетёная на четыре грани цепь с медальоном и привесками и две височных подвески в виде «калачика». В фонде Н. П. Кондакова в Архиве РАН хранится фотография этого памятника, оказавшегося впоследствии в Русском музее, с надписью: «Цепь (серебряная) [в действительности золотая – С. М. Н.-Б.] привезённая в 1895 г. в Петербург для продажи из Киева»²⁸. Произведение было приобретено М. П. Боткиным в Петербурге в 1896 году: в Фотоархиве в ИИМК РАН сохранились негатив и фотография цепи, исполненная в 1896 году фотографом Археологической Комиссии И. Ф. Чистяковым. В соответствии с надписью в картотеке негативов в 1896 году экспонат происходил уже из собрания М. П. Боткина²⁹.

Обратимся к самому памятнику. Цепь золотая, массивная, плетена на четыре грани³⁰. На неё надето оглавие в виде параллелепипеда, напоминающего коробочку, с двумя петлями шарнирного замка внизу. Грани «коробочки» обрамляет мелкая тщательно исполненная зернь, а с лицевой стороны устроено прямоугольное углубление – гнездо с тремя отверстиями, очевидно, для вставки камней. Свинцовый стержень шарнирного замка соединяет с оглавием крупный вытянутый по вертикали медальон с тремя листовидными подвесками. В его центр вмонтирован овальный трёхслойный оникс, а в листовидных подвесках – плоские пиленые пластины стекла (горного хрусталя?) и граната (в центре).

Цепь сохранилась не полностью: утрачена её верхняя часть с замком и орнаментированная пластина с оборота медальона. Благодаря этому видны все технические приёмы работы мастера: «спрятанные» основания петель для листовидных подвесок, припаянные к обороту лицевого медальона, с раскованными концами, напоминающие по форме сюльгамы³¹, и основания петелек для подвешивания привесок, в виде прямого конца проволоки, также припаянные к оборотной стороне подвески. Все эти детали должны были быть скрыты утраченным оборотным щитком.

Сам тип цепи, массивный медальон с узором из концентрических кругов крупной и мелкой зерни и туго свитой скани, подвески с вставными стеклами и гранатом, выделенный центр привески с крупным ониксом известны по небольшому числу аналогичных находок. Подобные подвески, иногда украшенные не плоским, а выпуклым камнем-кабошоном или стеклом, были найдены на цепях или без них в погребениях в Северном Причерноморье, в Великой Болгарии, в Поволжье³². На сегодняшний день нам известны одиннадцать медальонов от восьми цепей и две цепи с медальонами. Все они имеют черты сходства с произведением из Русского музея. Полные комплекты цепей с подвесками-медальонами найдены в Чулекском кладе 1868 года (недалеко от Таганрога) и в разрушенной могиле у села Михаэльсфельд³³. Несмотря на разный характер изделий –

с ониксом из села Михаэльсфельд и с гранатом-кабошоном – на чулукской находке, оба памятника имеют близкое соответствие экспонату из собрания Боткина. Цепь из Чулукского клада содержит замок-коробочку, почти повторённую в замке на боткинской подвеске, а медальоны Михаэльсфельдской цепи, имеющие типичный узор из оникса, кругов скани и зерни, – чрезвычайно близки изделию Русского музея. В замке цепи из села Михаэльсфельд вмонтирован золотой солид императоров Юстина и Юстиниана I, датированный 528 годом³⁴, что позволяет и произведение из Русского музея отнести к концу V – началу VI века.

Как упоминалось, щиток оборотной стороны на цепи из собрания Боткина утрачен. Эрмитажный образец позволяет судить, каким он мог быть. На обороте медальонов из Михаэльсфельда сохранились накладки с гравированными изображениями креста и пальмовых листьев по сторонам, что говорит о её символическом значении. Известно, что византийские цепи служили подарками богатой знати варварских племён. Об этом свидетельствует Прокопий Кесарийский в своём сочинении «Война с готами». Подобные подарки служили не только установлению и поддержанию отношений византийских императоров с варварами, в поддержке которых нуждалась Византия, но и делом «христианизации» племён, наглядным свидетельством чего являются кресты на обороте подвесок из Михаэльсфельд. Богатый подарок в виде цепи с крестом, судя по упоминанию Константина Багрянородного, служил знаком получения определённого придворного титула³⁵.

Стилистически цепь собрания Боткина, как и аналогичные памятники этой группы, содержит черты полихромно-инкрустационного стиля украшений варваров эпохи «Великого переселения народов». Об этом говорит использование камней и стёкол. Эта взаимосвязь византийского изделия с украшениями варваров, проявившаяся также в декоре височных подвесок, бляшек, серёг и перстней, находимых в одних комплексах с цепями, не раз отмечалась исследователями.

Цепь из коллекции М. П. Боткина, несмотря на неполную сохранность, на сегодняшний день является третьим изделием рассматриваемого типа (после двух эрмитажных экспонатов), представляющим цельный комплект украшения.

Стилистически едины с нею парные височные подвески из собрания М. П. Боткина³⁶. Они могли входить в один комплекс украшений, поскольку аналогичные подвески неоднократно находили вместе с подобными медальонами. Об этом свидетельствует и их декор. Известно несколько экземпляров подобных височных подвесок: из села Кайбалы Самарской губернии³⁷, из упоминавшегося погребения в Уфе, из находок в Керчи³⁸, из Симбирской губернии³⁹. Пара таких колтов из погребения в селе Михаэльсфельд, найденного, как упоминалось, с монетой императоров Юсти-

на и Юстиниана I в замке цепи, датирует подобные подвески, в том числе и колты из собрания Боткина, концом V – началом VI века. Такие височные подвески существуют недолго, характеризуют ювелирное искусство времени Юстиниана I⁴⁰. Подобные им, благодаря деталям своего декора, например, орнаментальной кайме с перегородками и вставными стёклами вдоль сердцевины серьги, указывают на их родство с изделиями эпохи «Великого переселения народов». Такой узор применён на фибулах из села Поршнино⁴¹. Отголоском данного приема является декор серёг VII века с волнообразным орнаментом вокруг центра щитка. Образцы этих произведений имеются в Археологическом музее Гераклиона⁴².

Ил. 3. Украшения ранневизантийского времени. Византия. Из коллекции М. П. Боткина:

- 1) Серьги. Голубь с ветвью. Восточное Средиземноморье. Вторая половина VI – середина VII века. БК-2799, 2800.
- 2) Подвески к ожерелью в виде изогнутого рога. Византия (Египет, Александрия?). Золото; тиснение, пайка. Конец VI – начало VII века. БК-2804, 2805.
- 3) Подвеска к ожерелью. Оклад. Богоматерь с Младенцем. Восточное Средиземноморье или Малая Азия. Золото, кость; резьба, тиснение. Середина VI – середина VII века. БК-2793. Собрание ГРМ

Вторая группа ранневизантийских украшений представляет изделия, служившие подвесками к нагрудной цепи, и пару ажурных штампованных прочеканенных с лицевой стороны серёг [ил. 3]⁴³. Последние – золотые плоские штампованные лунницы с проволочными овальными

дужками с петлёй и кольцом замка на концах. Подобные им были широко распространены в Византии и её провинциях. Разные художественные приёмы их орнаментации говорят о наличии целого ряда центров, в которых они выполнялись. Среди сохранившихся экземпляров есть наиболее совершенные и повторяющие их работы провинциальных мастеров. По местам находок происхождение лучших экземпляров связывают с Восточным Средиземноморьем, Константинополем второй половины VI – середины VII века⁴⁴.

На серьгах такого типа часто встречаются изображения павлинов по сторонам древа, креста или вазы⁴⁵, фигуры голубей. Те же мотивы, исполненные так же плоскостно, с ажурной резьбой, украшают одновременные погребальные стелы коптов, карнизы и алтарные преграды, а также мозаичные полы византийских церквей. И там, и здесь они являются символами Спасения, Воскресения, Евхаристии, аллегорией рая.

Изображение птицы с ветвью известно на ряде аналогичных серёг в других собраниях⁴⁶. Подобным образом в Византии изображали голубя – символ Святого Духа, христианской души (на надгробных стелах раннехристианского времени⁴⁷, на серьгах VII века, где над голубем с поднятыми крыльями и ветвью в лапе изображается крест в венке⁴⁸). По словам Кирилла Александрийского, на печатях христианам нужно было иметь образ Святого Духа⁴⁹.

На паре серёг из Русского музея представлена птица с поднятыми раскрытыми крыльями и ветвью в лапе [ил. 3]. Это голубь с масличной ветвью. Его оперение и туловище покрыто обильным резным орнаментом в виде штрихов. По контуру лунницы припаяна полоса зерни.

Фигура летящего голубя с ветвью в лапах изображается над Ноевым ковчегом – символом Церкви⁵⁰, с надписью «In pace*» – в мире христианской церкви (по анализам текстов на раннехристианских надгробных стелах), – помещается также над вступающими в брак на брачных перстнях⁵¹, где голубь – символ супружеской любви⁵². Но в первую очередь голубь является символом души, часто обозначенным в надписях условным выражением «spiritus sanctus**»⁵³.

Однако нельзя исключить, что на серьгах из Русского музея изображён не голубь, а орёл (с учётом изогнутого клюва птицы). Этот мотив также символизирует Воскресение, Спасение душ праведников⁵⁴.

Данная пара серёг является одной из наиболее совершенных среди находок такого рода. Их следует отнести к работе искусного ювелира, трудившегося в крупном центре ювелирного ремесла. Аналогичное изделие, но исполненное провинциальным ремесленником-подражателем, было найдено в Крыму⁵⁵. Очень близкая, но проще и примитивнее исполненная

* Лат.: в мире, в покое.

** Лат.: святой дух.

серьга, была опубликована в 1929 году⁵⁶. Но их декоративная традиция иная по сравнению с произведениями из собрания Боткина. Это провинциальные копии с памятников, находящихся в Русском музее, или таких же, как они. По аналогии с серьгами этой группы экспонаты из коллекции Боткина следует отнести к Восточному Средиземноморью и датировать серединой VI – серединой VII века.

Подобные серьги неоднократно находили в комплексах с ожерельями с подвесками, где на цепочках имелись также привески в виде листика, птички, вазы или сосуда, креста или четырёхлистника, нередко – реликвария с крестом на одной стороне. (Центральной частью таких ожерелий обычно был крест или подвеска с изображением креста)⁵⁷. Подвески подобной формы бывают плоскими, ажурными, по стилю подобными только что рассмотренным образцам, или тиснёными, полыми внутри. Известно несколько сходных ожерелий, исполненных в Египте или в Константинополе. В коллекции Боткина присутствуют три подвески от подобной цепи. Две из них – парные, представляют собой изогнутые выпуклые полые «доли», аналогичные которым получили у исследователей наименование «листки». Действительно, на сходных цепях присутствуют подвески-листки, как, например, на цепочке из коллекции Пирпонта Моргана, найденной на Кипре⁵⁸, на цепях с территории Восточного Средиземноморья VII века⁵⁹. Подвески изогнутой формы с острым нижним концом, как на привеске из собрания Боткина, также входят в состав ожерелий, в том числе и в упомянутое из собрания Моргана.

Тиснёные изображения на привесках из собрания Боткина делают их уникальными⁶⁰. В их верхней части в выпуклой кольцевидной раме с одной стороны изображён стоящий в профиль венценосный павлин с обращённой назад головой. Хвост птицы поднят и раскрыт в виде округлого снопа, так что вся фигура целиком заполняет круг. С другой стороны, на подвесках – рельефное изображение орлиноголового грифона со свисающими передними лапами, поднятым вверх крылом и хвостом. Задняя часть туловища грифона отпечаталась нечётко или помята, рельеф задних лап и поднятого хвоста аморфен. Фигура грифона мощная, с крупными лапами и орлиной головой. Другие привески с аналогичными изображениями нам не известны. (На ожерелье из Египта, датированном концом VI – началом VII века, в верхней части подобного украшения представлено тиснёное изображение мальтийского креста⁶¹).

Нельзя не отметить, что на изделиях, хранящихся в Русском музее, по Л. Рео, изображены глубоко символические мотивы: павлин – символ бессмертия, рая, вечности – и грифон – символ Христа⁶². То есть, как и другие привески подобных ожерелий, они исполнены христианской символики.

Говоря о них, хочется отметить, что они могли быть и не листиками. Для их формы большое значение имеет изогнутость, округлый, отмеченный валиком верхний конец и заострённый нижний, а также типичный для выпуклых подвесок рельеф в виде продольных валиков и поперечных перемычек. На наш взгляд они, скорее, обозначают рог. Продольные и поперечные валики были характерны для изображений античных рогов изобилия в сценах времён года, на саркофагах, на мраморных капителях, на костяных пластинах диптихов. Иногда такие предметы изображены со спущенным вниз прямым концом, иногда с изогнутым. Наибольшее сходство по форме и декору, передающему округлую форму рога вверх, по поперечным валикам-кругам подвески ожерелья подходят на изображение рога – шофара⁶³ – на изображении арки Торы на донцах сосудов для святой воды для паломников, во множестве находимых в катакомбах. Рог – по Библии – эмблема могущества, чести и славы, сосуд для елея и благовоний, рог помазания на царство, рог Спасения «в доме Давида», знак отличия победивших на Востоке, символ вознесения народов, символ Воскресения (в него вострубит Господь, Ангел вострубит в рог перед началом Страшного суда, второго Пришествия Господа), символ иудейского богослужения (перед началом жертвоприношения жертвенник поливают вином из рога). Именно поэтому, вероятно, шофар всегда изображается рядом со святой святыней – аркой торы. И, видимо, не случайно на византийских ожерельях подвеска-рог помещалась рядом с крестом, птицей, вазой или амфоркой – символом причастия.

Наконец, говоря о происхождении таких привесок, важно учесть, что тиснёные подвески известны по находкам на территории северного Египта рубежа VI–VII веков; их происхождение связывают с Александрией⁶⁴. Это позволяет предположить связь подвесок из коллекции Боткина также с александрийской ювелирной мастерской⁶⁵.

Наконец, ещё одна подвеска из коллекции Боткина представляет собой маленький реликварий⁶⁶. Он состоит из резанного на кости образка с рельефом латинского креста на одной стороне. Образок заключён в простую оправу из тиснёного золотого листа, скрывающего его с одной стороны. На лицевой поверхности оклада – тиснёное на матрице изображение Богородицы в рост с Младенцем на руках. Слева и справа от фигуры боком размещена надпись, завершённая под фигурой Младенца справа: «ΘΕΟΤΟΚ»*** «О...». Подвеска имеет простую, характерную для медальонов византийских цепей петлю с продольным желобком посередине. Края оправы загнуты на торцы, вдоль них по центру напаяна ложнозернёная проволока.

Рельеф на окладе – с изображением Богородицы с Младенцем – сильно помят, однако, его иконография чётко определяется. Изображение Бо-

*** Греч.: Богородица.

гоматери в рост и фигуры Младенца на её руках с зажатым в левой руке свитком и протянутой в благословении правой рукой представляет один из начальных этапов формирования иконографии Богоматери Одигитрии. Для неё характерно отсутствие нимбов, жест правой руки Богоматери, ещё не указующей на Младенца, а направленной к ножкам Христа.

Подобные медальоны были центральными подвесками ожерелий. Они имели как круглую⁶⁷, так и прямоугольную форму⁶⁸. Весьма схожий памятник хранится в Музее Каннелопулос в Афинах. По характеру работы он мог быть исполнен в той же мастерской, что и медальон Русского музея. По аналогиям образков Русского музея следует датировать серединой VI – серединой VII века. Реликварий боткинского собрания имеет важное значение не только как интересный памятник, но и как прообраз будущего образа Богоматери Одигитрии – палладия Константинополя и всей Византии. Он является реликвией какого-то храма, возможно, константинопольского. К тому же времени относятся и другие известные прообразы иконографии Одигитрии – изображения на византийских монетах VII–IX веков и на сирийских крестах, на которых Богоматерь изображена в рост со спелёнутым Младенцем на руках.

Исключительно важно, что в 2002 году на выставке в Майнце в Германии были выставлены два таких же реликвария VII века: один с футлярчиком из серебра, с образком-вставкой с изображением креста – на кости, второй – в виде тиснёной золотой оправы (резной образок утрачен)⁶⁹. И в том, и в другом случае на футлярчике – исполненное тиснением изображение Богоматери в рост с Младенцем на руках, как и на реликварии Русского музея. Все три образка имеют тиснёную на футляре надпись: «*феотоко...*». Безусловно, они происходят из одного центра и одной мастерской и в будущем, возможно, помогут ответить на вопрос: реликвией какого храма и какого центра они были.

Конструкция реликвария из собрания Боткина с золотой полосой оправы на торце предполагает наличие его второй половинки: вставленный образок из кости не полностью заполняет футляр, отступая от его краёв, а напаянная вдоль торцов оклада ложнозернёная проволока обозначает лишь середину их толщины.

В заключение хотелось бы понять, как эти произведения попали в коллекцию М. П. Боткина. Выше уже упоминалось, что цепь с подвеской, украшенная ониксом, была привезена на продажу в Петербург из Киева, где её и приобрёл Боткин. Интересное свидетельство имеется о находке реликвария с образом Богоматери в Керчи: в статье «Керчь» в Богословской энциклопедии, изданной под редакцией Лопухина, сообщается: «*В недавнее время найден маленький складной золотой медальон с изображением Богородицы и с надписанием: Феотоко...*». Внутри его две пластинки слоновой кости, задвигающиеся одна в другую, с ликами: один

неясен, другой – Спасителя. Медальон этот в настоящее время находится в коллекции Боткина»⁷⁰. Если речь идёт о нашем образке, то его вторая половинка должна была иметь соответствующее описанию резное изображение, а вторая часть оправы, как и на аналогичных образках, вероятно, – образ креста.

М. П. Боткин, должно быть, скупал памятники и из Крыма. Он много путешествовал, и подобные находки могли оказаться у него в руках как за границей, так и в Крыму, в других частях России. Боткин был не только художником, учёным, коллекционером, он был акционером и директором правления «Российского общества пароходства и торговли» и пароходного общества «Кавказ и Меркурий», что приносило ему доходы и давало средства для собирания коллекции. По ходу следования судов по Волге для него, возможно, покупали и произведения для коллекции. Таким путём могли попасть к нему и памятники с юга России – из Крыма, на территории которого на смену античным колониям в византийское время пришли колонии ранневизантийские. К числу таких пунктов относилась и Керчь.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1490.
- ² ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. КПХО. Ед. хр. 2 «Собрание М. П. Боткина. 1917 г.». Кроме 432 предметов по описи 1917 года, которые в 1926 году были учтены за 860 номеров по списку, где все одинаковые предметы, например, бусы, получили отдельный номер, в ящике оказалось ещё 20 предметов и 23 обломка бронзовых и серебряных изделий. Архив ГРМ. Акт от 22.XI.1921. Л. 89 об. Отдел Учёта ГРМ. Приложение № 58 к КП 17/1926. Журнал Заседаний Художественного Отдела. № 767, 30/III 1926.
- ³ *Новаковская-Бухман С. М.* Зарубежные древности из собрания М. П. Боткина в коллекции Русского музея // Страницы истории отечественного искусства. Вып. XVIII. Русский музей. – СПб.: Palace Editions, 2011. – С. 10–12; *Новаковская-Бухман С. М.* Михаил Петрович Боткин – человек и коллекционер // Коллекции Михаила и Сергея Боткиных. (Не корысти ради...): Коллекции и коллекционеры Русского музея). – СПб., 2011. – Вып. 316. – Ил. 2–15; Каталог на диске к изданию «Коллекции Михаила и Сергея Боткиных»: № 3–14; *Новаковская-Бухман С. М.* Произведения византийского прикладного искусства в коллекции Русского музея // Византизм в контексте мировой культуры. Сборник научных трудов, посвящённых памяти А. В. Банк / Труды Государственного Эрмитажа, LXIX. – СПб.: Издательство ГЭ, 2013. – С. 157–161.
- ⁴ Собрание М. П. Боткина. – СПб., 1911. – С. 36. – Табл. 92.
- ⁵ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. КПХО. Ед. хр. 2.
- ⁶ ГРМ. Инв. № БК-2806. Обувная или одежда пряжка. Золото, гранаты; тиснение, пиление, инкрустация. 2,4×3,8×0,9. Толщина кольца 0,9 см.
- ⁷ *Засецкая И. П.* Золотые украшения гуннской эпохи. – Л.: Аврора, 1975. – № 70. Обзор литературы см. в ст.: *Засецкая И. П.* Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи великого переселения

- народов V–VIII веков. – М.: Наука, 1982. – Приложение; *Ковриг И.* Погребение гуннского князя в Венгрии. – Там же. – С. 8. – Рис. 3.
- ⁸ *Засецкая И. П.* Золотые украшения... – С. 6–7; *Засецкая И. П.* Классификация полихромных изделий... – С. 14; *Амброз А. К.* Кочевнические древности Восточной Европы и Средней Азии V–VIII вв. // *Степи Евразии в эпоху средневековья.* – М., 1981. – С. 10–11.
- ⁹ *Щукин М. Б., Бажан И. А.* К вопросу о происхождении полихромного инкрустационного стиля эпохи переселения народов. Доклад на совместном научном заседании отделов Востока и Истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, посвящённом 100-летию со дня рождения чл.-корр. АН Груз. ССР Л. А. Мацулевича. 13 ноября 1986 года.
- ¹⁰ *Javakhishvili A.* Jewellery and metalwork in Pre-Christian Georgia // *Jewellery and metalwork in the Museums of Georgia.* – Leningrad: Aurora, 1986. – P. 21–22. – Pl. 54–55, 73.
- ¹¹ *Засецкая И. П.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // *КСИА.* – 1979. – № 158. – С. 5–17.
- ¹² Там же. – Рис. 6.
- ¹³ ГРМ. Инв. № БК-2803. Кольцо с ромбовидным щитком. Вторая половина V – VI век. Золото, гранаты; тиснение, пайка, пиление, шлифовка, перегородчатая инкрустация. 2,3×2,2 см. Дм. Шинки – 2,2, толщ. – 0,1; ш. – 0,3; щиток – 2,0×1,9×0,3 см.
- ¹⁴ *Засецкая И. П.* Классификация полихромных изделий... – Рис. 3. – С. 22, 26, 30.
- ¹⁵ *Толстой И., Кондаков Н.* Древности времён переселения народов. Русские древности в памятниках искусства. Вып. III. – СПб., 1890. – Рис. 141. – С. 123; *Ross M.* Dumbarton Oaks Collection. Byzantine and early medieval antiquities in the DOC. Catalogue of the Byzantine and early medieval antiquities in the DOC. Volume two. Jewelry, enamels and Art of the Migration period. – Washington, 1965. – № 166.
- ¹⁶ В группу украшений «эпохи переселения народов» в собрании М. П. Боткина входит также перстень эпохи Меровингов VI–VII веков. См. *Новаковская-Бухман С. М.* М. П. Боткин – человек и коллекционер... – Ил. 3; CD - Каталог на диске к изданию «Коллекции Михаила и Сергея Боткиных»: № 7. – С. 24.
- ¹⁷ ГРМ. БК-2791. Золото, гранаты; тиснение, пайка, пиление, шлифовка, инкрустация. 2,5×1,35×0,3 см.
- ¹⁸ *Амброз А. К.* Указ. соч. – Рис. 5: 5–6. – С. 98.
- ¹⁹ *Засецкая И. П.* Классификация полихромных изделий... – С. 22, 25, 29–30. – Рис. 5, 6.
- ²⁰ ГРМ. БК-2801. Золото, гранаты; тиснение, пайка, инкрустация. 2,6×3,0×0,7 см. *Новаковская-Бухман С. М.* Зарубежные древности... – С. 8–9; *Новаковская-Бухман С. М.* Произведения византийского... – С. 157–158. – Рис. 1: 4; *Новаковская-Бухман С. М.* М. П. Боткин – человек и коллекционер... – Ил. 3. CD к изданию «Коллекции Михаила и Сергея...». Кат. № 5.
- ²¹ Инв. № Z-44. Поступила из Антиквариата в Отдел античной культуры ГЭ, в 1936 году передана в Отдел Востока ГЭ.
- ²² Встречается этот декоративный приём и на серьгах из Морского Чулека в Ольвии. См.: *Ross M.* Op. cit. – № 166 f.
- ²³ *Новаковская-Бухман С. М.* М. П. Боткин – человек и коллекционер... – С. 23. – Кат. № 5.

- ²⁴ Fontanay E. Lex Bigoux Anciens et Modernes. Preface par V. Victor Champier. – Paris, 1887. – P. 104, 116.
- ²⁵ Ibid. – Fig. on P. 118.
- ²⁶ Dalton O. M. Byzantine Art and Archaeology. – Oxford, 1911. – Fig. on P. 328.
- ²⁷ ОАК за 1895 год. – СПб., 1895. – С. 130.
- ²⁸ Архив РАН (Петербургское отделение). Ф. 115. Оп. 3. № 2. Л. 118.
- ²⁹ Фотоархив ИИМК РАН. СПб. Негатив III 6584. В картотеке под этим номером подпись: «Киев. УССР. Золотая византийская цепь с подвеской с камнями, XII–XIII в. из собрания Боткина. Фотограф – И. Ф. Чистяков, 1896. Фонд Арх. Ком.». (Цепь в надписи датирована ошибочно).
- ³⁰ ГРМ. БК-2792. Золото, оникс, стекло (горный хрусталь?), гранат, олово; тиснение, ковка, скань, зернь, пайка. Длина цепи (общая) – 38,3 см.; ширина – 0,5; медальон (с петлёй сверху) – 8,2×4,9×0,9. Утрачена верхняя часть цепи с замком и оборотная пластина медальона. Старые инвентарные номера (до поступления в коллекцию Боткина): «25», «26 чер.», «Роз». См. *Новаковская-Бухман С. М.* М. П. Боткин – человек и коллекционер... – Ил. 6.
- ³¹ Нагрудные застёжки такой формы были в употреблении у финно-угорских племён и в Волжской Болгарии.
- ³² Две цепи и единственный медальон найдены в Чулукском кладе 1868 году недалеко от Таганрога. *Толстой И., Кондаков Н.* Указ. соч. – С. 142; Фотоархив ИИМК РАН. 1868. (№№ 334–360. Табл. I – цепь); *Банк А. В., Бессонова М. А.* Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. I. – М., 1977. – № 160. – С. 116–117; *Артамонов М. И.* История хазар. – Л.: изд-во ГЭ, 1962. – С. 77. Цепь с массивной золотой подвеской найдена в 1861 году в с. Кайбалы Самарской губернии на берегу Волги. См.: *Толстой И., Кондаков Н.* Указ. соч. – С. 144. Цепь с тремя медальонами найдена в разрушенной могиле у села Михаэльсфельд. См.: *Кондаков Н. П.* Русские клады. – СПб., 1896. – С. 193–195. – Рис. 105, 106; *Банк А. В., Бессонова М. А.* Указ. соч. – № 159. – С. 115–116; *Синай. Византия. Русь. Каталог выставки.* – СПб.: Изд-во ГЭ, 2000. – В-18. Известен ряд медальонов от подобных цепей, найденный в упоминавшемся чулукском кладе (один). Один медальон (с ониксом) найден в могильнике Чми (аул Чми по Военногрузинской дороге. Передан в ГЭ). См.: МАК. – Т. VIII. – М., 1900. – Табл. СХХIV-1. См.: *Толстой И., Кондаков Н.* Указ. соч. – С. 122–123. – Рис. 139. Три пары медальонов, а также один крупный и две подвески от медальонов (от четырёх цепей) найдены в женском погребении в г. Уфе (Башкирия). См.: *Ахмеров Р. Б.* Уфимские погребения VI–VIII веков нашей эры // КСИИМК. – Вып. XL. – 1951. – С. 125–137. – Рис. 36: 4, 37: 1, 2, 3; 38: 5. (По обряду захоронения авторы относят погребение к VI–VII векам.). См.: *Степи Евразии в эпоху средневековья.* Указ. соч. – С. 28. – Рис. 12: 17–23. См. также об одном медальоне: *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. – Киев: Наукова думка, 1990. – С. 11–13. – Рис. 38, 39; *Рашиев Раюо.* Прабългарите през V–VII век. – Faber: Издательство Велико Търново, 2000. – С. 135. – Табл. 29:7 (медальон из могилы в с. Наташино (Крым). Аналогичный – в погребении в Мадаре в Великой Болгарии. См.: *Миков В.* Последни могилини находки // Мадира. – София, 1934. – Кн. I. – С. 429–438; *Ваклинов Ст., Ваклинова М.* Съкровището от Надъ Сент Миклош. – София, 1983. Датировка этих медальонов, относимых к работе одного мастера, вызывает разногласия. Предлагается дата середины – 2 половина VII века. См.: *Рашиев Раюо.* Указ. соч. – С. 113. Наконец, пять медальонов из коллекции барона Гейля в Вормсе,

- происходящих из собрания А. В. Звенигородского, упомянуты Н. П. Кондаковым (он относит их к XI–XII векам). Возможно, они не принадлежат к описываемой группе цепей с подвесками-медальонами. См.: Толстой И., Кондаков Н. Указ. соч. – С. 167.
- ³³ Ныне село Джигитинское близ Анапы Краснодарского края (находка 1892 года). Цепь хранится в Эрмитаже Инв. № 213/1; поступление из ИАК в 1893 году. См. также примеч. 23.
- ³⁴ Синай. Византия. Русь. Указ. соч. – Кат. В-18.
- ³⁵ Залеская В. Н. Прикладное искусство Византии IV–XII веков. – СПб.: Изд-во ГЭ, 1997. – С. 9.
- ³⁶ ГРМ. БК-2797, 2798. Золото, стекла; тиснение, зернь, скань, пайка. 4,5×3,7×2,0; 4,6×3,7×2,0.
- ³⁷ См. примеч. 22. Толстой И., Кондаков Н. Указ. соч. – С. 144; хранятся в Оружейной Палате.
- ³⁸ См. примеч. 22. Хранится в Эрмитаже, инв. № 182/58
- ³⁹ Синай. Византия. Русь. Указ. соч. – С. 47. № 16 а.
- ⁴⁰ Об аналогичных височных подвесках см.: Толстой И., Кондаков Н. Указ. соч. – Вып. 5. – С. 141. Рис. 201.
- ⁴¹ По И. П. Засецкой, памятники VI стилистической группы, датируются второй половиной V–VI веком.
- ⁴² Byzantine Art and European Art. – Athens, 1964. – Pl. 411.
- ⁴³ ГРМ БК-2799, 2800. Золото; тиснение, гравировка, ажурная резьба, зернь, пайка. 3,1 × 2,3 × 0,1; 3,3 × 2,3 × 0,1.
- ⁴⁴ Синай. Византия. Русь. Указ. соч. – Кат. В-13 а. С. 55.
- ⁴⁵ Rosenberg S.M. Beschrieben und eingeleitet von Otto von Falke. – Berlin, 1929. – Kap. II. – Taf. 6 – № 102; Age of Spirituality. Late Antique and Early Christian Art: Third to Seventh Century / Catalogue of the Exhibition at the Metropolitan Museum of Art / Ed. by K. Weitzmann. – New York, 1979. – № 290; Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections / Ed. by D. Buckton. – London, 1994. – № 103. – P. 104; Синай. Византия. Русь. Указ. соч. – Кат. В-13; Ross M. Op. cit. – № 87, 90.
- ⁴⁶ Talbot Rice D. The Art of Byzantium. – New York, 1959. – Pl. 65; Rosenberg S.M. Гл. II. – Taf. 6. – № 102; Byzantino Μουσείο Αθηνών Μουσείο Μπενάκη Μουσείο Kanelloupoloy. – 1994. – № 145.
- ⁴⁷ Уваров А. С. Христианская символика. Часть 1. Символика древне-христианского периода. Репринт издание 1908 г. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского института, 2001. – С. 150–152.
- ⁴⁸ Byzantino... – № 145.
- ⁴⁹ Залеская В. Н. Коллекция византийских и поствизантийских перстней // Византия и Ближний Восток. – СПб., 1994. – С. 90.
- ⁵⁰ Уваров А. С. Указ. соч. – С. 147–149.
- ⁵¹ О вариантах композиций – см. кн.: Ross M. Op. cit.
- ⁵² Уваров А. С. Указ соч. – С. 154–155; Kantorovic E.N. On the Golden Marriage Belt and the Marriage Rings of the Dumbarton Oaks Collection // DOP. – 1960. – № 14. – P. 1–16. Особенно P. 11. – Note 51 and fig. 27 b.
- ⁵³ Уваров А. С. Указ соч. – С. 151, 154.
- ⁵⁴ Ошарина О. В. Иконография и символика Воскресения в искусстве христианского Египта IV–VII вв. Автореферат на соискание учёной степени кандидата искусствоведения. – СПб., 2009. – С. 15.

- ⁵⁵ Находилась в коллекции Бертье-Делагарда, ныне в Британском музее. Byzantium. Treasures of Byzantine Art and Culture from British Collections. – London, 1994. – № 101.
- ⁵⁶ Rosenberg S. M. Op. cit. – Kap. II. – Taf. 6. – № 102.
- ⁵⁷ Dalton O. M. Op. cit. – Fig. 317; Age of Spirituality. Op. cit. – № 285.
- ⁵⁸ Dalton O. M. Op. cit. – Fig. 317.
- ⁵⁹ Большое число листовидных подвесок собрано в статье Э.Е. Хайрединовой: Хайрединова Э.А. Византийское ожерелье второй половины VII в. из некрополя Эски-Кермен // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 89: Византия в контексте мировой культуры: Материалы конференции, посвящённой памяти А.В. Банк. – СПб., 2017. – С. 62–75. – Ил. 2–714. См. также: Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV – VII вв.: каталог коллекции. – СПб., 2006. – С. 100. – Кат. № 137.
- ⁶⁰ ГРМ. БК-2804, 2805. Золото; тиснение, пайка. 3,3×1,5×0,8; 3,3×1,5×0,8.
- ⁶¹ Ross M. Op. cit. – № 11.
- ⁶² См. также: Уваров А.С. Указ. соч. – С. 199–204; Вагнер Г.К. Скульптура Древней Руси. Владимир. Боголюбово. – М.: Искусство, 1969. – С. 290.
- ⁶³ Шофар – еврейский духовой музыкальный инструмент, сделанный из рога животного, употреблявшийся во время синагогального богослужения. См. ст.: Шофар. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона: в 86 томах. – СПб., 1890–1907. – Т. 82.
- ⁶⁴ Ross M. Op. cit. – № 11. – Pl. XVIII, XIX.
- ⁶⁵ Новаковская-Бухман С.М. Символика ранневизантийских ожерелий с подвесками и серёг VI–VII вв. // Символ в философии и религии. Национальный заповедник «Херсонес Таврический». Ягеллонский университет (Краков). VI Крымская Международная конференция по религиоведению. Тезисы докладов и сообщений. – Севастополь: Гарнитура Таймс, 2004. – С. 34–35; Новаковская-Бухман С.М. Зарубежные древности из собрания М.П. Боткина в коллекции Русского музея // Страницы истории отечественного искусства. Вып. XVIII. Русский музей. – СПб.: Palace Editions, 2011. – С. 10–12; Новаковская-Бухман С.М. М.П. Боткин – человек и коллекционер... – Ил. 2–15; CD – Каталог на диске к изданию по выставке ГРМ «Коллекции Михаила и Сергея Боткиных»: № 3–14.
- ⁶⁶ ГРМ. БК-2793. Золото, кость; резьба, тиснение. 2,1×1,7×0,5; высота с ушком – 2,3 см.
- ⁶⁷ Ross M. Op. cit. – № 5 (найдена в Сицилии, происходит, вероятно, из Константинополя, VII век); Ross M. Op. cit. – № 179 L, M (найдена в Сирии, VI век).
- ⁶⁸ Ross M. Op. cit. – № 6. 9. (Константинополь или Сирия, VII век); Rosenberg S. M. Op. cit. – P. 28. – № 123. – Taf. 6 (Равенна, VI век).
- ⁶⁹ Byzanz. Das Licht aus dem Osten. Kult und Alltag im Byzantinischen Reich vom 4. Bis 15. Jahrhundert / Katalog der Ausstellung im Erzbischöflichen Diözesanmuseum Paderborn. – Mainz, 2002. – Vom. 4. – Bis. 15.
- ⁷⁰ Кулаковский Ю.А. Керчь и её христианские памятники // Православная Богословская энциклопедия. – 1908. – Т. IX. – Стлб. 540.

Д. В. ЛЕГКОВА

(Учебный музей прикладного искусства СПГХПА имени А. Л. Штиглица)

К ВОПРОСУ ОБ АТТРИБУЦИИ СТУЛА-СКАБЕЛЛО ИЗ СОБРАНИЯ УЧЕБНОГО МУЗЕЯ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА СПГХПА ИМЕНИ А. Л. ШТИГЛИЦА

Аннотация. В музее прикладного искусства Академии имени А. Л. Штиглица хранится стул-скабелло, выполненный в конце XIX века воспитанником Центрального училища технического рисования барона Штиглица А. Е. Ефимовым по модели из собрания члена Совета Училища, коллекционера М. П. Боткина. В это время подобные стулья встречаются также в собраниях других коллекционеров в России и за рубежом.

Ключевые слова. Стул-скабелло, итальянское Возрождение, А. Ефимов, ЦУТР, Училище барона Штиглица, М. П. Боткин.

D. V. LEGKOVA

(St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design)

ABOUT ATTRIBUTION OF A SCABELLO CHAIR FROM THE COLLECTION OF THE EDUCATIONAL MUSEUM OF APPLIED ARTS SPGHPA OF A. L. STIEGLITZ

Abstract. At St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design there is a scabello chair, made at the end of the nineteenth century by the pupil of the School of Technical Drawing of Baron Alexander von Stieglitz A. E. Efimov according to the model from the collection of the member of the Council of the School, collector M. P. Botkin. At this time, similar chairs are also found in the collections of other collectors in Russia and abroad.

Keywords. Scabello chair, A. Efimov, school of Baron Stieglitz, M. P. Botkin.

В коллекции мебели музея прикладного искусства СПГХПА имени А. Л. Штиглица представлены уникальные образцы, выполненные во второй половине XIX века и демонстрирующие различные стилистические течения и направления этого периода. В качестве характерных «ренессансных» реминисценций выделяется группа скабелло – деревянных стульев с небольшими сиденьями, фигурными спинками с гербовыми щитками и ножками-опорами, которые декорированы богатой резной ornamentацией. На одном из таких предметов на тыльной стороне сиденья имеются вырезанные цифры «14797», соответствующие порядковому номеру экспоната из музейного собрания Училища барона Штиглица¹.

Ил. 1. Стулья-скабелло.

- 1) Стул-скабелло из коллекции М. П. Боткина. Воспроизведено по: Собрание М. П. Боткина. – СПб., 1911. – Табл. 40.
- 2) Ефимов А. Копия стула итальянской работы (Из коллекции М. П. Боткина). Воспроизведено по: Сборник классных работ учеников Центрального училища технического рисования барона Штиглица за 1899 год. – СПб., 1902. – Лист XXIII.
- 3) Стул-скабелло. Автор А. Е. Ефимов, ученик класса резьбы по дереву ЦУТР барона Штиглица. Россия, Санкт-Петербург. 1899. Орех, резьба, токарная работа. Собрание учебного музея прикладного искусства СПГХПА имени А. Л. Штиглица

В процессе изучения архивных документов стало известно, что стул является «копией итальянского стула, резанного учеником Ефимовым»² [ил. 1]. Кроме того, сохранились сведения о владельце оригинальной модели – это известный коллекционер, академик живописи М. П. Боткин. Михаил Петрович Боткин был тесно связан с Центральным училищем технического рисования, являясь членом Совета училища с 1896 до своей смерти в 1914 году. В 1896 году он временно был директором, а также членом финансового комитета училища, членом комиссии по приобретению предметов и книг для музея и библиотеки училища³.

Скабелло (итальянский язык «sgabello», от итальянского «Sgabelli», от латинского «scabellum» – табуретка, скамеечка для ног) – типичный образец итальянской мебели для сидения эпохи Возрождения. Его появление связано с Тосканой, где ещё в последней четверти XV века развернулось активное строительство городских дворцов-палаццо и роскошных загородных вилл для состоятельных владельцев, а формы и декоративная отделка предметной среды, в том числе мебель, подчинялись стили-

стическому убранству интерьеров. Одним из первых образцов скабелло считается так называемый «стул Строцци», который был изготовлен в известной флорентийской мастерской Джулиано и Бенедетто да Майано в 1489–1491 годах⁴. Он предназначался для основателя торгово-банковской компании Филиппа Строцци Старшего (1428—1491), поэтому в наверху высокой узкой спинки находился круглый медальон с изображением герба владельца в виде трёх полумесяцев (обратная сторона) и фигуры сокола (лицевая сторона). В основе конструкции этого стула – невысокий трёхногий табурет известный ещё в период Средневековья, но имеющий восьмиугольное сиденье, которое повторяло форму Баптистерия (1059–1129) и план алтарной части кафедрального собора Санта-Мария-дель-Фьоре (1296–1436) во Флоренции⁵.

В XVI веке скабелло изготавливают во всех регионах Италии, где под влиянием местных традиций они приобретают характерные черты. Отличительной особенностью скабелло остаётся восьмиугольное сиденье, в центре которого находилось круглое углубление, предназначенное для вышитой шёлком бархатной подушечки. Фигурная спинка и две фронтально расположенные ножки, вырезанные из досок, по очертаниям напоминали формы боковых опор древнеримских мраморных столов – картибулов (от лат. «cartibulum, cartibul» – подножие), завершающихся львиными лапами. Поскольку стулья расставлялись вдоль стен, то украшались только лицевые поверхности спинки и передней ножки. Подражая художественному наследию античной культуры их декорировали резными маскаронами – декоративными рельефами в виде мужского или женского лица, гротесками (фр. «grotte» от ит. «grotta» – пещера или от французского «grotesque» – причудливый, комичный), в том числе особо популярными женскими полуфигурами, пальметтами, розетками, завитками и листьями аканта.

Основным материалом для изготовления скабелло служила древесина грецкого или анатолийского ореха. Обладая прочностью, она хорошо резалась, а затем обрабатывалась пчелиным воском, либо просто протиралась льняным маслом. В качестве декоративной отделки скабелло наряду с резьбой мастера применяли технику золочения или раскраску. Деликатное золочение контрастировалось с тёмным блестящим орехом, подчёркивая выразительную пластику орнамента и придавая стульям особую нарядность.

Образное и художественное решение стульев-скабелло подчёркивало социальный статус заказчика, герб которого обязательно помещался в верхней части спинки. По сути, эта репрезентативная мебель являлась семейной реликвией и очень высоко ценилась. В частности, несколько итальянских стульев принадлежали польскому королю Сигизмунду I (1467—1548). Вероятно, они появились во дворце благодаря его жень-

бе в 1518 году на представительнице известной итальянской семьи Боне Сфорца (1494—1557), которая привезла с собой мебель в качестве приданого. Важно отметить, что скабелло бытовали в некоторых европейских странах до начала XVII века, например, в Нидерландах⁶.

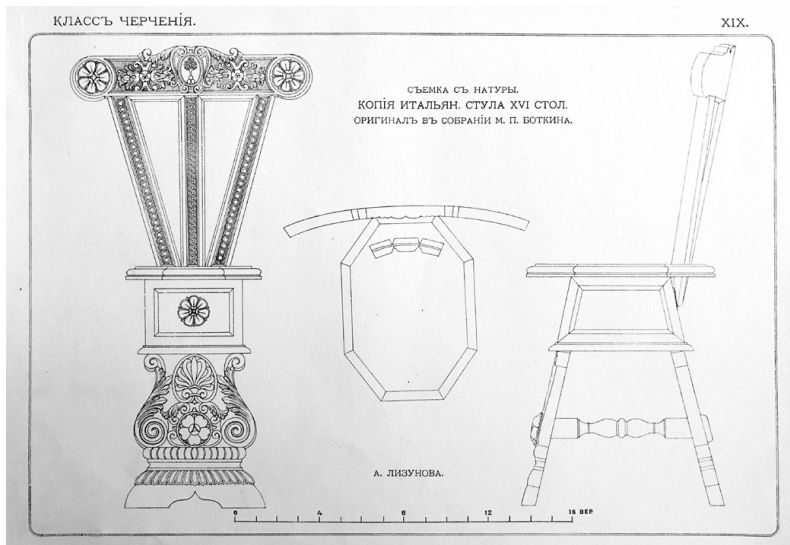
С середины XIX столетия популярный европейский стиль неоренессанс возродил многие предметы XVI века, в том числе, скабелло как типичный артефакт итальянского Возрождения. Мода на это художественное явление проникла и в Россию. Популяризации мебельных форм в первую очередь способствовали специальные руководства по убранству интерьеров, книги, альбомы и периодические издания, на страницах которых можно было увидеть репродукции *«самых замечательных образцов, выполненных в эпоху Средневековья и Ренессанса, во времена правления Людовиков XIII–XVI»* из частных и музейных собраний⁷. Кроме того, для широкого круга потребителей предлагались каталоги готовой мебельной продукции⁸.

Широкий спрос на мебель, отличающейся богатством и разнообразием резного декора, требовал грамотных специалистов, освоивших декоративно-пластический язык мебели XVI–XVII столетия. В связи с этим при столичных художественно-промышленных школах – Рисовальной школе Императорского Общества поощрения художеств и Центральном училище технического рисования барона Штиглица, были организованы специальные классы резьбы по дереву, по сути, являющиеся ремесленными мастерскими⁹.

Автором стула скабелло, о котором идёт речь в статье, является кронштадтский мещанин Александр Егорович Ефимов (20 февраля 1869 —?), принятый вольнослушателем класса резьбы по дереву Училища барона Штиглица в январе 1895 года. Через два года (в сентябре) он был переведён в ученики. За это время Ефимов прошёл курс научных и художественных дисциплин и в 1899 году успешно сдал экзамены, но вынужден был на некоторое время оставить учёбу в Училище. В начале 1906 года он вернулся в него, но уже в октябре 1907 года Ефимов был отчислен¹⁰. К сожалению, дальнейшая судьба воспитанника штиглицевской школы не известна.

Неполные биографические данные А. Ефимова не позволяют точно сказать о приобретённых им навыках профессионального мастерства до поступления в Училище, но, бесспорно, он уже хорошо владел навыками резного искусства. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1895 году А. Ефимов совместно с другим вольнослушателем И. Ф. Круковским (1868—?) выполнял деревянные модели для люстр и настенных светильников по проекту архитектора М. Е. Месмахера (1842—1906), предназначенных для многочисленных залов строящегося Музея Училища барона Штиглица (1885–1896)¹¹. В 1896 году резная рама в стиле итальянского барокко, *«исполненная им по фотографии»* среди лучших достижений

воспитанников школы была опубликована в «Сборнике классных работ учеников ЦУТР б. Штиглица»¹². Через несколько лет в этом периодическом издании был также отмечен стул-скабелло, выполненный Ефимовым в качестве экзаменационного задания в 1899 году.

Ил. 2. А. Лизунова. Съёмка с натуры. Копия итальянского стула XVI столетия. Оригинал в собрании М. П. Боткина. Воспроизведено по: Сборник классных работ учеников Училища б. Штиглица. – СПб., 1910. – Лист XIX

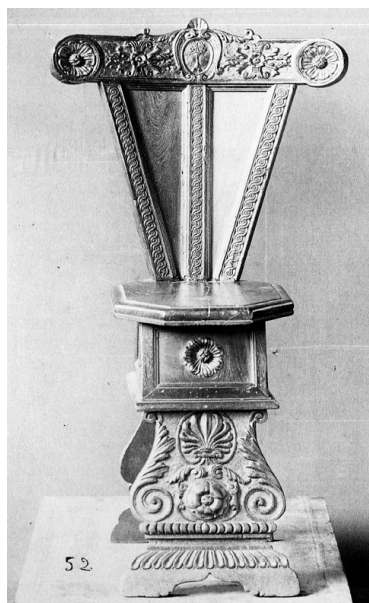
Возможно, после экзаменов, которые состоялись «в мае месяце», работа Ефимова долгое время находилась в мастерских школы и только 1 февраля 1902 года была приобретена Училищем за 60 рублей¹³. 6 февраля она поступила в Музей, пополнив обширную коллекцию копий мебели. С этого времени экспонат в качестве методического пособия был вовлечён в учебный процесс. Так, в фондах изобразительного искусства Музея СПГХПА имени А. Л. Штиглица сохранилась работа А. Лизуновой, выполнившей чертёж этого предмета во время обмерной практики в 1910 году [ил. 2]. На листе было отмечено: «Копия итальянского стула XVI столетия. Оригинал из собрания М. П. Боткина»¹⁴.

По имеющимся изобразительным источникам интерьеров дома-музея М. П. Боткина (1888¹⁵, 1902¹⁶, 1911¹⁷) было выявлено четырнадцать стульев-скабелло, отличающихся разнообразием форм и декоративной отделки. Эта небольшая коллекция сложилась в период 1860–1880-х годов не только из-за личных художественных пристрастий Боткина, но и общей тенденции.

Скабелло были неотъемлемой частью собрания графа П. С. Строгонова, дополняли обстановку библиотеки, оформленной в стиле итальянского Возрождения, известного коллекционера, члена Совета ЦУТР барона Штиглица А. А. Половцова, находились в столовой «в стиле Ренессанс» в особняке князя В. П. Кочубея в Царском селе¹⁸. Кроме того, «предметы старины» часто использовались художниками второй половины XIX века в качестве реквизита, тем самым создавая на своих живописных полотнах достоверную предметную среду определённой исторической эпохи. Так, например, на картине «Концерт для выздоравливающей» (1877), принадлежащей кисти самого Боткина, можно увидеть один из экспонатов его обширного собрания – небольшой резной стульчик характерный для меблировки итальянских палаццо 1550–1600-х годов¹⁹. Известный живописец и коллекционер К. Е. Маковский изобразил героя своего живописного произведения «Скупой рыцарь» (1890) на стуле-скабелло как наиболее узнаваемом предмете эпохи Ренессанса²⁰.

К сожалению, никаких точных сведений о времени и месте покупки этих предметов М. П. Боткиным не сохранилось, но, возможно, часть из них была приобретена им за границей, в том числе во время его проживания в Италии. В каталоге своего собрания Боткин пишет о том, что предметы из орехового дерева «цветущего периода», к которому он определил памятники XV и XVI столетий, были приобретены у Фортуни в Перудже и других городах от «разных итальянских князей»²¹. Кроме того, автор подчёркивал ценность своих экспонатов в связи с большим количеством «прекрасных подделок стариной мебели», которые наводнили антикварный рынок в последние десятилетия XIX и в начале XX века²². Однако, уже в январе 1925 года сотрудники Эрмитажа А. П. Келер и Э. К. Кверфельдт при осмотре «взятых на учёт из коллекции М. П. Боткина (В. О. 18 линия, дом 1) предметов прикладного искусства (за исключением предметов античного искусства)» отмечали, что «резьба из дерева и мебель большей частью представляют из себя лишь воспроизведение стилей более ранних эпох; подлинные же предметы музейного значения не имеют»²³.

Стул-скабелло из собрания М. П. Боткина, послуживший образцом для воспроизведения А. Ефимовым, имеет профилированное по краям восьмиугольное сиденье, трапециевидную широкую царгу с накладной семилепестковой розеткой, опирающейся на две фигурные ножки-опоры; для большей прочности и жёсткости конструкции они соединены точёной балясиной. Передняя фигурная ножка-опора украшена пальметтой, листьями аканта и пятилепестковой розеткой. Спинка выполнена в форме перевёрнутого равнобедренного треугольника и орнаментирована «плетёнкой». Навершие спинки декорировано резными семилепестковыми розетками и пальметтами, а в центре помещён картуш с овальным гербовым щитком, на котором изображено дерево с тремя сферами.

Ил. 3. Стул-скабелло из коллекции Ф. Шпитцера. Собрание библиотеки
СПГХПА имени А. Л. Штиглица

Сегодня известны три аналогичные модели, находящиеся в собраниях европейских музеев. Две из них включены в коллекцию мебели Рейксмузея (Амстердам, Нидерланды). Первый экспонат имеет такую же форму и декоративные элементы (за исключением раковины в навершии спинки), но с гладким гербовым щитком²⁴. Ранее он был в собрании австрийского коллекционера Альберта Фигдора (1843—1927) в Вене. Другой отличается резными деталями и декоративной отделкой (для украшения использована интарсия), но имеет идентичный герб²⁵. Оба предмета атрибутируются 1500–1600 годами²⁶.

Наиболее близкий стулу-скабелло из коллекции М. П. Боткина и, соответственно, экспонату Музея прикладного искусства СПГХПА имени А. Л. Штиглица можно считать стул из Музея Виктории и Альберта (Лондон, Англия)²⁷. Ранее он входил в собрание известного немецкого коллекционера и дилера Фридриха Шпитцера (1815—1890), проживавшего с 1852 года в Париже²⁸. В одном из элитных районов города, в собственном особняке, он разместил многочисленные произведения декоративно-прикладного искусства эпохи Средневековья и Возрождения, пользовавшиеся большой популярностью среди просвещённой публики. Согласно завещанию Шпитцера, распродажа его собрания состоялась в 1893 году²⁹. 19 мая, 9 и 16 июня на аукционе были представлены много-

численные образцы мебели, в том числе стулья-скабелло³⁰, отличающиеся от ефимовского и боткинского только отсутствием у последних резной раковины в наверху спинки [ил. 3].

В процессе изучения английского музейного экспоната было установлено, что спинка стула и ножки-опоры являются аутентичными и датируются 1550–1570 годами, в то время как другие детали конструкции и некоторые элементы декора относятся к 1880–1900 годам. Кроме того, было высказано предположение о владельце герба, изображённого на спинке стула-скабелло. Возможно, это был один из представителей аристократической семьи Чези.

Сегодня стул-скабелло из Музея прикладного искусства СПГХПА имени А. Л. Штиглица, выполненный в конце XIX столетия воспитанником Училища барона Штиглица А. Е. Ефимовым, демонстрирует не только высокий уровень профессиональной подготовки будущих мастеров, занятых в ремесленном и промышленном производстве, но и показывает основной метод в системе обучения периода историзма – копирование образцов декоративно-прикладного искусства разных эпох и стилей. Кроме того, выбор модели в стиле итальянского Возрождения свидетельствует о художественных вкусах европейских и отечественных заказчиков и, конечно, отражает интересы в сфере коллекционирования мебели. Ярким примером может служить собрание М. П. Боткина.

В заключение важно отметить, что ещё в начале XX века в одном из столичных журналов по истории мебели отмечалось: «*Стиль Ренессанс относится к тем стилям, которые, создав когда-то целую эпоху, ещё не скоро выйдут из употребления*»³¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Учебный музей прикладного искусства СПГХПА имени А. Л. Штиглица. Инв. № МБ-38. Орех, резьба, токарная работа. 100,0 × 30,0 × 40,0.
- ² АГЭ. Инвентарная книга № 2. Л. 303.
- ³ Бакалдина Е. В. Деятельность М. П. Боткина в Совете Центрального училища технического рисования барона Штиглица // Месмахеровские чтения – 2018: материалы международной научно-практической конференции, 21–22 марта 2018 г.: сб. научных статей. – СПб.: СПГХПА им. А. Л. Штиглица, 2018. – С. 52–55.
- ⁴ <https://www.metmuseum.org/toah/works-of-art/30.93.2/> (Дата обращения: 09.02.2020).
- ⁵ Форма восьмиугольника характерна для типичной архитектуры средневековых византийских построек, из которых вероятной была гипотеза о «восьмом дне недели» – новозаветном, христианским символом Воскресения и Вечности.
- ⁶ Изображение стульев-скабелло можно увидеть на картинах голландского живописца Бартоломеуса ван дер Хельста (1613–1670): «Празднование Мюнстерского мира 18 июня 1648 года в штаб-квартире гражданской гвардии св. Георгия» (1648. Рейксмузеум, Амстердам, Нидерланды); «Четыре старейшины (1655) и «Портрет художника Паулюса Поттера» (1654) (Исторический музей, Амстердам, Нидерланды).

- ⁷ Среди них многочисленные французские и итальянские издания: *L'art pour tous*. – Paris. – 1867. – № 178. – F. 709; *Meubles religieux et civils*. – Paris, 1874. – *Art Italien*. XVI siècle; *Arte Italiana. Decorativa e Industriale*. – Milano, 1890; *Mobelschreinerei*. – 1890. – P. 127; *Encyclopedie du Meuble*. – Paris, 1901–1909.
- ⁸ *Eysser J.A. Hof Mobelfabrik. Catalog bleibt Eigentum der Firma*. – Kat. №№ 0171 и 0172.
- ⁹ *Легкова Д.В.* Класс резьбы по дереву Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица (1882–1905) // *Месмахеровские чтения* – 2000. Материалы научно-практической конференции 18 – 19 апреля 2000 г. – СПб., 2001. – С. 29–35.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 790. Оп. 1. Д. 124. Л. 152–154; Д. 126. Л. 241.
- ¹¹ РГИА. Ф. 790. Оп. 1. Д. 43. Л. 318.
- ¹² Сборник классных работ учеников ЦУТР б. Штиглица. – СПб., 1898. – Таблица XXIV, 1.
- ¹³ АГЭ. Ф. I. Оп. IX. Д. 22. Л. 128.
- ¹⁴ Работа была опубликована в кн.: *Сборник классных работ учеников ЦУТР б. Штиглица*. – СПб., 1911. – Табл. XIX.
- ¹⁵ Литературный музей Института русской литературы. Собрание древностей М.П. Боткина. Фотоальбом. Л. 11. Фотография 17 февраля 1888 года.
- ¹⁶ *Бенуа А.Н.* Западноевропейские древности в собрании М.П. Боткина // *Художественные сокровища России*. – 1902. – № 2. – С. 32 (52).
- ¹⁷ Собрание М.П. Боткина. – СПб., 1911. – С. 2, 3, Табл. 40.
- ¹⁸ *Забытый русский меценат. Собрание графа Павла Сергеевича Строганова: каталог выставки*. – СПб., 2019. – С. 169. – Кат. 129–131.; *Санкт-Петербург в светописси: каталог выставки*. – СПб., 2003. – С. 217. – Кат. 394.
- ¹⁹ Академик живописи М.П. Боткин. К 180-летию со дня рождения: альбом выставки // Авт. сост.: Е.В. Бакалдина. – СПб.: ГМИСР, 2019. – С. 22, 68–69.
- ²⁰ *Мамонтова Н.* Предметный мир эпохи историзма в живописном пространстве // *Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования*. – 2006. – Февраль. – № 12 (43). – С. 19.
- ²¹ Собрание М.П. Боткина. – СПб., 1911. – С. 9.
- ²² Там же.
- ²³ АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1491. Л. 5.
- ²⁴ <https://www.rijksmuseum.nl/nl/zoeken/objecten?q=sgabello&p=1&ps=12&st=Objects&ii=7#/BK-16636,7> (Дата обращения: 09.02.2020).
- ²⁵ <https://www.rijksmuseum.nl/nl/zoeken/objecten?q=sgabello&p=1&ps=12&st=Objects&ii=10#/BK-16637,10> (Дата обращения: 09.02.2020).
- ²⁶ Идентичные по форме и элементами декоративного оформления находятся в собрании музея искусства в Филадельфии, в музее декоративного искусства в Париже.
- ²⁷ <http://collections.vam.ac.uk/item/O80460/sgabello-chair-sgabello-chair-unknown/> (Дата обращения: 09.02.2020).
- ²⁸ <http://radmuseumart.ru/news/publications/8795/> (Дата обращения: 07.02.2020)
- ²⁹ *La Collection Spitzer. Catalogue des objets D'art et de haute curiosite antiques, du Noyen-Age & de la Renaissance*. – Paris, 1893.
- ³⁰ *Ibid.* – P. 124.
- ³¹ Столяр. – 1910. – № 12. – С. 10–11.

Л. В. НИКОНОВА

(Санкт-Петербург)

Т. А. ТРЕФИЛОВА

(Санкт-Петербург)

О ЦЕРКОВНОМ ПОЧИТАНИИ ВРАЧА ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВИЧА БОТКИНА

Аннотация. Долгое время имя Е. С. Боткина было забыто, но после канонизации царской семьи, вместе с которой погиб Евгений Сергеевич, а потом канонизации самого Евгения Сергеевича, церковное почитание резко возросло. В статье перечислены храмы, носящие его имя.

Ключевые слова. Е. С. Боткин, царская семья, почитание, храмы, акафист.

L. V. NIKONOROVA

(St. Petersburg)

T. A. TREFILOVA

(St. Petersburg)

ON CHURCH HONOR OF DOCTOR EVGENY SERGEYEVICH BOTKIN

Abstract. For a long time, the name of E. S. Botkin was forgotten, but after the canonization of the imperial family, with which Yevgeny Sergeyevich died, and then the canonization of Yevgeny Sergeyevich himself, the worship of the church has increased dramatically. The article lists the temples bearing the name of E. S. Botkin.

Keywords. E. S. Botkin, royal family, honoring, church, akathist.

В годы советской власти имя Евгения Сергеевича Боткина было забыто, и многие наши современники впервые услышали его в связи с канонизацией царской семьи.

Русская Православная Церковь Заграницей канонизировала царскую семью ещё в 1981 году вместе с четырьмя верноподданными, погибшими с ними, в том числе и лейб-медиком Евгением Сергеевичем Боткиным (1865—1918). Однако при канонизации Русской Православной Церковью в 2000 году к лику святых были причислены только члены царской семьи. Почитание христианского подвига верных слуг царской семьи, разделивших её трагическую участь, было увековечено лишь в житии царственных мучеников. Про Евгения Сергеевича Боткина, расстрелянного

с царской семьёй, было не принято вспоминать в годы советской власти. Тем не менее, в библиотеках сохранились его научные труды, лекции, книги и воспоминания о нём. После выхода в России в 2004¹ году книги воспоминаний его дочери Татьяны Евгеньевны Боткиной (Мельник-Боткиной), известность Е. С. Боткина сразу возросла, так как светлый образ его привлёк внимание многих.

Ил. 1. Памятная доска, посвящённая
Е. С. Боткину, на здании ВМА.
Фотография авторов, 2015

С 2007 года в Санкт-Петербурге сложился небольшой, но деятельный круг исследователей и почитателей Евгения Боткина, собран большой исторический материал.

Трудами профессионального редактора О. Т. Ковалевской подготовлены и изданы книги: «С Царём и за Царя»², «Царский лейб-медик»³, «Теперь судьба выбрала нас»⁴. В 2012 году была издана книга «Лекции приват-доцента Военно-медицинской Академии Е. С. Боткина»⁵.

В 2014 году в помещении музея Мариинской больницы Санкт Петербурга, в которой некогда трудился Евгений Сергеевич Боткин, прошли научно-исторические чтения, на которых было принято решение обратиться к медицинской, исторической, педагогической общественности и к властям о достойной подготовке к грядущему в 2015 году 150-летию со дня рождения Е. С. Боткина⁶.

В 2015 году на Балтийском медицинском форуме прошло заседание «Исторические этапы деятельности Евгения Сергеевича Боткина»⁷.

На V Всероссийском съезде православных врачей, проходившем 1–3 октября 2015 года в Санкт-Петербурге, усилиями православного врачебного сообщества в Военно-медицинской Академии была открыта памятная мемориальная доска, посвящённая лейб-медику Евгению Боткину⁸ [ил. 1]. При подготовке к съезду была написана икона врача страстотерпца, а резолюцией съезда было принято решение об обращении в Святейший Синод с просьбой о прославлении Евгения Боткина Русской Православной Церковью.

Архиерейский Собор, состоявшийся в Москве 2–3 февраля 2016 года, благословил общецерковное почитание врача Евгения (Е. С. Боткина), пострадавшего вместе с членами царской семьи. Для причисления к лику святых необходимы церковное народное почитание, свидетельство о религиозной жизни и личном благочестии. Всю жизнь Евгений Сергеевич Боткин был искренно верующим человеком, на деле реализовавшим идеалы христианства, о чём свидетельствуют отзывы современников, архивные документы и его письма. Вспоминая о годах учёбы в Военно-медицинской Академии, Евгений Боткин писал: *«Если кому из нас к делам присоединяется вера, то это лишь по особой к нему милости Божией. Одним из таких счастливых путём тяжкого испытания – потери моего первенца, полугодовалого сыночка Серёжи, – оказался и я»*⁹. После окончания ВМА Евгений Сергеевич работал в Мариинской больнице для бедных на Литейном проспекте, дом 56.

Как и его отец, Евгений Сергеевич преподавал в ВМА и безвозмездно трудился в Георгиевской общине сестёр милосердия и даже был её главным врачом. Во время русско-японской войны 1904–1905 годов доктор Боткин поехал в действующую армию, оставив жену и четверых маленьких детей. В написанной им книге «Свет и тени русско-японской войны»¹⁰ раскрывается и образ автора – его христианское и любящее, безгранично сострадательное сердце и непоколебимая вера в Бога. В 1908 году врач больницы для бедных был назначен лейб-медиком царской семьи. Во время Первой Мировой войны у себя в доме в Царском Селе он устроил небольшой лазарет для раненых – в столовой было поставлено десять кроватей. После основной работы он занимался их лечением. Но он считал миссию врача служением, подобным священническому, и никогда не было у него выходных или отпуска. После отречения от престола императора Николая II Е. С. Боткин не оставил царскую семью.

В последнем письме от 9 июля 1918 года, предчувствуя свою скорую кончину, Евгений Сергеевич Боткин писал, что без колебания оставил своих детей круглыми сиротами, чтобы исполнить свой врачебный долг до конца, как Авраам не поколебался по требованию Бога принести Ему

в жертву своего единственного сына: «И я твёрдо верю, что также, как Бог спас тогда Исаака, Он спасёт теперь и моих детей, и Сам будет им Отцом <...> Видимо, я всё могу выдержать, что Господу Богу угодно будет мне ниспослать»¹¹. В 1918 году, 17 июля, Е. С. Боткин был расстрелян вместе с семьёй бывшего императора и с этого времени его имя неразрывно и навеки связано с царской семьёй.

Ил. 2. Домовый храм на территории городской клинической больницы № 57.
Фотография авторов, 2019

В скорбях, гонениях раскрылось во всей полноте величие его души. Революция полностью разрушила жизнь доктора Боткина: он лишился высокого положения в обществе, достатка, покинул родные края, последовав в ссылку за царской семьёй. Но несмотря ни на что, он остался прежним – любящим Бога, сострадательным, самоотверженным – и только ещё больше благодарил Бога, даровавшего ему благодатный сердечный мир в самых скорбных обстоятельствах.

Причисление Архиерейским Собором Русской православной церкви Е. С. Боткина к лику святых означает, что церковь свидетельствует о близости его к Богу и молится ему. С канонизацией связано написание икон, жития, акафиста, молитв и строительство храмов во имя этого святого.

В 2016 году, 26 марта, в Москве на территории городской клинической больницы № 57, по адресу 11-я Парковая улица, дом 38, 4 корпус, был освящён первый в России храм в честь святого страстотерпца Евгения. Это небольшой домовый храм на втором этаже главного корпуса

[ил. 2]. При освящении храма епископ Орехово-Зуевский Пантелеймон (Шатов) сказал в проповеди: *«Святой страстотерпец врач Евгений победил смерть, победил зло своей верностью Богу, верностью долгу своей жизнью, которая была преисполнена любви. Он жил с Богом...»*¹².

Почтили память святого врача Евгения и в Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии: 18 декабря 2017 года на территории академии. В Санкт-Петербурге, в Выборгском районе, на улице Академика Лебедева, в присутствии представителей власти, преподавателей и курсантов состоялось освящение закладного камня в основание храма в честь святого врача Евгения. Митрополит Санкт Петербургский и Ладожский Варсонофий в проповеди сказал: *«Лучше искать святых не на стороне, а рядом с нами, в наших стенах. Выпускник и преподаватель этой Академии смог завершить земной путь мученическим подвигом и стать святым»*¹³.

Ил. 3. Проект храма в городе Первоуральске в честь святого праведного страстотерпца врача Евгения Боткина. Фотография авторов, 2019

В Екатеринбурге на территории медицинского центра 17 июля 2018 года был заложен храм во имя страстотерпца Евгения. На месте строительства храма освящён крест. В Екатеринбурге в 2018 году появился бульвар имени святого Евгения Боткина в Академическом районе рядом с медицинским центром¹⁴.

К столетию со дня кончины царской семьи и их верных слуг храмы в честь святого врача Евгения стали открываться в разных городах России и за рубежом. Так, в городе Первоуральске по адресу проспект Ильича, дом 28 А, 1 октября 2018 года состоялась закладка первого камня в основание храма в честь святого праведного страстотерпца врача Евгения Боткина¹⁵ [ил. 3]. Проект будущего храма был подготовлен к июню 2018 года. Это здание в русско-византийском стиле; звонница расположена над входом в церковь; максимальная вместимость храма составляет около 150 человек. Храм должен стать не просто украшением города, но и значимым историческим памятником Царственным страстотерпцам, их верным слугам и всем тем, кто пострадал за веру, за Отечество в годы гонений.

В 2018 году в Сестрорецке на улице Воскова, дом 19, при храме Иконы Тихвинской Божией Матери создали мемориал мученического подвига царской семьи «Расстрельная комната». Рядом с храмом в отдельном помещении был открыт музейный зал, в котором воспроизведено подобие подвала Ипатьевского дома в Екатеринбурге, где на большой картине изображены все расстрелянные, в том числе доктор Евгений Боткин¹⁶ [ил. 4].

Ил. 4. «Расстрельная комната» при храме Иконы Тихвинской Божьей матери, Сестрорецк. Фотография авторов, 2019

В 2019 году в Минске был освящён небольшой деревянный храм на Железнодорожной улице, дом 23¹⁷.

В Новосибирске появится храм в честь святого врача страстотерпца Евгения Боткина. Храм планируется возвести на территории городской клинической больницы всего за один год¹⁸.

В Сарове появилась икона праведного страстотерпца Евгения Боткина. Образ написан для строящегося храма в честь царственных страстотерпцев¹⁹.

Для молитвенного чтения Евгением Владимировичем Храповицким написан Акафист святому новомученику врачу Евгению Боткину²⁰.

Значительный рост числа храмов, посвящённых святому врачу Евгению, объясняется его жизненными идеалами и устремлениями: глубоким внутренним благочестием, жертвенным служением ближнему, непоколебимой преданностью царской семье, верностью Богу и его заповедям во всех жизненных обстоятельствах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Мельник-Боткина Т.Е. Воспоминания о царской семье. – М.: Захаров, [2004]; Мельник-Боткина Т.Е. Воспоминания о царской семье. [Изд. 2-е, испр.]. – М.: Захаров, 2009.
- ² С царём и за царя: мученический венец царских слуг / Сост. О. Т. Ковалевская. – М.: Русский Хронограф, 2008.
- ³ Царский лейб-медик: жизнь и подвиг Евгения Боткина: [к 145-летию со дня рождения Е. С. Боткина: сборник / Сост.: О. Т. Ковалевская]. – СПб.: Царское Дело, 2010. Книга была переиздана в 2017 году.
- ⁴ «Теперь судьба выбрала нас...»: материалы конференции, посвящённой 145-летию Е. С. Боткина, Санкт-Петербург, [9 июня 2010 года] / Ред.-сост.: О. Т. Ковалевская. – СПб.: Таро, 2011.
- ⁵ Лекции приват-доцента Военно-Медицинской Академии Е.С. Боткина / Сост. В.В. Тыренко. – СПб. Кафедра факультетской терапии им. С.П. Боткина ВМА им. С.М. Кирова, 2012.
- ⁶ <https://poxoronka.ru/news/1235-nauchno-istoricheskie-chteniya-posvyaschennye-pamyati-evgeniya-sergeevicha-botkina> (Дата обращения 15.01.2020). Впоследствии появилось издание этих чтений: Научно-исторические чтения, посвящённые 149-летию со дня рождения лейб-медика Е. С. Боткина. Материалы научно-исторических чтений, посвящённых 149-летию со дня рождения лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина (1865—1918) / Под ред. проф. В.С. Никифорова – СПб.: КультИнформПресс, 2014.
- ⁷ Материалы секционного заседания «Исторические этапы деятельности Евгения Сергеевича Боткина» IV всероссийского ежегодного межрегионального конгресса «Балтийский медицинский форум» / Под ред. проф. В.С. Никифорова. – СПб.: КультИнформПресс, 2015.
- ⁸ mitropolia.spb.ru/news/culture/?id=86548 (Дата обращения 15.01.2020).
- ⁹ Царский лейб-медик: жизнь и подвиг Евгения Боткина... С. 25.
- ¹⁰ Боткин Е. С. Свет и тени Русско-японской войны 1904–5 гг.: (Из писем к жене). – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1908.

- ¹¹ Царский лейб-медик: жизнь и подвиг Евгения Боткина... С. 497.
- ¹² Освящён первый в России храм в честь святого праведного Евгения Боткина.
- ¹³ <http://pravoslavie.ru/91900.html> (Дата обращения 15.01.2020).
- ¹⁴ Митрополит Варсонофий освятил закладной камень храма святого Евгения Боткина. <http://mitropolia.spb.ru/news/mitropolit/?id=125092> (дата обращения 15.01.2020).
- ¹⁵ Бульвар Святого Евгения Боткина появится в Екатеринбурге. www.ekaterinburg-eparhia.ru/news/2018/06/29/18510/ (Дата обращения 15.01.2020).
- ¹⁶ hrambotkina.ru/o-hrame/ (Дата обращения 15.01.2020).
- ¹⁷ Мемориал памяти мученического подвига Царской Семьи «Расстрельная комната». www.sestroretsk.com/preispodnyaya-ipatevskogo-doma/ (дата обращения 15.01.2020).
- ¹⁸ В Минске пройдёт цикл мероприятий, приуроченных к освящению первого в Беларуси храма в честь святого врача-страстотерпца Евгения Боткина. sobor.by/page/V_Minske_proydyot_tsikl_meropriyatiy_priurochennih_k_osvyashcheniyu_pervogo_v_Belarusi_hrama_v_chest_svyatogo_vracha_strastoterptsy_Evgeniya_Botkina. (Дата обращения 15.01.2020).
- ¹⁹ В Новосибирске появится храм в честь святого врача-страстотерпца Евгения Боткина. <https://tv-soyuz.ru/news/v-novosibirske-poyavitsya-hram-v-chest-svyatogo-vracha-strastoterptsy-evgeniya-botkina> (дата обращения 15.01.2020).
- ²⁰ В Сарове появилась икона праведного страстотерпца Евгения (Боткина). <https://psmb.ru/a/v-sarove-poyavilas-ikona-pravednogo-strastoterpca-evgeniya-botkina.html> (дата обращения 15.01.2020).
- ²¹ Акафист святому новомученику врачу Евгению Боткину. <https://azbyka.ru/days/saa/866> (дата обращения 15.01.2020).

II

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ О ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ СЕМЬИ БОТКИНЫХ

М. Б. ШАПОШНИКОВ

*(Государственный музей истории российской литературы
им. В. И. Даля; Москва)*

ЗАБЫТЫЕ ВЕТВИ СЕМЬИ БОТКИНЫХ

Аннотация. В статье рассматриваются факты жизни и деятельности «забытых» – старшей и младшей ветвей рода Боткиных: Дмитрия Кононовича, Николая Дмитриевича, Дмитрия Николаевича, Гаврилы Кононовича Боткиных, их жён, сыновей, дочерей и внуков.

Ключевые слова. Боткин, Малашкин, Большая Садовая слобода, Устюжская слобода, Даниловское кладбище, Лазаревское кладбище.

M. B. SHAPOSHNIKOV

(State Museum of the History of Russian Literature V. I. Dahl; Moscow)

FORGOTTEN BRANCHES OF THE BOTKIN'S FAMILY

Abstract. The article discusses the facts of life and work of the “forgotten lines of Botkin” – the oldest and youngest branches of the Botkin family: Dmitry Kononovich, Nikolai Dmitrievich, Dmitry Nikolaevich, Gavrila Kononovich Botkin, their wives, sons, daughters and grandchildren.

Keywords. Botkin, Malashkin, Bolshaya Sadovaya Sloboda, Ustyuzhskaya Sloboda, Danilovsky Cemetery, Lazarevsky Cemetery.

Семья Боткиных – старинный купеческий род, ведущий своё начало от посадского человека города Торопца Евсея Фёдоровича Боткина, упомянутого в переписной книге 1646 года. В 1791 году Боткины переселились в Москву и стали купцами московской Большой Садовой слободы. В Москве обосновались тогда три брата Боткиных – Дмитрий, Пётр и Гаврила Кононовичи. О семье и многочисленном потомстве среднего из них – Петра Кононовича Боткина (1781—1853) – известно многое. Он сам, его сыновья и внуки составляют промышленную, научную, художественную, военную, литературную славу России.

Гораздо менее известны факты жизни и деятельности старшей и младшей ветвей рода, идущие от Дмитрия и Гаврилы Кононовичей. Именно на этих представителях славного рода Боткиных я и хотел бы остановиться в данной статье.

Итак, старший – Дмитрий Кононович Боткин (1760—1827), записался в 3-ю гильдию московского купечества Большой Садовой слободы в 1791 году. К этому времени, согласно данным книги «Московский некрополь», он уже 4 года состоял в браке с Екатериной Ивановной (1770—1829). Вероятно, женился Дмитрий Кононович на ней ещё в Торопце.

Скорее всего, в московское купечество он перешёл сразу же после смерти своего отца – торопецкого купца Конона Афанасьевича Боткина, так как год рождения его младшего брата Гаврилы Кононовича – 1790. Средний брат – Пётр Кононович – 1781 года рождения. Таким образом, Пётр и Гаврила, в 1791 году, при переходе их старшего брата в московское купечество, были ещё детьми. Причём, разница в годах рождения – Дмитрий Кононович на 21 год старше Петра и на целых 30 лет старше Гаврилы – позволяет не без основания предположить, что он родился от первого брака, а младшие братья от второго и третьего брака их отца, о чём свидетельствуют метрические книги города Торопца.

Но братья Боткины в Москву приехали вместе. По крайней мере, Пётр Кононович точно. Об этом свидетельствуют «Исповедные ведомости» московской церкви Святой Троицы, что в Лужниках, в приходе которой Дмитрий Кононович жил с семьёй в 1790-х – 1800-х годах. В них после перечисления семьи Дмитрия Кононовича указываются его «сидельцы», то есть сидящие в лавке приказчики – торопецкие купцы Семён Иванов и Пётр Кононов.

Тогда Дмитрий Кононович «вёл торг» «суровским товаром», то есть изделиями из шёлка, шерсти и хлопка. В 1797 году он уже купец 2-й гильдии. Об этом говорит нам книга «Материалы для истории Московского купечества»¹, где Д. К. Боткин упомянут. Здесь же указывается, что жил он с семьёй в приходе церкви Святой Троицы, что в Лужниках, в доме купца Протопопова. Занимал и общественную должность, служил «в гильдии старостинным помощником»; (данные на 1801 год).

Интересно, что «суровским товаром» вёл торговлю и московский 3-й гильдии купец той же большой Садовой слободы Василий Макарович Агеев, женатый на сестре Дмитрия Кононовича – Пелагее Кононовне, урождённой Боткиной².

Но к 1801 году Дмитрий Кононович, как и его младший брат Пётр, вступивший в купечество в том же 1801 году, переключается от торговли «суровским товаром» на торговлю чаем, которая и принесла Боткиным впоследствии их миллионное состояние.

В браке с Екатериной Ивановной Дмитрий Кононович Боткин имел довольно много детей: Надежду, 1788 года рождения; Дмитрия, 1790 года рождения, Ивана, 1791 года рождения, Николая, 1793 года рождения, Елизавету, 1794 года рождения Марию, 1795 года рождения Семёна, 1800 года рождения и Анну, 1809 года рождения³.

О судьбах дочерей, к сожалению, до сих пор ничего не известно. Старшей Надежды в 1811 году в семье нет. Либо вышла замуж, либо умерла. Вторая – Елизавета, жила в семье в 1811 году. В 1815 году она в семье уже не значится. Скорее всего, была выдана замуж. Мария и Анна – живут в семье в 1815 году⁴. Причём, Марии уже 20 лет. По тем временам она – «ста-

рая дева». В списках следующей ревизии – в 1833 году, ни Марии, ни Анны в семье нет⁵. Вероятно, Мария умерла, а Анна, возможно, была «выдана в замужество».

Что касается сыновей, то старшие – Дмитрий и Иван, – умерли в детстве или ранней юности. В 1811 году их в живых уже не было⁶. Род Дмитрия Кононовича продолжили младшие сыновья – Николай Дмитриевич (1793—1860) и Семён Дмитриевич (1800—1847) Боткины.

Сам Дмитрий Кононович в 1827 году, а его жена Екатерина Ивановна в 1829 году упокоились на московском Даниловском кладбище⁷. К сожалению, до настоящего времени их могилы, так же, как и могилы их детей и внуков на этом кладбище, не сохранились.

Итак, 2-е поколение – сыновья. О младшем из них – Семёне, мы знаем немного. Только то, что он всю жизнь прожил с семьей старшего брата, женат не был и похоронен был на Даниловском кладбище. Очевидно, страдал каким-то недугом, о чём говорит отсутствие собственной семьи, самостоятельной торговли и сравнительно малое количество лет жизни – 47.

Другое дело – Николай Дмитриевич Боткин. Ещё при жизни отца, в 1822 году он женится на дочери московского купца Василия Ивановича Хомутильников – Александре Васильевне (1805—1831)⁸. Она умерла рано, но от этого брака у Николая Дмитриевича родилось несколько детей: Мария (1825—1850), в замужестве Зевакина; Дмитрий (1826—1902), Юлия (1828—1882), в замужестве Карцева; Николай (1830 — конец 1880-х); Екатерина (1831—1884)⁹, явившаяся причиной смерти своей матери от родов и умершая «старой девой».

Как свидетельствует «Календарь жителей Москвы», составленный в 1842 году Карлом Нистремом, Николай Дмитриевич Боткин в это время – потомственный почётный гражданин, московский купец 1-й гильдии (торговля чаем), московский домовладелец – «в приходе церкви св. Троицы, что в Лужниках, на Лужнецкой улице, собственный дом»¹⁰.

Женат был Николай Дмитриевич, после смерти первой жены, ещё дважды. Вторым браком на Варваре Степановне (1812 — до 1850), дочери московского купца Сыромятной слободы Степана Архиповича Шапошникова, а третьим браком – на Екатерине Игнатьевне, скончавшейся в 1857 году¹¹. Второй и третий его браки оказались бездетными. Пережив всех своих трёх жён, которые, одна за другой упокоивались на московском Даниловском кладбище, Николай Дмитриевич также был похоронен на этом кладбище в 1860 году¹². Я говорил уже, что могилы их не сохранились.

Часторговое дело Николая Дмитриевича Боткина продолжили его сыновья. Младший – Николай Николаевич Боткин, почти повторил судьбу своего дяди – Семёна Дмитриевича, всю жизнь являясь «тенью» свое-

го старшего брата. Правда, он прожил подольше, почти 60 лет. Недугами, видимо, не страдал. Был выборным московского купеческого общества (1866–1869) и кандидатом в выборные Московского Биржевого Общества (1873–1879 и 1882–1885)¹³. Женой его была некая Агриппина Николаевна (1839—1896)¹⁴. Насколько известно, детей от этого брака не было.

Более яркой фигурой стал его старший брат Дмитрий Николаевич Боткин. Он возглавлял фирму «Д. и Н. братья Боткины», которая вела оптовую торговлю чаем в Старом Гостином Дворе. Служил казначеем Московской Городской Думы (1863–1865), был выборным Московского Биржевого Общества (1873–1879 и 1882–1885)¹⁵. Женой Дмитрия Николаевича стала Мария Федосеевна, урождённая Кокушкина, происходившая из старинной московской купеческой семьи. В этом браке родилось несколько детей, но взрослого состояния достигли только двое: Вера Дмитриевна (1856—1891), в замужестве Долинская и сын – Николай Дмитриевич.

С сыном у Дмитрия Николаевича отношения не сложились. Следствием этого было удаление сына из семьи и лишение содержания. Последнее упоминание о Николае Дмитриевиче – последнем представителе «старшей» ветви Боткиных, таково: газета «Московские Ведомости», от 21 февраля 1883 года напечатала следующее объявление: *«Николай Дмитриевич Боткин, бывший воспитанник Московской Консерватории, извещает, что он даёт уроки фортепианной игры, аккомпанирует пению и принимает также аккомпанемент в концертах. Застать дома можно ежедневно, от 12 до 2 часов дня. Близ Москворецкого моста, гостиница, бывшая Кокорева, главный подъезд, № 40»*¹⁶.

Больше о Николае Дмитриевиче Боткине найти пока ничего не удалось. Неизвестны даты его жизни, где и как он умер. Похоже, что его отец – Дмитрий Николаевич Боткин, умерший в 1902 году, пережил всех своих детей и с его смертью «старшая» ветвь Боткиных пресеклась. А впоследствии и их могилы на Даниловском кладбище исчезли...

Самая «таинственная» ветвь Боткиных – младшая – ветвь «Гавриловичей». Её основатель – Гаврила Кононович Боткин (1790—1836), самый младший из трёх братьев, прожил сравнительно недолго – 46 лет. Гораздо меньше, чем его братья: Дмитрий – 67 лет, Пётр – 72 года. О Гавриле Кононовиче известно, что он практически сразу после рождения потерял отца. В 3-ю гильдию московского купечества Большой Садовой слободы он вступает в 1814 году из купцов города Торопца Псковской губернии¹⁷. Жительство имел: *«Якиманской части, в приходе церкви Григория Кесарийского, в доме купца Павла Фёдорова (1816 г.)»*¹⁸. Тогда уже был женат на Анне Козьминичне (1799—1830), дочери купца 2-й гильдии большой Садовой слободы Козьмы Игнатьевича Карпышева.

Но, достаточно скоро, уже в 1828 году¹⁹, Гаврила Кононович выходит в мещанство и в 1836 году умирает. Ещё ранее, в 1830 году умирает его

жена Анна Козьминична²⁰. Согласно «Московскому Некрополю», она была похоронена на Лазаревском кладбище. Упоминания о месте погребения Гаврилы Кононовича в «Московском Некрополе» нет. Год его смерти был мною найден в материалах ревизии 1850 году мещан московской Большой Садовой слободы. Брак его с Анной Козьминичной оказался вполне «плодовитым». Их дети: Михаил (1818 — после 1857); Пелагея (1821—1891)²¹, в замужестве Малашкина; Александр (1826 — после 1858); Иван (1828 — ?); Маргарита (1829 — после 1850).

Видимо, когда Гаврила Кононович умер, его семья не пользовалась благосостоянием. Это подтверждает тот факт, что его старший сын Михаил Гаврилович Боткин записался снова из мещанства в 3-й гильдии купечество Большой Садовой слободы только в 1846 году²², то есть через 10 лет после смерти своего отца. Михаил Гаврилович Боткин был женат на некой Александре Никитичне (1822 — после 1857)²³. Брак этот оказался бездетным.

Второй сын Гаврилы Кононовича – Александр Гаврилович. В начале жизни он был вынужден перейти из мещан в цеховые, то есть стать рабочим-ремесленником. В 1854 году он переходит из цеховых в 3-й гильдии купечество московской Устюжской слободы²⁴. На 1858 год женат он не был²⁵, и следы его далее теряются. Вероятно, потомства он не оставил, как и старший брат.

Был ли женат и как окончил свои дни младший сын Гаврилы Кононовича – Иван Гаврилович, пока не установлено. Предположительно, его сыном мог быть недолго состоявший в московском купечестве в конце XIX столетия некий Матвей Иванович Боткин. Но это – лишь предположение.

Сведения о Пелагее Гавриловне Боткиной, в замужестве Малашкиной, несколько более ясны. Муж – рязанский помещик Дмитрий Данилович Малашкин, владевший суконной фабрикой в селе Мурмино. Их старший сын – Леонид Дмитриевич Малашкин (1843—1902), известный в своё время композитор. Некоторое время учился на юридическом факультете Московского университета. Затем получил музыкальное образование в Германии, в городе Берлине. Вернулся на родину в 1870 году. Выступал как дирижёр и композитор, гастролировал по странам Европы. Жил в Петербурге, Киеве, где был главным дирижёром оперы. С 1888 года жил в Москве. Последние годы провёл в Новоспасском монастыре. Похоронен на Лазаревском кладбище, рядом с матерью²⁶. Согласно «Московскому Некрополю», на Лазаревском кладбище похоронен был и младший сын Пелагеи Гавриловны Малашкиной, урождённой Боткиной – Владимир Дмитриевич Малашкин (1851—1905)²⁷.

Младшая дочь Гаврилы Кононовича Боткина – Маргарита Гавриловна, в 1850 году была незамужней и дальнейшая её судьба неизвестна.

Вот собранные мной сведения о двух «забытых» ветвях рода Боткиных.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Материалы для истории Московского купечества. – М., 1887. – Т. IV. – Приложение 1. – С. 6.
- ² Там же. – С. 36.
- ³ Материалы для истории Московского купечества. – М., 1887. – Т. V. – С. 96.
- ⁴ Материалы для истории Московского купечества. – М., 1887. – Т. VI. – С. 187.
- ⁵ Материалы для истории Московского купечества. – М., 1888. – Т. VII. – С. 196.
- ⁶ Материалы для истории Московского купечества. – М., 1887. – Т. V. – С. 96.
- ⁷ Московский некрополь. – СПб., 1907. – Т. I. – С. 132, 133.
- ⁸ Материалы для истории Московского купечества. – М., 1887. – Т. VI. – С. 187.
- ⁹ Материалы для истории Московского купечества. – М., 1888. – Т. VII. – С. 196.; Московский некрополь. – СПб., 1907. – Т. I. – С. 132, 133.
- ¹⁰ Московский Адрес-календарь для жителей Москвы / Сост. К. Нистремом. – М., 1842. – С. 128.
- ¹¹ Московский некрополь. – СПб., 1907. – Т. 132.
- ¹² Там же. – С. 133.
- ¹³ Быков В. Н., Шапошников М. Б. Московская власть и Биржа. Биографический словарь. – М., 1999. – С. 59–60.
- ¹⁴ Московский некрополь. – СПб., 1907. – Т. 132.
- ¹⁵ Быков В. Н., Шапошников М. Б. Московская власть и Биржа. Биографический словарь. – М., 1999. – С. 59.
- ¹⁶ Московские Ведомости. – 1883. – 21 февраля.
- ¹⁷ Материалы для истории Московского купечества. – М., 1887. – Т. VI. – С. 202.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Материалы для истории Московского купечества. – М., 1888. – Т. VII. – С. 211.
- ²⁰ Московский некрополь. – СПб., 1907. – Т. I. – С. 132.
- ²¹ Московский некрополь. – СПб., 1907. – Т. II. – С. 217.
- ²² Материалы для истории Московского купечества. – М., 1889. – Т. VIII. – С. 226.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Материалы для истории Московского купечества. – М., 1889. – Т. IX. – С. 253.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Московский некрополь. – СПб., 1907. – Т. II. – С. 217.
- ²⁷ Там же.

Б. Ф. ЕГОРОВ

(Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук)

ПЕРЕПИСКА В. П. БОТКИНА С С. В. ЭНГЕЛЬГАРТ

Аннотация. Публикуются сохранившиеся одно письмо С. Э. Энгельгардт и ответ В. П. Боткина (1855 года), с подробными комментариями. В письме Энгельгардт раскрывается своеобразный психологический облик писательницы, а в ответе Боткина – галантность и лукавая двойственность: ведь наряду с дружеским общением с Энгельгардт, он – автор анонимной отрицательной рецензии на её драму.

Ключевые слова. Журнал, критика, «Современник», пословица (драма), Дружинин.

B. F. EGOROV

(St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences)

CORRESPONDENCE OF V. P. BOTKIN AND S. V. ENGELGARDT

Abstract. It's the publication of one surviving letter of S. E. Engelhardt and the answer of V. P. Botkin (1855), with detailed comments. In a letter of Engelhardt the peculiar psychological appearance of the writer was revealed. And Botkin's response was gallantry and crafty duality: after all, along with friendly communication with Engelhardt, he was the author of an anonymous negative review of her drama.

Keywords. Magazin, "Contemporary", criticism, proverb (drama), Druzhinin.

Среди многочисленных (и порой очень часто ему писавших) корреспондентов Василия Петровича Боткина Софья Владимировна Энгельгардт (1828—1891; урождённая Новосильцева) занимает весьма скромное место: сохранилось одно её письмо и ответ Боткина, хотя переписка явно существовала несколько лет.

С. В. Энгельгардт, поэт и прозаик с юных лет, печатно вступила в литературный мир в 1853 году двумя повестями в «Отечественных записках» А. А. Краевского. Она и раньше уже была немного знакома тогдашнему литературному и журнальному кругу, благодаря брату, товарищу А. А. Григорьева и А. А. Фета по учёбе в Московском университете. А когда она стала автором напечатанных повестей, то и сама вошла в тот круг. Завязалось личное общение с видными критиками той поры – В. П. Боткиным и А. В. Дружининым (в 1948 году напечатаны 18 писем Энгельгардт к Дружинину)¹.

К середине 1855 года, ко времени сохранившихся писем Энгельгардт и Боткина, уже были опубликованы пять повестей Энгельгардт (в том числе – «Не так живи, как хочется, а как Бог велит»²), один рассказ и одна драма в жанре «пословицы» («Ум придёт – пора пройдёт»³). Все свои произведения Энгельгардт подписывала псевдонимом «Ольга Н.».

Переписка показывает, что С. В. Энгельгардт уже прочно вступила на писательское поприще, потом она почти полвека, до самой кончины, будет создавать художественные (изредка – биографические и мемуарные) произведения. Воспитанная в детстве, по дворянскому обычаю, французскими боннами, Софья Владимировна стала двуязычной (она начинала творчество с французских стихотворений и потом была хорошей переводчицей русских писателей; в 1875 году в Париже издала на французском языке большой однотомник А. С. Пушкина); вероятно, личное общение ей было проще вести по-французски: письма к Дружинину – тоже французские (впрочем, потом 150 писем к А. А. Фету она написала по-русски!).

Письмо Софьи Владимировны Энгельгардт свидетельствует о её умной и откровенно смелой натуре: она явно преодолела законное смущение перед широко известным литератором, который на 16 лет её старше, и разговаривает с ним как равная. Интересно, что Василий Петрович Боткин отвечает по-русски, лишь в конце, несколько кокетничая с дамой, переходит на французский язык. И принимает разговор на равных. Но при этом совершенно умалчивает, что именно ему (это раскрывается по рукописи) принадлежат убийственные строки про пословицу С. В. Энгельгардт из анонимного обзора «Заметки о журналах за июль месяц 1855 года»⁴, с общим выводом о пьесе: *«мёртвые и скучные кукольные представления»*⁵. С. В. Энгельгардт думала, что отзыв принадлежит И. И. Панаеву, и, конечно, никак не могла предполагать, что её «друг» – автор того отзыва. В публикуемом письме Боткин деликатно и с оговорками тоже отмечает, что драма Энгельгардт ему не понравилась, её проза лучше (в самом деле, проза Энгельгардт талантливее и интереснее), но тональность этих строк совершенно не сопоставима с журнальной критикой.

В. П. Боткин также совершенно умолчал о своём участии в финансовых делах Некрасова, и именно в гонораре Энгельгардт: он вместе с Т. Н. Грановским, сочувственником Софьи Владимировны, напоминал колеблющемуся Некрасову (тогда существовал обычай, что за первое произведение можно было и не заплатить молодому автору) про ожидание С. В. Энгельгардт. Сохранилось интересное письмо Некрасова к Боткину от 9 сентября 1855 года, где есть такие строки: *«... я написал письмо к Ольге Н. (так и быть, для избежания сплетен – решено заплатить ей по 50 р.) – и письмо к Грановскому, дабы успокоить его по этому делу»*⁶. К сожалению, письмо Некрасова к Энгельгардт не обнаружено. А 50 ру-

блей за печатный лист – очень богатый гонорар. Строки из публикуемого письма В. П. Боткина о переносе оплаты гонорара на декабрь – фантазия; просто Боткин ещё не знал 5 сентября об окончательном решении Некрасова, и как бы оправдывал возможную оттяжку.

Таким образом, и в оценке пьесы Энгельгардт, и в получении гонорара Василий Петрович Боткин проявил заметную двойственность, несомненное лукавство.

В публикуемых письмах отсутствует традиционное обращение к адресату. И подавляющее большинство писем С. В. Энгельгардт – без обращения. Вероятно, в новаторской переломной атмосфере эпохи реформ молодёжь и в устоявшейся многовековой структуре письма видела ненужный формализм. Но потом в русской эпистолярной традиции обращение прочно восстановилось.

Письмо С. В. Энгельгардт хранится в отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве⁷, письмо В. П. Боткина – в Российском государственном архиве литературы и искусства⁸.

Выражаю глубокую благодарность С. Г. Журавскому за получение копии письма С. В. Энгельгардт и Е. Е. Дмитриевой за перевод письма на русский язык.

Письмо С. В. Энгельгардт

Le 30 Août.

Je fais valoir les droits d'une ancienne connaissance pour me donner le plaisir de vous écrire et vous prier de me mettre au courant de chose fort intéressante pour moi. J'ai toujours eu beaucoup de plaisir à vous voir, mais à nos dernières entrevues vous vous êtes montré si aimable à mon égard, que je commence par vous tendre bien amicalement la main, avant d'entrer en frais de causerie intime.

Sachez d'abord que je suis la voix qui crie dans le désert, car c'est au fond d'une solitude profonde que je vous écris, et si vous en avez jamais essayé, vous devez comprendre qu'on s'y trouve encore plus apte à prendre à coeur tout ce que se passe dans le monde habité. Est-il vrai, dites moi, que Tourgueneff se voit chargé de la rédaction du *Современник*? Cette bonne nouvelle m'est arrivé un de ces jours par une voie si détournée, et si peu à même de la confirmer, que je ne sais pas, après tout, si elle n'est qu'un beau commérage. Un artiste, et de plus homme distingué, devenant le représentant en chef de notre littérature, serait un revirement si heureux pour elle, que je n'ose pas m'y fier. Il me semble que tout le monde à cet égard devrait penser comme moi, dussent nos intérêts personnels en souffrir beaucoup, car il n'y a pas de faute qu'il mettra de la sévérité dans le choix de ses collaborateurs. Il y a bien encore l'intégrité de la critique qui nous fera faire la grimace; à cet article il faut se rappeler Гоголь: Не гля-

дись в зеркало... et en prendre philosophiquement son parti. Il y a une autre nouvelle qui m'a fait plaisir, et qui demande à être confirmée. On dit que le censeur Freigang a été demis de sa charge. J'espère, en bonne chrétienne, que Dieu ne lui pardonnera ni dans ce monde ni dans l'autre les abus on l'a fait à son nom.

Et maintenant, qu'avez-vous fait de votre été ? Comment avez-vous passé le tems chez Mr.Tourgieneff? Avez-vous eu beaucoup d'ennui ? Avez-vous vu des Athéniennes, comme dit Дружинин? Que fait il cet homme heureux de vivre pour qui les rapports sérieux ne se reproduisent que dans deux individus : l'Athénienne et le camarade. Aussi est-ce à ce dernier titre que je vous demande de me rappeler à son souvenir s'il ne m'a pas oublié toute fois, et avant tout, s'il ne s'est pas trop ennuyé chez moi, car je crois bien que l'ennui est le seul crime irrémissible aux yeux de notre Дружинин. Quand même il aurait exagéré la maxime franchement, je trouverai qu'il a raison. Dites moi, vous qui avez tant d'esprit : d'où vient que les amis de la vertu sont si invariablement ennuyeux? D'où vient qu'ils ont le monopole de tout ce qu'il y a d'ennui dans ce bas monde? Je n'ai nommé personne, mais dans tous les cas, cela reste entre nous, et si je vous ai choisi pour confesseur, c'est que j'ai entendu plus d'un prêche qui me rassure sur les conséquences de ma franchise: elle me vaudrait ni plus ni moins que le titre de femme démoralisée.

Si Григорович a composé sur moi quelque petite histoire pour rire, faites m'en part, je vous prie: cela me divertira. Où en sont les Переселенцы? Кажется, они никогда не переселятся в Отечественные Записки. Vous vous êtes intéressés à mes essais littéraires: ce que vous m'en avez dit d'aimable m'a beaucoup engagé à travailler et je vous en parlerai en ami. Craevsky a dernièrement imprimé un petit proverbe en forme dramatique; que je lui ai envoyé au printemps. Si vous n l'avez pas lu, tant mieux, ne le lisez pas; si vous l'avez lu, sans me dire franchement qu'il est bien mauvais, froid et prétentieux, et je vous promets de ne pas vous répondre comme [?] de sa comédie.

Je vous soutiens que mes vers sont fort bons.

Le proverbe est un genre favori à moi, j'ai voulu en essayer, et j'ai échoué. Je m'excuse à en terminer un second qui vaut un peu mieux, ce me semble; je n'oserai pas l'affirmer, cependant. L'auteur, qui ne se prendrait pas d'amour pour son oeuvre en y travaillant, ne l'acheverait pas, ce n'est qu'en se retrouvant sur les feuilles d'un journal, qu'il se commente à froid, et devient le plus impitoyable de ses critiques. C'est alors qu'un encouragement lui devient nécessaire, d'un autre côté je me suis promis de subir toutes les petites commisérations imposés mon amour propre par les gens qui s'y entendent et me voudraient du bien, convaincue que le critique est le seul moyen de progrès possible. Je sais que mon savoir faire est restreint, mais j'ai pu faire passablement, peut être pourrai-je faire mieux. Comme je tiens beaucoup à votre avis, je vous prie d'agir en ami avec moi, et de ne pas me ménager. Je sais que vous devez avoir peine à me croire, car les écrivains, en général, n'entendent pas raison là dessus; mais il y a

quelques individus qui en ont essayé avec moi, et pourront vous confirmer que je ne blague pas en vous parlant comme je suis; et j'ai été traitée sans pitié, je m'en fais fort.

Mr Panaeff a dernièrement fait la critique de mon proverbe, qu'il a eu raison de trouver mauvais; mais le ton assez peu généreux de cette critique m'a fait, je vous l'avoue, penser avec effroi, qu'il entre dans ses habitudes de parler ainsi à des créanciers qu'il trouve curieux, comme Talleyrand trouvait les siens. Je voudrais bien savoir à qui m'en tenir, et je vous prie de me dire où en sont les finances de ces messieurs. Vous m'obligeriez infiniment, car votre réponse décidera de la manière dont je passerai l'hiver. J'ai eu la folie de m'endetter en comptant sur l'exactitude du Современник. Comment mettent-ils les gens dans la nécessité de réclamer ce qu'on leur doit, ce qui est tout aussi pénible que de devoir soi-même.

A revoir. Que faut il vous souhaiter? Tout plein de bonnes choses; de bons amis, de bons soupers, beaucoup d'Athéniennes, ou ce qui vaut mieux, une amie brune ou blonde, selon que vous l'aimez, et fidèle... selon que vous le mériterez. N'est-ce pas que cela vaut mieux? – Rappelez-vous la petite chanson de Fortunio.

S. Engelhardt.

Ecrivez-moi, je vous prie, в Серпухов, в Московской Губ.

[Перевод]

30 августа.

Пользуюсь правами давнего знакомства, дабы доставить себе удовольствие Вам написать, прося пролить свет на нечто, меня весьма интересующее. Я всегда испытывала удовольствие от встреч с Вами, но при последнем нашем общении Вы были столь любезны по отношению ко мне, что я начну с того, что дружески протяну Вам руку, прежде чем перейти непосредственно к беседе личного свойства.

Прежде всего, хочу Вас уведомить, что я есмь глас вопиющего в пустыне, потому что пишу вам, находясь в глубочайшем одиночестве, и если Вы когда-либо испытывали подобное, то должны понять, что в этом состоянии ещё более близко к сердцу принимаешь то, что происходит в обитаемом мире. Правда ли, скажите мне, что Тургеневу передано издание журнала «Современник»?⁹ Эта добрая весть дошла до меня недавно таким окольным путём и столь мало достоверным, что в конечном счёте я даже не знаю, не красивая ли то всего-навсего сплетня. Поэт, и к тому же благородный человек, который становится главным представителем нашей литературы, есть настолько счастливое в неё вливание, что я просто отказываюсь в это верить. Мне кажется, что в этом отношении все думают так же, как и я, даже если это идёт в ущерб нашим личным интересам,

потому что выбирать со строгостью того, с кем собираешься сотрудничать, не есть большой грех. Также и непререкаемый характер критики заставляет нас нередко морщиться; в этой связи вспомним Гоголя: «Не глядись в зеркало...»¹⁰ и последуем его совету. Есть также и другая новость, которая доставила мне удовольствие и в истинности которой я хотела бы удостовериться. Говорят, что цензор Фрейганг уволен¹¹. Как истинная христианка я надеюсь, что Бог не простит его ни в этом мире, ни в том за злоупотребления, что вершились под его именем.

А теперь скажите мне, что Вы делали этим летом? Как провели время у Тургенева? Очень ли было скучно? Видели ли Вы Афинян¹², как говорит Дружинин? Чем занят этот жизнелюбивый человек, для которого серьёзные отношения сводятся лишь к двум формулам: Афинянин и товарищ. Памятуя о последнем, прошу Вас передать ему от меня привет, если он всё же меня не забыл и, прежде всего, если ему не слишком скучно было у меня, потому что, я полагаю, что скука есть единственный тяжкий грех в глазах нашего Дружинина. Если бы даже он в этом отношении сильно преувеличивал, я все равно бы считала, что в сущности он прав. Скажите мне, о Вы, имеющий столь острый ум, почему друзья добродетели неизменно скучны? Почему именно им принадлежит монополия на всё, что есть скучного в подлунном мире? Я не указала ни на кого конкретно, но в любом случае всё это должно остаться между нами, и если я именно Вас выбрала, чтобы исповедаться, то только потому, что немало слышала проповедей, которые ободряют меня насчёт последствий моей откровенности: она мне придаст звание ни более, ни менее как безнравственной женщины.

Если Григорович сочинил обо мне маленький смешной анекдот, сообщите мне о том, пожалуйста: это меня развлечёт. Как обстоят дела с «Переселенцы»?¹³ Кажется, они никогда не переселятся в «Отечественные Записки». Вас интересовали мои литературные занятия: те добрые слова, что вы мне сказали, заставили меня немало потрудиться, и я хотела бы поговорить с вами о том, как с другом. Краевский недавно опубликовал пословицу в драматической форме, которую я посылала ему прошлой весной¹⁴. Если Вы её не читали, тем лучше, не читайте её; если Вы её читали, не сказав мне при этом откровенно, что она дурно написана, холодно и претенциозно, то я обещаю не отвечать Вам как [?] в своей комедии:

Я согласна с Вами, что мои стихи очень хороши.

Пословица – это мой любимый жанр, я попыталась попробовать себя в нём, и мне это не удалось. Я решила закончить вторую; она немного лучше, как мне кажется¹⁶, конечно, утверждать это я всё же не смею. Автор, который, работая над произведением, не любит его, никогда его и не закончит; и только увидев его на страницах журнала, он оказывается в состоянии хладнокровно о нём судить, становясь самым беспощадным его

критиком. Именно в это время ему потребно одобрение; с другой стороны, я поклялась снести все мелкие выражения сочувствия, которыми сведающие люди, желающие мне добра, вредят моему самолюбию, будучи убеждена в том, что критика есть единственный путь к совершенствованию. Я знаю, что мои способности ограничены, и всё же я что-то сумела сделать сносно, возможно, что со временем сумею сделать лучше. Поскольку я очень дорожу Вашим мнением, то прошу поступить со мной по-дружески и меня не щадить. Я понимаю, что Вам трудно в это поверить, потому что писатели обыкновенно не прислушиваются к разумным советам, исходящим извне; но есть несколько таких, которые уже испробовали это на мне и смогут вам подтвердить, что я не лукавлю, говоря, какая я на самом деле; меня безжалостно раскритиковали, но от этого я стала только сильнее.

Господин Панаев намерен раскритиковать мою пословицу, которую он вполне резонно нашёл неудавшейся¹⁷; однако не слишком великодушный тон этой критики, признаюсь, заставил меня с ужасом подумать, что таким образом он имеет обыкновение говорить со своими кредиторами, которых он считает любопытными, подобно тому, как это делал со своими Талейран¹⁸. Мне хотелось бы знать, кому верить, сообразуйте же мне поведать, как обстоит дело с финансами у этих господ. Вы тем самым меня весьма обяжете.

Потому что от Вашего ответа зависит то, как я проведу эту зиму. Я имела глупость залезть в долги, понадеявшись на аккуратность «Современника». Почему они ставят людей в такое положение, что те должны требовать, чтобы получить то, что им причитается, что столько же неловко, как и задолжать самому себе?

До свидания. Что я могу ещё Вам пожелать? Массу всего хорошего; хороших друзей, хороших ужинов, много афинянок, или, что ещё лучше, тёмноволосую или светловолосую подружку, в зависимости от того, что вы предпочитаете, и верную... настолько, насколько Вы того заслуживаете. Так ведь будет лучше, не правда ли? – Вспомните песенку Фортуньо¹⁹.

С. Энгельгардт.

Пишите мне, пожалуйста, в Серпухов, в Московской губ.

Письмо В. П. Боткина

Москва. 5 сентября 1855.

Я только что воротился в Москву и к величайшему своему удовольствию нашёл Ваше милое письмо ко мне. Спешу отвечать на него, и главное на один из Ваших вопросов – именно о Современнике. К величайшему моему сожалению я ничего не могу Вам сказать положительного, когда

Вы получите Ваш долг с Современ[ника]. Правда, что финансовые обстоятельства этого журнала находятся не в блестящем положении, но, однако ж, далеко не в таком, чтобы он не мог выплатить своих обязательств. Сколько я помню, Некрасов говорил, что он ранее декабря денег заплатить Вам не может. Я напишу об этом к Некрасову, и если получу от него ответ, то тотчас же сообщу его Вам.

Слухи, дошедшие до Вас о том, будто бы Тургенев принял на себя редакцию С-ка – несправедливы, да и едва ли он когда-нибудь согласится променять своих дупелей на такое унылое занятие, исполненное одной только горечи.

Что же касается до того, что Вы называете *l'intégrité de la critique*²⁰, то она пока в нашей литературе невозможна. Журнал, который бы вздумал высказывать писателям откровенно своё мнение, тотчас бы потерял их участие у себя. Теперь пока критика публики вернее критики журналов, которая вследствие этих и других обстоятельств сделалась вовсе ничтожною.

Вы спрашиваете меня о Дружинине? Я получил недавно письмо от него: он бодр и весел и много работает. О Григоровиче, с тех пор, как он в начале августа проехал через Москву в деревню, нет никакого слуху. Но «Переселенцы», вероятно, переселятся к январю в [«]От[ечественные] зап[иски»]²¹. Только роман этот, кажется, будет много ниже [«]Рыбаков[»]²². Он пишет его с таким усилием, что трудно ждать от этого чего-нибудь действительно отличного. Почему Вы думаете, что Григор[ович] а composé sur Vous une petite histoire pour rire?²³ Ничего подобного никогда не было, и вообще Григор[ович] не способен к такого рода сочинениям. Случается иногда, что увлекаясь своим воображением, он придаёт людям и вещам усиленный колорит, – но и это – никогда умышленно, к Вам же кроме самого искреннего расположения – никакое другое чувство не проходило по душе его.

Я читал Вашу пословицу, и очень много в ней нравилось мне, но в целом она произвела на меня несколько монотонное впечатление. От драматической, т. е. живой формы – невольно требуешь и лиц живых, – воспроизведения действительности. В разговоре Валерии с Смольновым не чувствуешь того натурального, разговорного движения, который (так!) заставил бы поверить действительности этих лиц. Впрочем, я несколько не настаиваю на своём мнении и готов отказаться от него: я читал Вашу пословицу на даче, в чудесный день, после долгой прогулки, и внимание моё было рассеянно. Теперь помню только, что по прочтении её во мне осталось впечатление благородного и умного намерения – не совсем удачно выполненного. Вы говорите: «Le proverbe est un genre favori à moi»²⁴, а мне кажется, что Вы несравненно сильнее в повести. С любопытством жду Вашей второй пословицы. *Votre letter à moi produit sur moi*

la plus douce impression. Vous me souhaitez une *amie*, – une, – c'est trop tard, je suis trop corrompu pour trouver une amie et trop paresseux pour la garder. Mon malheur c'est de ne savoir pas aimer une femme. Je les ai toujours adoré. Mais comme la déesse se trouvait d'être une simple mortelle – mon adoration croyait toujours d'être trompée d'adulée. J'ai tant changé de religions – que je suis devenu *presque* athée.

Votre très dévoué W. Botkine²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Письма к А. В. Дружинину (1850–1863) / Ред., [вступ. статья «Архив А. В. Дружинина»] и коммент. П. С. Попова. (Летописи Государственного Литературного музея. – Кн. 9). – М.: типография «Кр. Пролетарий», 1948. – С. 359–393.
- ² Современник. – 1854. – № 12. С. В. Энгельгардт много месяцев ждала выплаты гонорара.
- ³ Отечественные записки. – 1855. – № 7. Именно о ней пишут С. В. Энгельгардт и В. П. Боткин.
- ⁴ Современник. – 1855. – № 8. – Отд. V. – С. 268–269.
- ⁵ Там же. – С. 269.
- ⁶ Н. А. Некрасов. Полное собрание сочинений и писем. – М.: 1952. – Т. X. – С. 243.
- ⁷ Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве. № 16018.
- ⁸ РГАЛИ. Ф. 574. Оп. 1. Ед. хр. 57.
- ⁹ С. В. Энгельгардт не любила Н. А. Некрасова и И. И. Панаева (и творчество их, и лично), да ещё была раздражена из-за задержки гонорара, поэтому приветствовала слух о переходе журнала к Тургеневу. Но слух оказался ложный.
- ¹⁰ Очевидно, Энгельгардт так понимала смысл известного эпиграфа к «Ревизору»: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива».
- ¹¹ Гроза либеральных литераторов цензор А. И. Фрейганг не был уволен, он проработал до 1859 года.
- ¹² А. В. Дружинин любил придумывать новые термины и понятия. Афиняне – очевидно, участники организуемых Дружининым вечеров-ночей с умеренным кутежом и с дамами лёгкого поведения (как бы намёк на облик древних греков). Далее Энгельгардт будет говорить об афинянках, т. е. только о женщинах.
- ¹³ Роман Д. В. Григоровича «Переселенцы» начал печататься в «Отечественных записках» с ноября 1855 года.
- ¹⁴ «Ум придёт – пора пройдёт» (см. вступительную статью).
- ¹⁵ Имя героя трудно разобрать в рукописи письма. Возможно – Орест, возможно – Оронте; но Орест – герой многочисленных трагедий, Оронте – герой лирической драмы молодого Верди (1843); подобный герой комедии не известен. Не очень ясно, почему «своей комедии» (по-французски «sa comédie»). Это может означать, что приведено имя не героя, а автора.
- ¹⁶ «Конь и о четырёх ногах, да спотыкается» (Отечественные записки. – 1856. – № 10).
- ¹⁷ Ошибка. Отзыв принадлежит В. Боткину (см. вступительную статью).
- ¹⁸ Намёк на какие-то подробности из жизни Талейрана., известные Энгельгардт.

- ¹⁹ Фортуньо – герой популярного романа (и комедии) «Le Chandelier» («Подсвечник») Теофиля Готье (1838). Песенка Фортуньо заинтересовала молодого Тургенева: он в 1840-х годах перевёл её на русский язык.
- ²⁰ Фр.: «неподкупность критики».
- ²¹ См. примечание № 13.
- ²² «Рыбаки» – предшествовавший роман Д. В. Григоровича (1853).
- ²³ Фр.: «сочинил обо мне небольшой анекдот, чтобы посмеяться».
- ²⁴ Фр.: «Пословица – это мой любимый жанр».
- ²⁵ Фр.: «Ваше письмо произвело на меня самое нежное впечатление. Вы желаете мне подругу – одну – это слишком поздно, я слишком развращён, чтобы найти подругу, и слишком ленив, чтобы сохранить её. Моё несчастье – это неумение любить женщину. Я их всегда обожал. Но поскольку богиня оказывалась простой смертной – мое обожание всегда становилось обманно льстивым. Я столько сменил религий, что стал почти атеистом».

С. Г. ЖУРАВСКИЙ

*(ФГБОУ ВО «Первый Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет имени академика И. П. Павлова»
Министерства здравоохранения Российской Федерации)*

СЕРГЕЙ И ВАСИЛИЙ БОТКИНЫ: ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА И ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Аннотация. Представлены общие черты в натурах братьев Василия и Сергея Боткиных и непростой характер их взаимоотношений. Вкус к жизни, повышенная чувствительность (чутьё на людей и обстоятельства), лидерские качества, авторитарность, характерность мыслительной деятельности (аналитичность, критический взгляд и др.), безусловно, были наследственными чертами Боткиных. Эта общность позволила Сергею с раннего детства ценить пример старшего брата, перенять и развить его достижения.

Ключевые слова. С. П. Боткин, В. П. Боткин.

S. G. ZHURAVSKIY

*(Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Academician I. P. Pavlov First St. Petersburg State Medical University» of the
Ministry of Healthcare of Russian Federation, St. Petersburg)*

SERGEY AND VASILY BOTKINS: FEATURES OF CHARACTER AND FEATURES OF RELATIONS

Abstract. There are presented general features of the natures of the brothers Vasily and Sergey Botkin and the difficult nature of their relationship. Increased sensitivity (a taste for life, instinct for people and circumstances), leadership qualities, authoritarianism, the character of mental activity (analyticity, a critical look, etc.) were undoubtedly the Botkin's hereditary traits. This community allowed Sergey from early childhood to feel and see the value of the example of his older brother; to adopt and develop his achievements.

Keywords. S. P. Botkin, V. P. Botkin.

Ранее мы показали значение семейного окружения в развитии личности и профессиональной реализации С.П. Боткина¹. Пример старшего брата-самоучки В.П. Боткина с его достоинствами и личной трагедией помог сформировать Сергею Боткину собственные жизненные приоритеты: получение университетского образования, определиться с направлением профессионального развития, осознать ценность семейной жизни

и чувство ответственности. В большой семье Боткиных из шести младших братьев не все восприняли этот прогрессивный пример и влияние. Павел и Владимир, кровные братья С. П. Боткина, даже имея образование, прожили неяркую, невыдающуюся жизнь. Отсюда возникает вопрос, что же такого было в натуре Сергея, что позволило оценить, перенять и развить достижения старшего брата?

Ил. 1. Василий Петрович Боткин. Фотография 1850-х годов. Архив О. И. Дёмушкиной, праправнучки П. П. Боткина

Василий был сложной, неоднозначной и весьма интересной личностью. *«Утончённый сибарит», «киснувший и пищащий эпикуреец», «умный», с «тонко развитым вкусом», «авторитарный», «семейный деспот», «нежный» и «резкий», «умиляемый» и «быстро раздражаемый», «злой» и «ласковый», «переполненный елеем» и «озлобленно шипящий», «эгоистичный» и «хлебосольный», «пылкий», «энтузиаст» и «избегавший ответственности», настаивающий на получении образования, «капризный», «долго не находивший сигар по вкусу», «ядовитый труп»* – такие порой совершенно противоположные эпитеты давали Василию близкие знавшие его друзья-литераторы. Одновременно с этим тонкий ум, неор-

динарное мышление, самобытная манера критического анализа, вкрадчивый, доверительный, иногда переходящий в ораторский или авторитарный тон изложения хорошо видны по его литературно-критическим работам и сохранившемуся эпистолярному наследию. При всём различии эпох, в которые формировались и достигали зрелости их личности, рода занятий и даже психологических особенностей у братьев оказывалось много общего.

Цель работы – показать наследственные черты натур обоих братьев, объясняющие интерес Сергея к позиции Василия и характер их взаимоотношений.

Ил. 2. Сергей Боткин. Фотография 1865 года.
Фотоателье Г. И. Денъера.
Собрание Отдела эстампов РНБ

Способность к анализу проявилась у Боткиных с молодых лет. Так, 25-летний Василий мог оригинально, образно, в сравнениях представлять свои мысли: *«Сбейте Русь, раскинутую как табор монголов, на тесное пространство нескольких губерний, сдвиньте их деятельность и мыслительность в немногие города, которые бы строились в семь этажей, а не пресмыкались между ельником, и природный ум русского, концентрированный, стянутый в узел общественности, будет крепче узла Гордиева, и его тогда не рассечёт никакая сила внешняя»*². Сергей в том же возрасте демонстрирует наследственный тип мышления:

1. *«До сих пор я вполне только удовлетворён лекциями Лудвига³, которые превосходят всякое ожидание ясностью и полностью изложения. Лучшего учителя физиологии до сих пор мне ещё не приходилось слушать. Как личность Лудвиг самая милейшая, простота и любезность в обращении поразительны. Оппольцер⁴ без сомнения интереснее Траубе⁵, отличный практик, но так часто грешит против науки, что нельзя назвать его всё-таки хорошим клиницистом в полном смысле этого слова. Соврать против химии, против патологической анатомии, даже против физиологии ему случается нередко, но при всём этом он прекрасный наблюдатель, сметливый диагност – вообще тип хорошего практического врача. <...> Хебра⁶ хорош страшным количеством экземпляров, которые он представляет слушателям, но лекции Беренспрунга⁷ в тысячу раз научнее и дельнее, и я рад, что послушал берлинского дерматолога – заклятого врага венского»*⁸.
2. *«В это время начал свои курсы Бернар⁹; два раза в неделю, один курс экспериментальной патологии, второй просто эксперимент[альной] физиологии. Пока оба весьма неудовлетворительны, особенно первый, состоящий исключительно из элегии нервам, которых поставил в заголовку (так!) и основание всех патологических процессов. Доказывать это слишком он не считал нужным, считая вопрос этот оконченным и решённым. Вот мысль первой лекции. Так как вивисекцией, действуя на нервы, можно произвести всякую почти болезнь, то следовательно патология есть то же самое, что физиология. Трудно поверить, что такую мысль можно было публично развивать, а между тем нашлись и хлопальщики. Нынче читал о идиосинкразиях¹⁰ и предрасположениях к болезням, чему причины – конечно нервы и нервы, впрочем, нынче он был поумереннее несколько. В своих беседах о патологии он, должно тебе сказать, не делает отличий припадков болезней от самих болезней, кровь в испражнениях есть уже dysent.¹¹ кашель – какое-нибудь страдание лёгочной ткани и пр. Вообще слушаешь, да дивишься»*¹².

Оба брата были максималистами, что хорошо просматривается и в решении-деловых вопросов, и в нравственных исканиях. 24-летний Василий, придя в восторг от «Собора Парижской Богоматери», во время своего первого-заграничного путешествия (1835) стремится лично познакомиться с автором романа¹³. Так же и 25-летний Сергей, узнав, что центром европейской медицинской науки в 1850-х годах являлся Вюрцбург, отправляется туда (1856), чтобы познакомиться с Вирховым, слушать лекции над вскрытым трупом, покупает микроскоп и учится работать по его примеру.

Оба брата – романтики, что видно по их восприятию нового. *«Мне стало легко, весело¹⁴, я лёг на траву и с упоением нежил глаза на очаровательной долине, которая, как чаша, лежала между горами, покрытыми тёмной густой зеленью. – Италия, Италия! Я, наконец, вижу тебя! – повторял я; чудная, блаженная минута!»¹⁵* – восторгался Василий, обозревая Симплонский горный хребет. Сергей не столь экзальтирован, но так же ярко видит новое, правда, пишет о нём, если чувствует его прикладное значение:

1. *«Но самое интересное – это дорога <...>, которая вьётся около горы, покрытой изумрудной зеленью, по бокам поместились роскошные пирамидальные тополя; даль окаймилась синими горами. Прибавьте к этому аромат свежескошенного сена и чувствительность нерв после лихорадочных потов и Вы поймете всё наслаждение, которое я получил от этой прогулки»¹⁶;*
2. *«В настоящее время в Вюрцбурге собрались все лучшие знаменитости Германии. Цветок Вюрцбурга – Вирхоф¹⁷ – профессор патологической анатомии»¹⁸,* – романтичность Сергея затрагивает даже сферу профессионального;
3. *«Как описать Вам, мои милые и дорогие то место, где мы теперь поместились. Если существует на земле рай, то лучше места для него нет как в этой деревушке, где мы живём. Она стоит между двух озёр, окружена горами, между которыми величественно рисуется снеговая вершина Юнг-фрау¹⁹, вставленная в рамку синего неба; около неё разбросились (так!) горы с изумрудной зеленью и в долине между ними тонет в зелени наша деревушка. О, милые, если бы Вы знали, что это за вид; что тут за воздух!! Аромат скошенных трав, сосновых лесов окружающей улаждает каждое дыхание. На душе светло, ясно, привольно; зачем Вас здесь нет? Как бы обогатилась Ваша художественная фантазия, глядя на эти прелестнейшие пейзажи, которые меня и Натю²⁰ приводят в упоение»²¹.*

И Василий, и, как ни покажется странным, материалистически настроенный Сергей – мечтательные натуры: *«Если б я мог перенести вас в эту маленькую комнату в то время, когда закатывается солнце. <...>*

*Минута блаженства есть минута немая*²². Такие же слова находим и спустя 30 лет в письмах С. П. Боткина: *«Сидя за письменным столом в моей тюрьме перед маленьким окном с деревянными перекладинами, я бываю относительно счастлив тем, что совершенно переносюсь к тебе, в нашу спальню; если я при этом пишу, то это меня и освежает»* (письмо от 16 сентября 1877 года)²³.

Оба были чрезвычайно чувствительны к музыке, слушали концерты, играли сами (Василий на скрипке, Сергей на более «демократичном» инструменте – виолончели). Устраивали домашние вечера с застольями и богатым музыкальным сопровождением. Василий отдавал предпочтение немецкой музыке, а именно Бетховену, с его идеями свободы, гордости человеческого духа и мысли: *«Божественное величие, вечное торжество победы света над мраком выступают в Бетховене, но человек не только не уничтожается перед лучезарным светом их, напротив, внимая им, он сознаёт себя причастником этого необходимого солнца духа, гражданином этого вечно блаженного царства»*²⁴. Блаженным виделся облик Василия в мгновения музыкального экстаза, когда он *«походил <...> на Пифию»*²⁵ на треножнике и был на небе от одного адажио, лучшего, как говорит он, какое только написал Бетховен» (из письма В. Г. Белинского к М. А. Бакунину от 21 сентября 1837 года, Москва)²⁶. О том, что Сергей Боткин всю жизнь оставался поклонником немецкой музыки и особенно Бетховена, вспоминал И. М. Сеченов²⁷.

Схожесть в живости темпераментов, возбудимости нервной деятельности (с разницей только в том, что Василий, скорее, имел слабый, а Сергей – сильный тип нервной системы) и, как окажется, общие интересы во многих областях делали для Сергея привлекательным общение со старшим братом. Конечно, Василий, необременённый бытовыми, семейными проблемами, с тонким критичным умом, с широким кругозором, серьёзно относящийся к общению, был интересен для склонного к мыслительной деятельности младшего брата. Обратим внимание на уникальное свойство его мозговой деятельности – междисциплинарно видеть тему. Показательна его метафора, представляющая экономический вопрос через упрощённое описание функционирования организма: *«Связать артериями чугунной дороги»²⁸ грудь – Москву, с головою – Петербургом, и с желудком – полосами хлебными»²⁹, необходимо для того, чтобы экономия этого огромного организма не подвергалась ни завалам тела, ни застоям мысли»³⁰. По семейным сообщениям видно, что, встречаясь, оба брата с удовольствием проводили часы совместного отдыха: в английской деревне на острове Уайт обсуждали перспективы технического новшества (паровой машины), на европейских курортах посещали казино, слушали музыку, курили, обедали, общались с женщинами. Помогало в этом абсолютное чутьё на обсто-*

яательства, присущее обоим. У Василия оно выражалось преимущественно в восприятии прекрасного. Это позволяло ему высказывать тонкие, пронизательные суждения о литературных сюжетах, поэзии, исторических персонажах и произведениях искусства (о живописи, скульптуре, архитектуре). У Сергея это было чувство, к которому он постоянно прибегал в своей профессиональной деятельности, представляя конкретные клинические случаи (*«У меня есть нюх, которому я и доверяю»*³¹, а также пользовался и в повседневной жизни (*«Я радовался, что чутьё моё не обмануло меня, и я удалился вовремя от этой швали», «В некоторых [людях] же спиной, чутьём чувствуешь мошенника», «Не забудь написать, ошибся я или нет в своём чутьё»*³²). Очевидно, эта генетическая общность иррационального восприятия помогала обоим реагировать на людей и ситуации. (Любопытно, что у С. П. Боткина – помимо этой абсолютно развитой интуиции присутствовало ещё и чувство «абсолютного слуха»).

Родство душ, атмосфера общего дома проявлялись даже у зрелого Сергея словами, редкими в обычном речевом обиходе, но имевшимися в лексиконе Василия: *сухой* (о человеке), *вытанцовывается* (в смысле получается), *ресурс, подобранный* (в психологическом смысле, прилагательное в сравнительной степени) и прочее. Скажем, что и автографы братьев похожи по стилю: и Василий, и Сергей писали длинными сложноподчиненными предложениями, разделёнными точкой с запятой. Письменная речь обоих стремится всегда отразить действие.

Известно, что в натуре Василия если не доминировала, то была значительна расположенность к чувственным, плотским наслаждениям. Этот интерес сохранялся у Василия и в тот период, когда Сергей начинал свою самостоятельную жизнь:

1. *«Живём мы здесь точно отшельники, вокруг нас вместо женщин обитают какие-то гнусные самки»* (письмо от 20 мая 1856 года, Москва);
2. *«Все улицы полны народом, хорошеньких женщин видел много»* (письмо от 22 апреля 1857 года, Варшава);
3. *«Здесь господствует убийственная нравственность»* (письмо от 3 июля 1857 года, Экс)³³.

Содержание ответных писем 24-летнего, только что покинувшего семейный очаг Сергея явно демонстрирует, что он хочет соответствовать старшему брату, постоянно поднимая темы, интересные для зрелого мужчины: *«Публики бездна, но вообразите, хоть бы одно интересное личико. Сухопарые старые или расплывшиеся жиром носики и больше ничего»* (письмо от 6 июня 1856 года, Вюрцбург)³⁴.

Молодой человек, ещё ничем о себе не заявивший, затрагивает «мужские» вопросы, в которых демонстрирует «конкурентноспособность»

с опытным старшим братом, явно ожидая одобрения. Любопытно, что в письмах к Петру и Михаилу такого нет.

Оба брата находят одинаковый способ адаптации, оказавшись в стрессовых условиях. Так, 30-летний Василий декларирует: *«лучше замереть в разврате, чем в прятничной любви»* (письмо к В. Г. Белинскому, 1840-е)³⁵. Сергей, только начавший свою самостоятельную жизнь, вторит ему: *«Что Вам сказать, добрейший Василий Петрович, о моих успехах около девочек? В первое время так было плохо по этой части, что хоть умирай <...> Но теперь пошло иначе, попривык к нравам здешнего прекрасного пола и дела идут настолько порядочно, что недостатка не чувствую»* (письмо от 6 июня 1856 года, Вюрцбург)³⁶.

Вместе с тем, нельзя не заметить, что помимо «мужских гонок», в первые же послеуниверситетские годы Сергей уверенно осознавал и другие цели и интересы своей жизни: *«какую-то внутреннюю гордость»* за предстоящий ему труд (письмо от 14/26 декабря 1858 года)³⁷. Это был восторг от некогда случайно выбранной профессии и своего самостоятельного достижения – интуитивно выбранного пути дальнейшего образования. Это состояние на фоне выраженного самолюбия, врождённых лидерских качеств, вероятно, позволяло Сергею чувствовать себя равным брату, старше его на 21 год.

Вместе с тем мы видим, что Сергей при всей наследственной схожести с Василием демонстрировал и свою индивидуальность. Пагубные черты натуры брата, горький итог его личной жизни стали антипримером, вызвавшим критическое восприятие личности Василия Петровича, показавшим необходимость иметь профессию, принять и нести ответственность за свою семью³⁸. В некоторых фразах, поступках С. П. Боткина видны его независимость и противостояние Василию на пути к достижению целей. Пожалуй, наибольшее напряжение в их отношениях возникло в конце 1850-х годов и было связано с европейской стажировкой С. П. Боткина. При этом явной конфронтации не произошло. Письма 26-летнего Сергея к Михаилу – младшему из братьев, с которым Сергей всегда был душевно близок – показывают его претензии:

1. *«Время бежит ведь быстрее молнии, исключая только обедов с Василием Петр[овичем]»* (от 3 октября 1858 года);
2. *«Василий едет в Рим, желаю Вам одного, чтобы он не сел Вам так же на шею, как нам. Только, ради Бога, не ссорьтесь с этим старикашкой»* (там же);
3. *«Он [В. П. Боткин] очень любезен, чтобы его не сглазить, или лучше делает всё, что может, чтобы быть любезным: покупает к обеду огурцы, иногда доходит до того, что угостит и персиком или грушей. Зная, как человеку этому трудно совершать эти подвиги, невольно их ценишь и стараешься по возможности меньше ими пользоваться <...>»*

Теперь я к нему [хожу] по привычке, но первые дни, несмотря на то, что я ему очень искренно обрадовался – он меня несколько тяготил; разговоры вязались плохие, он мне казался каким-то скучливым, неинтересным» (от 30 августа 1859 года, о. Вайт);

4. *«Печально шло наше время, которое я несколько коротал английским языком, да студиями нашего старшего братца Василия Петр[овича] При этом последнем занятии я частенько вспоминал тебя и понимаю, почему ты возмущался, говоря о его грязных сторонах. Как я не копал эту кучу навоза, а должен всё-таки признаться, что ничего порядочного не мог открыть. До сих пор я его считал по крайней мере умным, но признаюсь, под конец я начинаю сомневаться и в этом. Часто он нас с Настей поражает своей нелогичностью и непоследовательностью мысли»* (от 25 сентября 1859 года, Лондон);
5. *«Он всё тот же возмутительно мелкий и пустой старикашка, как был прежде»* (от 20 февраля 1860 года, Париж)³⁹.

Причина отчуждения лежала в материальной зависимости Сергея, а конкретно в том, что продолжение его заграничной стажировки зависело от выплат из семейного бизнеса, которым руководил Василий Петрович⁴⁰. Прижимистость, а, возможно, купеческая расчётливость последнего вызвала гневный протест Сергея, что видно по обращению к братьям-соучредителям (Петру и Дмитрию): *«Вы оба в руках старого эгоиста (так!), издыхающего в своём собственном сухом болоте. Это он успел Вас уверить в завидном нашем положении; он имеет даже наглость в наших глазах с радостью уверять нас в том, что мы⁴¹ прекрасно и завидно обставлены»* (письмо от 8 ноября 1857 года, Берлин)⁴². Видимо, Сергею не раз приходилось требовать необходимые для продолжения европейского образования средства, что, несомненно, унижало его: *«Я не прошу прибавки, потому не имею обыкновения в таких случаях просить, но представляю Вам самим рассмотреть это дело с точки зрения не Василия Петровича, а с точки зрения общечеловеческой. Взгляните на нас, хоть однажды глазами братьев, родившихся от одного отца, воспитавшихся под одной кровлею, привыкших к тому же хлебу, как и Вы, и с одинаковыми естественными правами. Неужели Вы забыли всё это и принуждаете напомнить Вам? Нет, не верю, Вы оба молоды, т. е. ты и Митя и не могли забыть нас»* (там же)⁴³.

Сам Василий в это время вполне спокойно воспринимал Сергея: упоминания о нём редки и в основном критического характера. К примеру, он пишет, что Сергей честолюбив и увлекается *«частью юношескими, частью самолюбивыми фантазиями»* или обладает *«завистливо-враждебными инстинктами»* (письма к М. П. Боткиной-Фет от 8 декабря 1857 года, Рим и 20 марта 1860 года, Париж)⁴⁴. Это противостояние можно увидеть на из-

вестной семейной фотографии, сделанной в Москве ориентировочно в 1858 году, в период летних каникул⁴⁵. Сергей Боткин, один из младших, вальяжно занимает место в центре группы – то, на котором, полагаем, находился бы глава семьи Василий, будь он в то время в Москве⁴⁶.

Зависимое положение не позволяло Сергею открыто проявлять недовольство. Похоже, что именно присущее ему «чутьё» помогало безопасной коммуникации братьев, при взаимных претензиях, усугубляемые лидерскими и авторитарными качествами обоих. Так, письма Сергея к Василию за этот период не содержат ни капли возмущения и демонстрируют совершенно иной тон. Они показывают ту психологическую дистанцию, которая существовала в семье между Василием и младшими её членами. Любопытно будет узнать, что взрослые братья продолжали, как в детстве, обращаться к Василию на «Вы», с явно выражаемым пиететом («Милейший...», «Добрейший Василий Петрович»), с демонстративным интересом к состоянию здоровья: «Ну что Вы поделяваете, добрейший Василий Петрович, не думаете ли проехать летом за границу подышать другим климатом, попутаться в море»⁴⁷; «Хотелось бы сильно знать, как двинулось Ваше выздоровление в течение лета»⁴⁸; «Не забывайте держать меня *au courant** Вашего лечения»⁴⁹. Желание получить ответ звучало также очень тактично, с видимым почтением: «Если Вы будете так добры и в свободное время вздумаете черкнуть мне, то вот на всякий случай мой адрес»⁵⁰. В целом эта корреспонденция отличается от писем к Михаилу, с которым у Сергея были равные отношения. Благодаря семейной коллизии письма Сергея к Василию ценны интереснейшими подробностями его профессиональной жизни – того, как проходила европейская стажировка (по сути, это были отчёты о том, на что расходуются деньги).

Характерно, что уже с середины 1860-х годов, когда Сергей начинает зарабатывать своим трудом, напряжение в отношениях между братьями исчезает. Одновременно меняется и характер писем – отсутствует необходимость в объяснениях. То, что Сергей имеет призвание и успешен в медицине, Василий смог разглядеть лишь тогда, когда младший брат занял должность на кафедре ИМХА⁵¹. Пожалуй, именно в это время он начинает осознать, что вложения в образование не пропали даром: «Серёжа окончательно поступает на место Шипулинского⁵². Ура! О нём доходят отзывы отличные – он решительно считается лучшим профессором в Академии» (письмо к брату Михаилу от 3 января 1862 года, Париж)⁵³; «Известность и авторитет его в Петербурге превосходят всякое вероятие – и что замечательно – во всех кругах: его считают решительно первым доктором в Петербурге» (письмо к А. А. и М. П. Фетам и братьям Боткиным от 14/26 ноября 1863 года, Санкт-Петербург)⁵⁴.

* Фр.: в курсе.

Надо отметить, что в это время Василий начал физически сдавать и, страдая хроническим заболеванием, он проведёт последние свои годы в мучениях. Теперь уже он сам зависит от младшего брата, который почти десять лет будет осуществлять или контролировать его лечение. Отношения между ними значительно теплеют. Василий преисполнен нежной благодарности за заботу: *«В это время вернётся из Трувиля Серёжа, мне хочется побыть с ним, пока он останется в Париже»; «Милый, добрый Серёжа, – как он со мной возится»* (письма к брату Михаилу от 23 августа и 21 сентября 1868 года, Париж)⁵⁵. В свою очередь Сергей не забывает поблагодарить за внимание: *«Сигары получены и, куря их, я возсылаю (так!) Вам благодарность; они великолепны»*⁵⁶, с участием поддерживает дух уже глубокого инвалида: *«С самым горячим нетерпением ожидаю нашей встречи; до какой степени хотелось бы починить Вас, мой милейший друг Василий Петр[ович], и не смейтесь надо мной и моей верой в медицину, если я Вам скажу, что я всё-таки не теряю надежды»* (письмо к братьям В. П. и М. П. Боткиным, ориентировочно от начала июня 1869 года)⁵⁷.

Завершившаяся конфронтация показательна тем, что в ней видны и слишком самоуверенный, эмоциональный, с лидерскими качествами 30-летний Сергей, и постаревший, дряхлеющий, осторожный, сменяемый хроническими недугами 50-летний Василий. Обоим в это время стоило немалых усилий поддерживать братские отношения. В этой понятной семейной истории проявляется не только, как мы показали, наследственная черта Сергея (чутьё на ситуацию), но и ещё одна очень важная особенность его характера: византизм, склонность избегать открытого конфликта – черта, безусловно, свойственная Василию.

Известно, что «лицом к лицу лица не увидать». Молодому человеку – самоуверенному, максималисту – сложно было увидеть те душевные движения, которые совершал в его сторону старший брат. Так, не ожидал Сергей получить к своей свадьбе (1859) крупный денежный подарок (10 тысяч франков) от семейной фирмы. Именно Василий настоял сделать его в ущерб дивидендам, полагавшимся четырём братьям – хозяевам фирмы⁵⁸. Не предполагал Сергей получить и значительную долю наследства после смерти Василия – 100 тысяч рублей серебром (*«я теперь обладаю капиталом, которого нажить мне бы не пришлось»*) (из письма к брату М. П. Боткину от 14 октября 1869 года)⁵⁹. Показательно, что только смерть стала поводом оценить всю гамму свойств человеческой личности Василия и впервые отозваться о нём с благодарностью, которой он, несомненно, заслужил: *«Как вспомнишь всё-таки, сколько было хорошего в жизни этого человека и когда все примиряющая смерть заставляет забыть дурные стороны – то делается и очень, и очень больно...»* (письмо к брату М. П. Боткину от 10 октября 1869 года)⁶⁰.

Заключение

При значительной разнице в возрасте, при всех особенностях времени, когда формировались личности, сфер профессиональной деятельности единокровных братьев в их психотипах оказалось много общего. Повышенная чувствительность, вкус и жажда жизни, чутьё на людей и обстоятельства, лидерские качества, авторитарность, характерность мыслительной деятельности (аналитичность, критический взгляд и др.), безусловно, были их наследственными чертами. Они позволили Сергею с раннего детства чувствовать ценность примера старшего брата.

Образ жизни, интересы, предпочтения, социальные, общественные и политические взгляды В. П. Боткина оказались значимыми для Сергея как отправные позиции, позволившие выйти из купеческого сословия и стать представителем интеллигенции.

Показав в общих чертах свойства натур обоих братьев и непростой характер их взаимоотношений, перейдём теперь к рассмотрению того значения, какое имел пример Василия в становлении мировоззрения Сергея Боткина.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Журавский С. Г. Семья в жизни Сергея Петровича Боткина. Альманах истории медицины: неизвестные и спорные страницы» / Под ред. В. И. Бородулина, Б. С. Каганова. – Вып. 2. – М.: Династия, 2019. – С. 282–308.
- ² Б. В. <Боткин В. П.> Первый отчёт об успехах железной дороги из СПбурга в Царское Село и Павловск Ф. А. Герстнера // Молва. – 1836. – № 14. – С. 59.
- ³ Карл Фридрих Вильгельм Людвиг (1816—1895) – немецкий физиолог и педагог, основатель Физиологического института при Лейпцигском университете. Автор учебника по физиологии человека и классических трудов по иннервации кровеносных сосудов и сердца. С 1855 года профессор физиологии и зоологии в Военной медико-хирургической академии в Вене.
- ⁴ Иоганн фон Оппольцер (1808—1871) – австрийский врач, один из основателей Венской медицинской школы. С 1850 года преподавал в Венском университете, был одним из самых популярных профессоров. Занимался исследованиями бальнеологии и электротерапией. Сторонник физиологической медицины; считал, что главной задачей является излечение болезни, а не её научное изучение.
- ⁵ Людвиг Траубе (1818—1876) – немецкий медик еврейского происхождения. С 1853 года главный врач в берлинской больнице «Шарите», в 1857 году профессор при Институте Фридриха Вильгельма. Известен своим экспериментальным патофизиологическим исследованием (например, проводил эксперименты на животных в 1840-х годах в своей берлинской квартире), ввёл в медицинскую практику измерение частоты пульса, температурной кривой, дал научное обоснование терапии сердечными гликозидами.
- ⁶ Фердинанд фон Гебра (1816—1880) – австрийский врач, основатель дерматологической научной школы, один из основоположников дерматологии. В 1844 году доказал,

- что возбудителем чесотки является чесоточный клещ. Изобрёл водный матрац для профилактики пролежней. Стал известен благодаря публикации «Атласа кожных заболеваний» (1856) и учебника кожных заболеваний (1878, совместно с М. Капоши).
- 7 Фридрих Вильгельм Феликс Береншпрунг (1822—1864) – германский венеролог, изучал механизмы передачи сифилиса.
 - 8 ОР РГБ. Ф. 22. П. 5. Ед. хр. 1–8 (*Боткин С. П.* Письма к Н. А. Белоголовому, 1859 г.). Л. 1 об–2 (письмо от 2 января 1859 года, Вена).
 - 9 Клод Бернар (1813—1878) – французский физиолог, исследователь процессов внутренней секреции, основоположник эндокринологии. Одним из первых предложил использовать слепые эксперименты для обеспечения объективности научных наблюдений. Ввел термин «окружающая среда» и связанную с ним концепцию гомеостаза.
 - 10 Идиосинкразии – особенности вкуса, наклонностей, определяющие развитие болезней (понятие, ходившее в медицине в середине XIX века).
 - 11 Дизентерия – острая кишечная инфекция, проявляющаяся диареей, лихорадкой, кровью в стуле.
 - 12 ОР РГБ. Ф. 22. П. 5. Ед. хр. 1–8 (*Боткин С. П.* Письма к Н. А. Белоголовому, 1859 г.). Л. 16–16 об (письмо от 21 декабря 1859 года, Париж).
 - 13 В. Б. <Боткин В. П.> Русской в Париже (1835). Из путевых записок // Телескоп. – 1836. – № 13. – С. 231–247.
 - 14 Здесь и далее выделение жирным шрифтом наше.
 - 15 Цит по: Чешихин-Ветринский В. Е. В сороковых годах: Историко-литературные очерки и характеристики. – М.: тип. тов-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1899. – С. 132.
 - 16 ОР МЛТ. Ф. 9. Инв. ном. 60660 (*Боткин С. П.* Письмо к В. П. Боткину от 6 июня 1856 года, Вюрцбург). Л. 2.
 - 17 Рудольф Людвиг Карл Вирхов (1821—1902) – немецкий учёный и политический деятель второй половины XIX столетия, врач, патологоанатом, гистолог, физиолог, один из основоположников клеточной теории в биологии и медицине, основоположник теории клеточной патологии в медицине; был известен также как археолог, антрополог, палеонтолог и политик с демократическим взглядами.
 - 18 ОР МЛТ. Ф. 9. Инв. ном. 60661 (*Боткин С. П.* Письмо к В. П. Боткину от 8 июня 1856 года, Вюрцбург). Л. 1.
 - 19 Юнгфрау – одна из самых известных горных вершин Бернских Альп (Швейцарии) с высотой 4158 метров над уровнем моря.
 - 20 Так называл С. П. Боткин жену Анастасию.
 - 21 РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. Ед. хр. 11 (*Боткин С. П.* Письма к М. П. Боткину, 1859–1865 гг.). Л. 10–10 об (письмо от 2 июля 1859 года, Интерлакен).
 - 22 Цит. по: Чешихин-Ветринский В. Е. В сороковых годах... – С. 163.
 - 23 Отдел истории медицины Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко, Москва (ОИМ ННИИОЗ). *Боткин С. П.* Письма к Е. А. Боткиной (май–ноябрь 1877 года, Болгария). Автограф, оригинал. Письма от 12 августа, 23 августа, 26 октября 1877 года.
 - 24 *Боткин В. П.* Сочинения Василия Петровича Боткина. – Т. 3. Изд. журн. «Пантеон литературы». – СПб.: тип. Н. А. Лебедева, 1893. – С. 41.
 - 25 Жрица-прорицательница при храме Аполлона.
 - 26 *Белинский В. Г.* ПСС. – Т. 11. Письма 1829–1840. – М.: Изд. АН СССР, 1956. – С. 181–182.

- ²⁷ Сеченов И. М. Автобиографические записки. – М.: Изд. АМН СССР. 1952. С. 120.
- ²⁸ «Дороги как артерии» – метафора Василия Боткина, которая позднее (1844) будет подхвачена его другом В. Г. Белинским: *Белинский В. Г.* Петербург и Москва // Физиология Петербурга. – М.: Советская Россия, 1984. – Ч. 1. – С. 50.
- ²⁹ Перефразированная известная поговорка: «Москва – сердце, Петербург – голова, Нижний Новгород – карман России».
- ³⁰ Б. В. <Боткин В. П.> Первый отчёт об успехах железной дороги из Санкт-Петербурга в Царское Село и Павловск Ф. А. Герстнера // Молва. – 1836. – № 14. – С. 59.
- ³¹ Цит. по: *Арсеньев Д. С.* Из воспоминаний генерал-адъютанта, адмирала Д. С. Арсеньева 1876–1878 гг. // Русский архив. – 1911. – Т. 12. – С. 580. Напомним, что ещё в 1862 году молодой С. П. Боткин впервые заявил о себе в ИМХА, отвергая такое «методическое обеспечение» диагностики, противопоставляя способы эмпирической и научной медицины [*Скориченко Г. Г.* Императорская военно-медицинская (медики-хирургическая) академия. Исторический очерк. Столетие военного министерства. – СПб.: М. О. Вольф, 1902. – Т. 9. – Ч. 2. – С. 58].
- ³² ОИМ ННИИОЗ. *Боткин С. П.* Письма к Е. А. Боткиной (май–ноябрь 1877 года, Болгария). Автограф. Письма от 12 августа, 23 августа, 26 октября 1877 года.
- ³³ РО ИРЛИ. Д. 9029 (*Боткин В. П.* Письма к Д. П. Боткину, 1855–1867 гг.). Л. 46, 57 об, 79 об.
- ³⁴ ОР МЛТ. Ф. 9. Инв. ном. 60660 (*Боткин С. П.* Письмо к В. П. Боткину от 6 июня 1856 года, Вюрцбург). Л. 1 об.
- ³⁵ Цит по.: Чешихин-Ветринский В. Е. В сороковых годах ... – С. 145.
- ³⁶ ОР МЛТ. Ф. 9. Инв. ном. 60660 (*Боткин С. П.* Письмо к В. П. Боткину от 6 июня 1856 года, Вюрцбург). Л. 4–4 об.
- ³⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 351 (*Боткин С. П.* Письма к Н. К. Боткиной, 1868–1893 гг.). Л. 11 об.
- ³⁸ *Журавский С. Г.* Семья в жизни Сергея Петровича Боткина ... – С. 304.
- ³⁹ РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. № 11 (*Боткин С. П.* Письма к М. П. Боткину, 1859–1865 гг.). Л. 24, 25–25 об, 22–22 об, 29 об, 55–55 об.
- ⁴⁰ Отец завещал управление фирмой двум сыновьям от первого брака и двум от второго: Василию и Николаю, Дмитрию и Петру. Остальным детям полагались суммы от 2 до 20 тысяч рублей серебром. Из-за значительности средств и большого количества наследников (Александра, Иван, Варвара, Павел, Екатерина, Мария, Сергей, Анна, Владимир, Михаил) выплаты осуществлялись не одним разом, а в виде процента с ежегодной прибыли фирмы в течение нескольких лет. Сергей по завещанию отца получил 20 тысяч рублей серебром [ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 1. Л. 12–12 об.]. Нам кажется, что именно Василий решал, каковы будут ежегодные выплаты каждому по завещанию.
- ⁴¹ Возможно, что здесь Сергей Боткин говорит от своего имени и Михаила.
- ⁴² ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 187 (*Боткин С. П.* Письма и телеграммы к П. П. Боткину семейно-бытового характера, 1855–1880 гг.). Л. 23.
- ⁴³ ОПИ ГИМ. Ф. 122 (Боткины-Гучковы). Ед. 187 (Письма и телеграммы С. П. Боткина к П. П. Боткину семейно-бытового характера, 1855–1880 гг.). Л. 23–23 об. (письмо от 8 ноября 1857 года, Берлин).
- ⁴⁴ А. А. Фет и его литературное окружение / Отв. Ред. Т. Г. Динесман. Литературное наследство. Т. 103. М.: ИМЛИ РАН, 2008. – Кн. 1. – С. 233, 288.

- ⁴⁵ Фотография опубликована: *Егоров Б. Ф.* Боткины. Преданья русского семейства. СПб.: Наука, 2004. – С. 192; *Журавский С. Г.* Семья в жизни Сергея Петровича Боткина... – С. 290.
- ⁴⁶ В. П. Боткин в это время был в путешествии по Европе [*Егоров Б. Ф.* Боткины... – С. 21–22].
- ⁴⁷ ОР МЛТ. Ф. 9. Инв. ном. 60662 (*Боткин С. П.* Письмо к В. П. Боткину от 9 марта 1859 года, Вена). Л. 1 об.
- ⁴⁸ ОР МЛТ. Ф. 9. Инв. ном. 60663 (*Боткин С. П.* Письмо к В. П. Боткину от 5 сентября 1861 года, С.-Петербург). Л. 1 об.
- ⁴⁹ ОР МЛТ. Ф. 9. Инв. ном. 60680 (*Боткин С. П.* Письмо к В. П. Боткину, б.д. ориентировочно апрель-май 1868 года, Монтре). Л. 2 об.
- ⁵⁰ ОР МЛТ. Ф. 9. Инв. ном. 60661 (*Боткин С. П.* Письмо к В. П. Боткину от 8 июня 1856 года, Вюрцбург). Л. 5.
- ⁵¹ Так же с опозданием, как призвание Сергея, Василий разглядел и талант к живописи у Михаила – лишь к моменту его поступления в Академию художеств: «*Миша завтра уезжает в С.-Петербург в Академию. У него, по моему мнению, есть положительная способность к живописи, и вообще он малый дельный*» (письмо к Д. П. Боткину от 3 октября 1855 года) [РО ИРЛИ. Д. 9029 (*Боткин В. П.* Письма к Д. П. Боткину, 1855–1862 гг.). Л. 9 об.].
- ⁵² Предшественник С. П. Боткина, профессор кафедры в академической терапевтической клинике ИМХА, место которого занял С. П. Боткин.
- ⁵³ РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. № 9 (*Боткин В. П.* Письма к М. П. Боткину, 1859–1868 гг.). Л. 41 об.
- ⁵⁴ А. А. Фет и его литературное окружение... – С. 359.
- ⁵⁵ РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. № 9 (*Боткин В. П.* Письма к М. П. Боткину, 1859–1868 гг.). Л. 101 об, 115 об.
- ⁵⁶ ОР МЛТ. Ф. 9. Инв. ном. 60680 (*Боткин С. П.* Письмо к В. П. Боткину, б.д. ориентировочно апрель-май 1868 года, Монтре). Л. 2 об.
- ⁵⁷ ОР МЛТ. Ф. 9. Инв. ном. 60683 (*Боткин С. П.* Письмо к В. П. и М. П. Боткиным, б.д. ориентировочно начало июня 1869 года, Карлсбад). Л. 2 об.
- ⁵⁸ Брат Николай, один из соучредителей фирмы, эгоистичный и слывший скопидомом, открыто выражал недовольство, поскольку это сократило его собственные дивиденды в семейной фирме (письмо В. П. Боткина к М. П. Фет-Шеншиной от 4 июня 1859 года Кунцово). А. А. Фет и его литературное окружение... – С. 77.
- ⁵⁹ РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. № 12 (*Боткин С. П.* Письма к М. П. Боткину, 1866–1874 гг.). Л. 27 об. Напомним, что по завещанию отца 15 лет ранее, в 1855 году, Сергей получил 20 тысяч рублей серебром.
- ⁶⁰ РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. № 12 (*Боткин С. П.* Письма к М. П. Боткину, 1866–1874 гг.). Л. 35–35 об.

С. Г. ЖУРАВСКИЙ

*(ФГБОУ ВО «Первый Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет имени академика И. П. Павлова»
Министерства здравоохранения Российской Федерации)*

ПРИМЕР В. П. БОТКИНА В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ МЛАДШЕГО БРАТА СЕРГЕЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ ЧЛЕНОВ СЕМЬИ БОТКИНЫХ)

Аннотация. Раскрыта роль, которую сыграл старший брат Василий в процессе становления личности С. П. Боткина – профессиональной, социально-политической и интимной сторон его мировоззрения. Генетическая общность братьев, атмосфера одного дома, наглядный пример В. П. Боткина в совместимости достижения материального достатка и самосовершенствования в гуманитарной сфере, расширение кругозора за счёт путешествий притягивали внимание взрослеющего Сергея к жизненной позиции старшего брата.

Ключевые слова. С. П. Боткин, В. П. Боткин, преемственность взглядов.

S. G. ZHURAVSKIY

*(Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Academician I. P. Pavlov First St. Petersburg State Medical University»
of the Ministry of Healthcare of Russian Federation, St. Petersburg)*

INFLUENCE OF V. P. BOTKIN ON FORMATION OF HIS YOUNGER BROTHER SERGEY'S PERSONALITY (BASED ON MATERIALS OF THE BOTKIN FAMILY MEMBERS' CORRESPONDENCE)

Abstract. The relationship between the Botkin brothers and the way Vasily Botkin impacted on the development of his younger brother's intimate, professional and socio-political outlook, are revealed. Sergey's lifestyle was molded by the similarity of the brothers, their home atmosphere, by Vasily's wealth and career, and by the outlook Vasily gained through travelling. The aspiration for education, the ability to maintain friendship, caring of his family, and guardianship are those characteristics of Vasily that were attractive to Sergey and unwittingly adopted by him from his elder brother.

Keywords. S. P. Botkin, V. P. Botkin, the adoption of views.

Не только собственный природный талант, но и среда, окружение необходимы для развития человека. История полна реальных примеров краугольного нравственного влияния старших братьев на определение приоритетов, жизненных целей, формирование мировоззрения младших (Василий Великий и Григорий Нисский, Николай и Лев Толстые, Михаил и Фёдор Достоевские, Александр и Антон Чеховы, Александр и Владимир Ульяновы, Юлий и Иван Бунины, Валентин и Евгений Катаевы, Аркадий и Борис Стругацкие). Хорошо представляя масштаб сделанного С. П. Боткиным за всю профессиональную жизнь, невозможно не задуматься о внешнем влиянии на становление его личности – о том, кто способствовал формированию его мировоззрения.

По сообщению Н.А. Белоголового, более сорока лет дружившего с С. П. Боткиным, в большой семье Боткиных главную роль в получении младшим поколением образования сыграл первый сын П. К. Боткина – Василий (1811—1869)¹. Это подтверждается воспоминаниями и письмами современников, знавших семью (В. Г. Белинского, А. А. Фета, Д. В. Григоровича)². Занимаясь по воле отца семейным торговым делом, В. П. Боткин имел «странные» для представителя купеческого сословия жизненные притязания: стремился получить гуманитарные знания, формально не требующиеся для ведения торгового дела. Его дилетантский самообразовательный проект привёл к выдающимся достижениям: профессиональной литературской деятельности (литературная и журналистская критика, очерки, путевые заметки), владению западноевропейскими языками, знанию классической поэзии, истории, изящных искусств – живописи, архитектуры и музыки.

Дети, появившиеся во втором браке Петра Кононовича Боткина, были на 16–28 лет младше Василия. После смерти их матери (1841 год) Василий Петрович взял на себя заботу об их воспитании. Сергею Боткину в это время было 9 лет. К новым обязанностям Василий Боткин отнёсся с увлечением и серьёзностью. *«Он пользовался в семье не только правами старшего, – вспоминал писатель Григорович, – но и руководителя в воспитании остальных членов семейства. Вся семья была ему действительно многим обязана. Умный, с тонким развитым вкусом, много учившийся, много переживший в кругу образованных и талантливых людей, как Герцен, Грановский, Станкевич, Корш и др. он много способствовал развитию братьев, заставляя их учиться, направляя в разные учебные заведения»*³. Благодаря этому участию младшие, в том числе Сергей, получили начальное образование в пансионах, что дало возможность продолжить обучение и получить профессию.

*«Ныне настало время, когда средний промышленный класс, перестав быть разносчиком и торгашом, начинает получать общественное значение»*⁴, – старший брат с такими нетипичными для купеческого сословия и новаторскими представлениями не мог не привлекать внимания еди-

нокровных братьев и сестёр, особенно в годы их взросления с присущим этому периоду духом противоречия. Младшие видели в нём наставника, уважали и даже трепетали перед ним.

В. П. Боткин попадал в поле зрения исследователей как литератор, критик, социалист-утопист, но в роли главы семьи, наставника для младших очевидно был обойдён вниманием. Как знать, не будь этого участия, появились ли бы знаменитые коллекции живописи Дмитрия Петровича Боткина в Москве, обширное собрание произведений искусства Михаила Петровича Боткина в Санкт-Петербурге, поэтические шедевры Афанасия Фета (он был женат на младшей сестре Василия – Марии Боткиной) и, наконец, русский врач, родоначальник школы отечественной научной медицины, реформатор общественного здравоохранения... Каждый в доме осознавал значение сделанного старшим братом: он *«внёс свет цивилизации в целую семью»*, *«дал второе рождение»*⁵.

Бесспорно, высоты гуманитарного саморазвития Василия делали его позицию в семье авторитетной и привлекательной, в том числе и для Сергея. Ранее мы коснулись роли В. П. Боткина в получении начального образования Сергея, в установке его профессиональных приоритетов, культурного роста, становлении неординарной для середины XIX века семейной модели⁶. В настоящем сборнике мы уже показали общие черты характера обоих братьев, что делает более понятным влияние сформированной личности Василия на взрослеющего Сергея.

Цель данного очерка – показать, как пример старшего брата Василия формировал общественную позицию и мировоззрение С. П. Боткина, его профессиональные, социальные, политические взгляды, отношение к монархии.

Мы располагаем единичными письмами В. П. Боткина к Сергею Боткину, которые писались, главным образом, с целью получить врачебный совет. Среди них нет ни одного «педагогического», наставительного, рекомендующего фрагмента⁷. Сохранился неполный комплект писем Сергея к Василию, относящихся к концу 1850-х и 1860-м годам⁸. Вместе с тем, до нас дошла весьма информативная переписка Василия с другими братьями и сестрой Марией. С ними была особая близость по причине участия в семейном бизнесе (с Дмитрием), общих интересов в области искусства (с Михаилом и Дмитрием), литературной деятельности зятя (А. А. Фета). Тематически многогранная публицистика В. П. Боткина⁹ даёт представление о его мировоззрении¹⁰: восхищение современной наукой (немецкой философией, политэкономией, естествознанием), интерес к авангарду европейской культуры – образованию, литературе, музыке, живописи Англии, Германии, Франции, Италии. Эти материалы позволяют проследить влияние Василия на формирование взглядов подростка, студента-медика, молодого и зрелого врача С. П. Боткина.

После того как мы представили в общих чертах непростой характер взаимоотношений старшего и младшего братьев, перейдём к обсуждению того значения, которое имел пример Василия для формирования мировоззрения С. П. Боткина. С этой целью мы рассмотрим и сравним интимные, общественные, профессиональные и политические взгляды обоих.

Василий имел некий психологический «выверт» – не был по своему внутреннему складу создан для семейной жизни, однако помогать и устраивать судьбы близких было для него естественной потребностью. В обширной переписке с друзьями в 1850-е годы Василий Петрович практически ничего не сообщает о своём домашнем «педагогическом проекте». Это говорит о том, что он не мог и предположить, что, получив образование, братья смогут шагнуть столь далеко. Единственно разрешённую правительством профессию врача¹¹ Василий воспринимал без энтузиазма. Для критика и эстета было очевидным, что медицинская наука 1840–1850-х годов «содержала в себе очень мало культурного»¹²: «О доктора! О доктиссимусы! О рутина! О невежество! Прибавь ещё 1000 разных О – и всё-таки это не выразит моего изумления от их невежества – а главное невнимания» (письмо к Н. А. Некрасову от 3 сентября 1855 года, Москва)¹³ – негодовал Василий по поводу провала в диагностике у долгоболевшего друга, Н. А. Некрасова¹⁴.

Несмотря на то, что Василий не видел перспектив для медицины в России, он по-отечески поддержал начинание, в результате которого Сергей Боткин осенью 1855 года отправился на Крымскую войну. В переписке с Н. А. Некрасовым мы находим примечательное указание, сделанное, правда, в контексте упоминания именитых вдохновителей предприятия, а вовсе не младшего брата, специальность которого даже приходится уточнять: «Брат Сергей (медик) завтра отправляется в Севастополь. Он будет состоять **при Пирогове и в ведении е.и.в. Елены Павловны**, у которой он сегодня был. **Она посылает с ним суммы для раздачи сёстрам милосердия.** Никаких пустых формальностей; всё делается прямо, с достоинством. Он едет по своей воле; **по предложению Пирогова**». Василий специально поясняет своему корреспонденту про брата, поскольку тот только что выпустился из Московского университета и ещё никому не известен: «Сергей малый дельный – и вполне оправдывает доверенность, которую оказывают ему» (письмо от 4 сентября 1855 года, Москва)¹⁵.

Миссия, с которой Сергей Боткин отправился в Крым, заключалась не только в оказании медицинской помощи (как представляется в главных биографических работах о Боткине)¹⁶, но и в доставке денег общине сестёр милосердия: «Мне предстоит оказия ехать в Севастополь. Пирогов, который туда уже отправился <...>, дал мне письмо к Её Высочеству

Елене Павловне, на счёт которой я и поеду на три месяца, на условиях весьма выгодных не только в моих глазах, но и в других» (письмо к брату Петру от 26 августа 1855 года, Москва)¹⁷. Сомнительно, что Пирогов согласился бы доверить задачу экспедитора 23-летнему выпускнику университета. Мы полагаем, что имя В. П. Боткина и его знакомство с Н. И. Пироговым могло способствовать этому (Василий и Н. И. Пирогов были ровесниками и в одно время (важно!) получали начальное образование в пансионе Кряжева; у них и спустя 30 лет могли сохраниться приятельские отношения)¹⁸.

В решении С. П. Боткина продолжить образование, в выборе его последипломной стратегии явно прослеживается влияние примера брата Василия. Если за обучение Сергея в университете платил отец, то финансирование 4-летнего европейского вояжа шло уже из собственных средств молодого медика. Любопытно отметить, что Сергей решает тратить отцовское наследство на продолжение учёбы, когда у молодых людей, по наблюдению Василия Петровича, это было не в моде: *«К сожалению, надобно признать, что в последние 3 или 4 года, студенты весьма мало обращали внимание на учение. Разного рода крайние доктрины вскружили им голову; одним словом, прежняя апатия заменилась лихорадочною раздражительностью, большая часть находилась под влиянием мнений Чернышевского и Добролюбова...»* (письмо брату Михаилу от 7 ноября 1861 года, Париж)¹⁹; *«Я уже не говорю о тех крайних, революционных тенденциях, которые охватили молодёжь, и у которой это дело моды и желания как можно более быть передовыми, не разбирая того, осуществимо ли то, о чём они мечтают. При этом ни малейших политических познаний, ни знания России»* (из письма Михаилу от 12 сентября 1862 года, Берлин)²⁰. Не под влиянием ли отношения брата Василия к достижениям европейской науки и из-за отсутствия у того доверия к отсталой отечественной медицине возникло это решение Сергея Петровича столь «некупеческим» образом потратить свой первый капитал?

Примером Василия следует объяснять и модель заключения брака Сергея. В купеческом сословии удел повзрослевшего сына – выгодно жениться. Колоритно и едко описывает это В. Г. Белинский: *«Первое задушевное желание отца состоит в том, чтобы поскорее женить своего сына на каком-нибудь размалёванном белилами, румянами и сурьмой болване с чёрными зубами и хорошим, соответственно состоянию семьи жениха, приданым»*²¹. Отсюда одобрение главой дома выгодного замужества сестры Марии, ставшей женой бывшего офицера, помещика А. А. Шеншина (Фета), который пожелал своё состояние соединить с капиталом семейной фирмы, женитьбы брата Дмитрия на невесте из купеческой семьи с солидным приданым. Однако сам Василий, будучи богат и одновременно эстетически «сложен», отдавался в этом вопросе чув-

ственному восприятию и отнюдь не «по-купечески» попытался связать себя узами брака с французской модисткой Арманс Рульяр. *«Одно, чем ты должен руководствоваться, – это симпатия и внутреннее чувство. Если эта симпатия и внутреннее чувство говорят в пользу девушки, тогда благословясь, прими решение и скажи себе: ну, жребий брошен; счастье или несчастье – находятся в руках судьбы – я решился жениться...»* (письмо брату Дмитрию от 29 мая 1858 года, Лондон)²², – таков критерий Василия в устройстве личной жизни, который он раскрывает младшему брату²³.

Именно эту новаторскую стратегию подхватывает и использует Сергей. Строить семью не разумом, а по своему чувству он будет дважды. Как Василий женился в 33 года тайно, основываясь исключительно на собственных эмоциях, без позволения отца, так и Сергей Боткин сначала в 26 лет, а затем в 44 года иррационально подходит к своему браку (родителей уже не было в живых). В первый раз родственники, сторонники «патриархальной семейственности»²⁴, ставятся перед единолично принятым решением, получают успокаивающие заверения, что *«больше брака по рассудку, кажется и вообразить нельзя»*²⁵ и явно формальные извинения за «нефамильную партию»²⁶. Для характеристики реалиста С. П. Боткина значимо его прагматичное объяснение с будущей невестой: *«Если я буду удостоен Вашим согласием, то, конечно, первым бы моим желанием было приехать в Россию, но я теперь нахожусь в таких обстоятельствах, что об этом невозможно и думать, не портя своей карьеры»* (письмо к А. А. Крыловой от 4 января 1859 года, Вена)²⁷.

Если первый брак С. П. Боткина с Анастасией Крыловой, заключённый в 1859 году, оказался гибридом эмоционального решения («по Василию») и разумного подхода, то его вторая женитьба на Екатерине Мордвиновой (урождённой княжне Оболенской) стала плодом исключительно чувственного выбора. В начале 1870-х годов, когда его первая жена медленно угасала, в жизни 40-летнего Сергея Петровича появилась другая женщина. Это была страстная любовь уже зрелого мужчины, занимавшего высокую придворную должность, и молодой, здоровой, холеричной, строптивой аристократки, отвергнутой обществом из-за её анархических взглядов и скандальной семейной истории²⁸. Неприятие этого союза высшим обществом демонстрирует фраза императора Александра III, сказанная, впрочем, уже после смерти Сергея Петровича: *«Зачем [Сергей] Петрович женился на ней?»* (письмо М. П. Боткина П. П. Боткину от 18 июля 1890 года, Мустаямки)²⁹. И в этот раз, спустя 20 лет после первого брака, Сергей Петрович вынужден объясняться и утверждать своё право на личный выбор: *«Люди обыкновенно забывают, что человек женится для себя, а не для них, и потому считают себя в праве смотреть на брак другого со своей собственной точки зрения»* (письмо к брату Михаилу от 29 марта 1876 года, Санкт-Петербург)³⁰. Этот брак, заключённый в 1876 году, пол-

ностью соответствовал представлениям Василия, что жениться надо «руководствуясь симпатией и внутренним чувством».

Если в 1840-е годы Василий оказался гарантом получения образования для братьев и сестёр, то позже он выступил их покровителем в свете. Известно, что при его участии были заключены браки сестёр – Анны с профессором университета П. Л. Пикулиным, Марии с А. А. Шеншиным (Фетом), состоялось знакомство Михаила с его будущим учителем – академиком живописи А. А. Ивановым. Дмитрий тоже прошёл свои «университеты жизни» при наставничестве Василия (от бесконечных рекомендаций по ведению коммерции до лечения «мужских» болезней и выбора невесты³¹).

Известно, что уже в первые годы появления в Санкт-Петербурге – абсолютно чужом для Сергея Боткина городе – у него стремительно образовалась завидная врачебная практика как среди простого населения, так и среди столичной аристократии и интеллигенции. Этому взлёту популярности молодой, амбициозный, получивший европейское образование, но совершенно неизвестный врач был в значительной степени обязан своему клиническому таланту и трудолюбию, а также тому ценностному ориентиру к естественным наукам, который установился в это время в обществе. Однако мы полагаем, что вызвать доверие к новому доктору существенно помогали имя и поддержка старшего брата. В монархической стране непотизм пронизывал все сословия. Без протекции, представления было невозможно продвигаться на государственной службе. Литература того времени – от художественной в жанре реализма до мемуарной и эпистолярной – доказывает, что в условиях этой специфики русского менталитета без стороннего участия молодой врач Сергей Боткин не смог бы сделать столь быстрой карьеры:

1. «...служащие **чужие очень редки**, всё больше сестрины, свояченицы детки», – деловая оценка управляющего «в казённом месте», данная Павлом Афанасьевичем Фамусовым, персонажем комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824);
2. «В России <...> **протекция даёт право на всё**. <...> Признаюсь, и я подумал, что человек, который так в себе уверен, не испортит дела, и **старался его сблизить с попечителем**, даже хлопотал, чтобы его сделали экстраординарным профессором», – запись из дневников цензора А. В. Никитенко от 21 января 1835 года³²;
3. «**Протекция сделалась основным критическим мотивом**, направляющим оценку лиц и произведений. Протекция раздавала места так же точно в литературе, как и в администрации: она производила в чины и звания талантов <...> и даже несколько раз жаловала просто в гении...», – из воспоминаний мемуариста П. В. Анненкова о ситуации в литературе в конце 1840-х годов³³;

4. *«Важнее всего было то, что он был человек с сильной протекцией»*, – деловая характеристика генерала Епанчина, персонажа романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (1868).

Герои «Обыкновенной истории», «Подростка», «Села Степанчиков», «Бесов», «Воскресения», «Острова Сахалин» и ещё многих других произведений занимают должности на службе исключительно благодаря родственным связям и протекции. Заметим, что и гениальный хирург Н. И. Пирогов, и известный терапевт Э. Э. Эйхвальд достигли карьерных высот благодаря покровительству великой княгини Елены Павловны.

Полагаем, что для молодого врача Сергея Боткина имя старшего брата открыло двери многих столичных домов и салонов. Ряд его известных пациентов и их родственники ранее были ближайшими друзьями и добрыми знакомыми Василия Боткина: революционер и публицист А. И. Герцен, художник А. А. Иванов, поэт Н. А. Некрасов, писатели И. С. Тургенев, А. И. Гончаров, издатель А. А. Краевский, историк К. Д. Кавелин, жена и тетка Л. Н. Толстого. Хорошо знал Василий Петрович (состоял в личной переписке) и братьев Милютиных. Молодой Сергей Боткин консультирует в последние годы жизни Николая Милютина, одного из разработчиков крестьянской реформы 1861 года. Посредством этого возникло знакомство с семьёй Д. А. Милютина, будущего военного министра, с братьями Абаза (один из них в будущем станет главным уполномоченным Красного Креста, другой – министром финансов). Вместе с тем возможно и то, что «наследством» брата окажется и ряд последующих конфликтов С. П. Боткина. Не с этой ли точки зрения надо рассматривать непримиримые отношения С. П. Боткина с издателем, публицистом М. Н. Катковым, князем В. А. Черкасским, писателем В. А. Соллогубом?

Если обратить внимание на стиль жизни семьи С. П. Боткина в 1860-е – 1880-е годы, то и в нём обнаруживаются «образ и подобие» частной жизни молодого Василия. В 1840-е годы Василий, располагая собственными деньгами и территорией (флигелем отцовского дома на Маросейке), имея хлебосольный характер, устраивал встречи молодых, дерзких, образованных москвичей, людей передовых для своего времени и одновременно часто стеснённых в средствах. Подростающий Серёжа был свидетелем жизни этого общества. В его детской и юношеской памяти должно было сохраниться, как за вечерним столом собирались для философских бесед, литературных споров, домашнего музицирования молодые московские интеллектуалы: *«кутили от души», «весело ... мечтая о лучшем будущем, беспечно, <...> с искренним душевным поиском, религиозной мечтательностью, поиском истины, романтическими фантазиями о женщине, идеальной дружбе, с излияниями о самоотречении, жадно собирая анекдоты, слухи и рассказы»*³⁴. За дружеской трапезой с вином «слушали песни Шу-

берта» и поглощали «индейку с трюфелями»: «Мы не были монахи, мы жили во все стороны», – позднее вспоминал вечера своей бурной молодости А. И. Герцен³⁵, близко общавшийся с В. П. Боткиным в те годы.

Учась на 4-ом курсе (1854) и ещё живя с братом под одной крышей, Сергей в подражание ему «надумал устраивать у себя по субботам вечеринки, на которые сходились человек 6–8 студентов»³⁶. Собирались так же во флигеле отцовского дома (видимо, на территории, которую предоставлял Василий). «Мы собирались к 9 часам вечера, усаживались вокруг стола, сначала пили чинно чай, передавали друг другу новости за неделю, критиковали профессоров и пр. <...> После чаю начиналось тут же на столе приготовление в кастрюле очень вкусного глинтвейна, из красного вина с разными пряностями, наливались стаканы. <...> Распевали [песни] мы таким образом с большим одушевлением, вперемежку болтая и остроумничая, большую часть до часу ночи и затем расходились по домам, никогда не пьяные, а лишь в небольшом весёлом возбуждении от выпитых 2–3 стаканов горячего напитка»³⁷. Уже живя в Европе, Сергей также сохраняет традицию вечеров с ближайшими друзьями и интересными коллегами: «Боткин <...> задал крошечный обедик <...>; обеды нас пятеро: Гоппе³⁸, Реклинкгаузен³⁹, Граф Маколей⁴⁰, Боткин и я. Первые двое суть адъюнкты профессора Фиргофа и громкие имена в германской медицине, особенно Гоппе, доктор Маколей, родственник дальний старику Маколею, воспитывавшийся в Дерптском Университете и теперь уже три года занимающийся за границей. Обед был на славу, вина великолепные и даже было выпито 4 бутылки шампанского (что в Пруссии составляет большую редкость), поэтому весьма натурально, что мы немножко и подгуляли, как следует немецким гелейтерам; <...> мы решительно не заметили, как просидели за столом 7 часов, т. е. от 3–10 вечера, и если бы через час не отправлялся поезд железной дороги в Вену, то мы бы, вероятно, пробеседовали за полночь»⁴¹.

Весёлый досуг семьи С. П. Боткина был хорошо известен всему интеллигентскому Петербургу. Именно московский широкий («васильевский») её стиль с ежевечерними визитами близких друзей (Н. А. Белоголового, А. Ф. Мерчинского, В. А. Крылова), с субботними журфиксами единомышленников до глубокой ночи, ресторанными ужинами «гастрономического общества» – узкой компании любителей обильно и вкусно поесть, не характерный для интеллектуалов столицы, притягивал в холодном, прагматичном, рациональном Петербурге к его дому. Как некогда гостями Василия Петровича были критик, литератор В. Г. Белинский, общественный деятель А. И. Герцен, профессор истории Т. Н. Грановский, поэт А. А. Фет, врачи П. Л. Пикулин, Н. Х. Кетчер, так и на «субботах» Сергея Петровича перебивала вся творческая, научная и общественная элита Петербурга: врачи Н. А. Белоголовый, И. М. Сеченов, В. Л. Грубер, В. В. Сутугин, химик Д. И. Менделеев, зоолог и писатель Н. П. Вагнер, инженер

и композитор Ц. Кюи, писатели И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, поэты Н. А. Некрасов, А. А. Фет, композиторы, музыканты А. Рубинштейн, А. П. Бородин, М. А. Балакирев, певица Е. А. Лавровская, артисты И. Ф. Горбунов, П. А. Стрепетова, юрист А. М. Унковский, депутат городской думы В. И. Лихачёв и другие. На вечерах иной раз собиралось до 17 человек. Образ хозяина дома, кажется, очень ёмко представляет подмеченный Белинским типаж москвича: «истинный афинянин, только на русско-московский лад»⁴². Радужие, мягкость общения с друзьями, лёгкость отвлечения от угнетающих мыслей, интерес к жизни, хлебосольность, тёплая семейная атмосфера, любовь к комфорту – эти московские личные качества⁴³ оказались тем главным фактором, который помогал складываться кружку единомышленников со схожими культурными интересами, общественной позицией, политическими взглядами, как в профессиональной, так и в частной жизни.

В Петербурге, *«русском городе, наполовину наполненном немцами и преисполненном иноземными обычаями»*⁴⁴, дом С. П. Боткина практически на три десятилетия стал одним из центров национального духа⁴⁵. Этот неформальный социум людей, живущих интеллектуальным трудом, появившийся по лекалам московской жизни молодого Василия Боткина, формировал прообраз уже последующих, в том числе современных, межпрофессиональных интеллигентских сообществ. Надо сказать, что Сергей Боткин переносил своё гостеприимство и в профессиональную среду – организовывал совместные чаепития в клинике с молодыми врачами и ближайшими учениками, стол для которых (чай, сахар, простая выпечка) обеспечивал за счёт собственных средств. Похоже, что всем знакомая сегодня повседневная жизнь ординаторских российских больниц – давняя традиция, заведённая в клинике С. П. Боткина, прообраз которой был заложен хлебосольным и дружелюбным Василием Петровичем.

В. П. Боткин был плодovit на оригинальные, яркие литературные идеи. К его критическому мнению прислушивались и порой на его основе дорабатывали свои произведения В. Г. Белинский, А. В. Кольцов, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, А. А. Фет, А. К. Толстой, Л. Н. Толстой. В своё время И. С. Тургенев заключал: *«он бесценный товарищ и советчик»* (письмо Л. Н. Толстому от 8 апреля 1858 года, Вена) или *«Боткин (В. П.) хороший судья <...> Если он похвалил – знак хороший»* (письмо Я. П. Полонскому от 31 марта/12 апреля 1868 года, Баден)⁴⁶. Понятно, почему его суждения становились авторитетным мнением для близких, бывших дилетантами в этих вопросах. Судя по семейным письмам, Василий до конца своих дней охотно делился своим мнением с родными.

Известно, что С. П. Боткин мало читал художественной литературы, поскольку, как отмечал Н. А. Белоголовый, не имел свободного времени⁴⁷.

Поэтому, особенно обращает на себя внимание то, что редкие немедицинские произведения, прочитанные С. П. Боткиным, ранее отмечались Василием. Так, в болгарских письмах 45-летний Сергей Петрович, рассказывая о похоронах юного офицера, вспоминает о давнем стихотворении Некрасова: *«Государь и, конечно, вся свита вышли из-за стола и отправились в церковь, где простояли всю церемонию отпевания и опустили в землю молодого юношу, оставившего в Петербурге свою семью, отца и мать, которым долго придётся оплакивать их ребенка: время плохо заживает эти раны. Всегда вспоминаю при этом стихотворение Некрасова по поводу севастопольских смертей!»* (письмо от 22 июня 1877 года)⁴⁸. С учётом социального контекста письма не трудно определить, что на память С. П. Боткину пришли некрасовские строки из «Внимая ужасам войны...» (1855–1856):

...Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы –
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

За 20 лет до того Василий в переписке с братом Дмитрием (письмо от 15 марта 1856 года, Москва) говорит о нём же: *«Вот тебе одно из последних стихотворений Некрасова, оно мне очень нравится»*⁴⁹, – и переписывает его целиком⁵⁰.

Обнаружено ещё одно пересечение в литературных вкусах братьев. Однажды Василий на просьбу брата Михаила указать начинающему живописцу публикации по русской истории специально выделил труды Н. И. Костомарова: *«Я могу тебе сказать, что в эти годы не выходило ничего особенно замечательного по исторической части, исключая статей Костомарова о Степане Разине и Богдане Хмельницком»* (письмо от 12 сентября 1862 года, Берлин)⁵¹. Сам Сергей в те же годы с восхищением сообщает Михаилу: *«Начинаем читать вслух Костомарова, которым я наслаждаюсь в буквальном смысле этого слова; для художника⁵² в этой книге представляется неиспорченный⁵³ (так!) источник прелестнейших сюжетов для картин. Написано прекрасно, без педантической сухости; русский характер [от] таких историй становится понятным гораздо больше. Вчера прочли о казачестве, о его развитии»*⁵⁴.

Полагаем, что эти совпадения (при столь редком совместном упоминании литературных произведений) не могут быть случайными. Вероятно, замечая литературную удачу, Василий не мог удержаться от её анонсирования среди родственников. Не раз в переписке между братьями встречается просьба передать письмо близким для прочтения. (К письмам раньше относились бережно, придавая им не только информационное, но и нравственное, воспитательное, образовательное значение). Очевидно, что младшие Боткины могли знакомиться с мнением Василия и таким опосредованным (эпистолярным) способом. Полагаем, что мало читавший С. П. Боткин до последних дней жизни старшего брата знакомился с литературой по его подсказкам, как и в раннем детстве, когда получил из его рук первую самостоятельно прочитанную книгу американского писателя Ф. Купера⁵⁵.

Хорошо известна тяга С. П. Боткина к преподаванию, его обширная педагогическая деятельность на кафедре, в клинике, в амбулаторном отделении для приходящих больных, в общине Святого Георгия. Для отца, П. К. Боткина, и старших детей целенаправленная педагогическая деятельность была несвойственным родом занятия. Именно Василий первым в семье почти два десятилетия (в 1840-х – 1850-х годах) ставил перед собой «педагогические» задачи – привить младшим интерес к образованию и обеспечить возможность его получения. Вероятно, здесь корни стремления С. П. Боткина к наставничеству: профессорская деятельность, организаторские, граничащие с отеческими, старания обустроить эффективный образовательный процесс.

Можно представить себе эмоциональное состояние полного сил, жаждущего реального дела молодого человека, впитавшего вкус старшего брата к просвещению, от знакомства с европейской наукой. Сергей Боткин вернулся из Европы с теорией Вирхова в голове, термометром и микроскопом в руках и с жадой делиться своими знаниями. Интерес к преподаванию медицины был вызван восторгом от того, как это происходило в европейских университетах – от доказательных, насыщенных клиническими примерами и демонстрациями больных лекций профессоров, потрясающих условий для работы в экспериментальных физиологических и химических лабораториях, о которых российские студенты и не слышали. Со временем желание переросло в стремление быть наставником для молодых докторов:

1. 1860 год: «Теперешней работой я, впрочем, не скучаю, в ней много для меня пользы, только жалею об одном, что она слишком лихорадочна, **иногда в вечер приходится отваять едва не пол-книжищи немецкой мудрости, которую на другой день рассчитываешь разжевывать студентам**, а то случится, приготовившись говорить об одном, принуждён говорить совершенно о другом без приго-

товления. *До сих пор пока идёт порядочно, студентам, кажется, нравлюсь»*⁵⁶;

2. 1865 год: «Особенно приятно мне было **трудиться для клиники, нынешний год курс студентов особенно удачен**; у всех такие смыслённые физиономии и занимаются с таким интересом, что стыдно было бы для них не поработать; а **потому для каждой лекции трудился с большой добросовестностью** и с величайшим наслаждением видел, что труд мой оценён и интерес к лекциям возрастал с каждым месяцем»⁵⁷;
3. 1873 год: «**У меня есть талант, которым я должен делиться; я должен передать русской молодёжи, что я приобрёл своим опытом, наблюдательностью**»⁵⁸;
4. 1889 год: «Мой учебный сезон я провёл хорошо и окончив его, даже не чувствовал усталости; бывало, поедешь в клинику, **прочтёшь лекцию и освежишься иногда на целый день**»⁵⁹.

Важно отметить, что отношение к преподавательской деятельности, заложенное примером Василия, не выгорало со временем и сохранялось до конца жизни С. П. Боткина: «[Зима] пролетела в сущности очень быстро, которую я вынес относительно хорошо, сделав только два гриппа, кровью не харкал, задыхался меньше и **ни одной лекции по своей вине не проманкировал**»⁶⁰. Эту сторону профессиональной деятельности он считал своим гражданским долгом – главным применением знаний на службе обществу и родине⁶¹.

Здесь же следует сказать, что интерес, стремление к доказательной, научной медицине у С. П. Боткина возникли не случайно. Его первые впечатления о том, «что такое наука», относятся ещё к раннему детству. О том, как Василий мог увлекать за собой своих воспитанников, можно судить по его красноречивым высказываниям: «*В настоящее время начинается в Европе новая эпоха. Мир средних веков*⁶², мир непосредственности, патриархальности, туманной мистики, авторитетов, верований вступает в бой с мыслью, анализом <...> и вступает в борьбу не в одиноких разбросанных явлениях, – что было и в средние века, – а целыми массами... Во Франции совершилось отрицание средних веков в сфере общественности; в Байроне явилось оно в поэзии, и теперь является в сфере религии, в лице Штрауса, Фейербаха, и Бруно Бауэра... Дух нового времени вступил в решительную борьбу с догмами и организмом средних веков <...> Новые люди с новыми идеями о браке, религии, государстве, – фундаментальных основах человеческого общества, – прибывают с каждым днём: новый дух, как крот, невидимо бежит под землю и копает её – чудный рудокоп» (письмо к В. Г. Белинскому от 22 марта 1842 года)⁶³. Надо полагать, что ассимилированное от Василия уважение к науке и толкнуло Сергея на евро-

пейскую стажировку. Как Василий восторгался законами экономической теории Адама Смита⁶⁴, так и Сергей спустя десятилетия будет мечтать об открытии математических правил, по которым развивается, прогрессирует и прогнозируется болезнь.

Мемуаристы и биографы В. П. Боткина соглашались, что ему была свойственна альтруистическая жизненная позиция. Есть свидетельства его материальной помощи менее обеспеченным и нуждающимся товарищам (поэту А. В. Кольцову, В. Г. Белинскому, молодому художнику К. А. Горбунову, литератору Н. А. Некрасову, А. А. Краевскому, Ап. Григорьеву, М. А. Бакунину)⁶⁵, известно, что он поддерживал издание журналов «Отечественные записки» и «Современник». Эта сторона жизни брата была известна Сергею и воспринималась им как пример, что отразилось в его собственной профессиональной деятельности. Здесь можно найти истоки издания собственного сборника, «в котором [он] решил помещать все лучшие и наиболее интересные работы, произведённые его учениками в клинической лаборатории»⁶⁶. Ежегодник «Архив клиники внутренних болезней проф. С. П. Боткина», издававшийся в Петербурге на его личные средства 12 лет (1867–1888), содержал исключительно результаты докторских диссертационных исследований его учеников⁶⁷. Этим уникальным, не имеющим аналогов ни в истории отечественной медицины, ни в истории науки издательским проектом, с предтечей в меценатстве Василия Боткина, был заложен кадровый фундамент всей научной медицинской школы России.

О политических и общественных взглядах С. П. Боткина приходится судить лишь по косвенным сведениям и обстоятельствам. Можно предположить их западнический (общение с И. С. Тургеневым), либеральный характер (из-за дружбы с Н. А. Белоголовым, А. Ф. Мерчинским, И. М. Сеченовым, отношений с Н. А. Некрасовым, М. Е. Салтыковым-Щедриным, Д. А. Милютиным, М. Т. Лорис-Меликовым). Однако на самом вопрос представляется более сложным. И опять же возникает предположение, не кроется ли и в этой области С. П. Боткина влияние старшего брата?

Эволюция общественно-политических взглядов Василия Петровича (периода кружков Станкевича и Герцена 1830-х, окружения Белинского 1840-х, Грановского, общества Некрасова 1850-х, общения с Тургеневым в 1860-х) хорошо известна⁶⁸. Социально-политические убеждения молодого Сергея Боткина в начале 1860-х, как и 30-летнего Василия в 1840-е годы⁶⁹, позволяют назвать их обоих оппозиционерами. Образ Боткина: «студент-неряха»⁷⁰, с длинными волосами, выпускник университета, по представлениям брата читавший «Колокол»⁷¹, знакомый с А. И. Герценом (1859) – характерный типаж нигилиста⁷². Даже пережитый из-за грубого досмотра на границе по подозрению в связи с революционером (1862) стресс не останавливает его от последующего общения с опаль-

ным эмигрантом. Судя по письмам самого А. И. Герцена и мемуарам его близких, Сергей Боткин не раз встречался с ним в Лондоне и в Европе, подолгу общался и даже не раз консультировал, ставил диагноз, назначал лечение⁷³. Как бы ни настаивал на обратном Н. А. Белоголовый⁷⁴, Сергей Боткин в молодости явно интересовался, а может быть, даже и увлекался политикой, в чём, несомненно, было влияние и участие Василия.

Однако с середины 1850-х годов, в последнее десятилетие своей жизни Василий, напуганный европейскими революциями 1848–1849 годов, изменил своё отношение к общественным преобразованиям. Оказавшись после длительного перерыва в Париже, пережившем баррикады, Вторую республику и реставрацию империи, он пишет: *«Старый Париж с своими узкими, вьющимися улицами, почерневшими от времени домами, имел свой совершенно оригинальный, удивительно живописный характер. Теперь целые кварталы старинные – сломаны, вместо средневековых вьющихся улиц старого Cité – пролегает широкий Невский проспект. Это была самая живописная <...> часть Парижа. От неё и тени не осталось. <...> Но мало этого, самые нравы Парижа изменились: грубость сменила прежнее общее добродушие. Некогда знаменитая тонкая вежливость парижан – стала одним преданием. Нет сомнения, кровопролития, междоусобие, необычайный политический перелом – ожесточили, огрубili нравы. Даже физиономия парижан изменилась: нет прежнего Laisser-aller⁷⁵, добродушной беззаботности; сухость и какая[-то] внутренняя сжатость выражается в лицах; всё подчистилось, подобралось, сжалось; общительность совсем исчезла – словом, это другие нравы, другой характер, мне вовсе незнакомый и неприятный»⁷⁶.*

Антиправительственные настроения в России в конце 1850-х – начале 1860-х годов Василий видит «задним хвостом того, что было во Франции после революции 1848 года. Это русские копии с социалистов и коммунистов с тою разницею, что в Париже и Германии они набирались из фабричных и других работников, что весьма существенно, а у нас из семинаристов, студентов и юных офицеров. Органом их был Чернышевский и К^о в Современнике. Эта горсть людей вообразила себя руководительницею общества, стала печатать прокламации, воззвания, в которых объявлялось, что надо уничтожить Бога, брак и собственность, и что после этого всё пойдёт отлично» (письмо к Михаилу от 12 сентября 1862 года, Берлин)⁷⁷.

Позднее, осознавая своё неумолимое дряхление и тяжело болея, он чувствует, что уже не может идти в ногу со временем и пытается не замечать окружающего. **«Проклятая политика**, – восклицал он в письме к Фету 10–14/22–26 февраля 1866 года, – **признаюсь откровенно, все эти вопросы политико-экономические, финансовые, политические – внутренне нисколько не интересуют меня...** Я понимаю ясно, что они составляют настоящую необходимость – да я чужой в них»⁷⁸.

Страх Василия перед тем, что европейские революции могут перекинуться в Россию, его возрастное «равнодушие», полагаем, способствовали угасанию интереса к политике и у С. П. Боткина. Любопытно, что в одном из писем конца 1850-х годов Сергей словно повторяет данное некогда брату обещание *«оставаться верным старому принципу не заниматься политикой»*⁷⁹. Теперь перед нами уже не тот юноша «со взором горящим», со свойственной молодости протестной позицией, а семейный человек, популярный среди студенчества профессор, известный и востребованный врач.

Надо отметить, что в зрелом возрасте С. П. Боткин неохотно проявлял свои политические интересы (не демонстрируя ни симпатии к нигилизму, ни либерализм профессиональной деятельности, ни монархизм). Эта осторожность указывает на такое качество его личности как византизм, что должно быть критичным для достижения профессиональной успешности в монархическом обществе. С одной стороны, держаться либеральных взглядов, находясь на придворной службе, было невозможно. С другой, будучи профессором в высшем учебном заведении, где традиционны молодёжные протестные настроения, показывать свои монархические симпатии было неуместно. Обладая чутьём на реальную обстановку, не видя ближайших возможностей изменения общественного строя, С. П. Боткин сторонился политики. Всё же понять его политические симпатии помогают единичные оговорки в 1870-е годы (в это время С. П. Боткин уже лейб-медик императорской семьи), в которых явно проглядывает дистанцирование от социалистической идеологии:

1. *«Я почувствовал, что Импер[атрица] чем-то мною недовольна <...> Пилар, Бярат[инский], предупредившие Императрицу – вероятно говорили **о моём красном цвете**⁸⁰ – лучшее оружие придворных»* (запись из дневника лейб-медика от 10 мая 1873 года)⁸¹;
2. *«В рядах турок слышится русский язык, русские голоса, называющие наших офицеров⁸² по именам!! Вероятно, поляки, убежавшие из наших рядов, или как предполагают другие, – наши **красные социалисты**, заграничные рефюжье⁸³. Слышны были подобные показания и при атаке Плевны, где ясно кричали по-русски: “нет, теперь турки не те, что были!” Наша родина находится в таком периоде развития, что подобные явления возможны, **но нельзя допустить, чтобы таких людей у нас было много, – это невозможно, немислимо**»* (письмо от 14 августа 1877 года с дополнением по рукописи)⁸⁴;
3. *«Сплетни, ругань, клевета самые недостойные продолжают на меня сыпаться почти безостановочно; прежде по поводу сочинённой мною чумы, теперь же дошли до того, что **связывают меня с социалистической порчей и со всеми её замыслами**!»* (запись из дневника лейб-медика от марта 1879 года)⁸⁵.

В последние годы жизни политические разговоры откровенно утомляли его⁸⁶. В одно из посещений республиканской Франции на банкете, данном в его честь министром Ферри⁸⁷, был произнесён «любезный тост» за здоровье гостя, что Сергей Петрович комментировал: «к счастью, без политических намёков»⁸⁸.

Схожим у обоих братьев оказалось и мнение о польском вопросе. Василий писал о нем так:

1. *«Чувство национальности с необычайной силою охватило меня как никогда прежде, по мере того, как увеличивалось польское восстание, охватило, когда поляки стали представлять свои цели – обратить Россию в азиатское царство, отнять даже Малороссию и проч.»*⁸⁹;
2. *«Со всех сторон раздаются [голоса] теперь против России, русских. Эта ненависть охватила теперь всю Европу. <...> Великое несчастье в том, что существование России, как европейского государства, основано на покорении Польши. Но что же с этим делать!»* – здесь его мнение прямо и конкретно, что не характерно для двойственной, сомневающейся личности: *«Вопрос собственного существования идёт прежде всех филантропических чувств»*⁹⁰.

Не имея специального образования, будучи дилетантом в вопросах внешней политики, Василий интуитивно чувствовал, что для сохранения империи требуются особенные геополитические условия: по его мнению, Польша должна была оставаться частью Российского государства.

Отношение Сергея Боткина к польскому вопросу обозначается 20 годами позднее, но не во внешнеполитическом аспекте, а в его прикладной (профессиональной) коннотации. В болгарских письмах 1877 года неоднократно встречается его недовольство распределением административных должностей в медицинских учреждениях среди национальных меньшинств, пренебрежительным отношением администраторов – балтийских немцев, поляков – к русскому персоналу («русскому элементу»):

1. *«Подбор врачей почти исключительно польский и немецкий, и [они] сделали на меня не очень отрадное впечатление – как люди, и ещё менее отрадное впечатление – как врачи»* (письмо от 29 июня 1877 года);
2. *«Все главные доктора, которых я до сих пор видел, почти исключительно или поляки, или немцы, или евреи. Не знаю, не понимаю, где лежит тайна этой загадки? [Главный медицинский инспектор русский, инспектор госпиталей, впрочем, с польской фамилией Косинский, но по-русски говорит без акцента, хотя с чувствительной симпатией к немцу, поляку и еврею]»* (письмо от 9 августа 1877 года с дополнением по рукописи);

3. *«Кровь русского солдата не дорога этим [недоучившимся] легкомысленным [польским] героям; один их расстреливает и увечит, другой морит их голодом, <...> а все вместе сваливают вину на малочисленность войска»* (письмо от 2 сентября 1877 года с дополнением по рукописи)⁹¹.

Следует отметить, что национальный вопрос в представлениях Василия и Сергея не нёс шовинистического, националистического, в частности, антисемитского контекста в их современном понимании. Оба брата имели великодержавный взгляд на сохранение географической, политической, культурной целостности империи. Это было проявлением всеобщего подъёма национального самосознания в русском обществе, протестом против того, что *«везде, как муравьи, проникли немцы, поддерживая друг друга и вытесняя русских»*⁹², что в высших государственных структурах, элите общества, в культуре было больше иностранного, чем своего – русского⁹³. Чувство национального достоинства у Василия Боткина укрепляло убеждённость Сергея в необходимости продвигать русские медицинские кадры на руководящие посты в главных учреждениях страны – передовое организаторское мнение. Преобразование общественного здравоохранения, инициированное и начатое при С. П. Боткине, на самом деле надо рассматривать как ещё одну либеральную реформу, а не следствие его социал-демократических взглядов, как безосновательно и идеологизированно считалось в советский период.

Чувство родины у каждого человека имеет свои интимные, в том числе семейные, детские корни. Уже взрослый, осознающий своё место в окружающем мире Сергей и в этом испытывал влияние Василия: *«Бедная, грубая и дикая страна – но какова бы она ни была, она наше отечество, – единственная на всём свете почва, на которой мы чувствуем себя дома, в родной природе, в родном воздухе. Дело в том, что мы не можем быть ничем иным, кроме как русскими»* (письмо к брату Михаилу от 23 апреля 1863 года, Рим)⁹⁴. Обратим внимание, что это не публицистика Василия, а его частная переписка с родными.

С. П. Боткин в силу материалистического характера своей деятельности более конкретен в этом вопросе. Для него патриотизм определяется пониманием своего гражданского долга. Обстоятельства придворной службы помогают раскрыть эту сторону личности. От выхода в отставку, о чём он не раз серьёзно задумывался, его останавливал не страх лишиться должности на кафедре, а долг перед студентами⁹⁵. Стресс от полугодового пребывания на театре войны в 1877 году, разлуки с любимой женщиной перебивается болью за русского солдата, который терпит лишения, физические страдания из-за неграмотных действий военного начальства и организаторов медицинской помощи. Увиденные собственными глаза-

ми кровавые последствия третьего штурма Плевны заставляют забыть своё личное горе – смерть новорождённого ребенка.

В политическом контексте раскрывается ещё одна общая «московская» черта Василия и Сергея – чувство товарищества. Слишком ярко оно было выражено у Василия, чтобы оставаться незамеченным младшими. Приведём малоизвестный факт его биографии. Узнав о бедственной ситуации в эмиграции М.А. Бакунина, Василий высылает ему деньги⁹⁶. Здесь важны два обстоятельства: то, что помощь оказывается человеку, с которым уже более 10 лет прекращено всяческое общение и то, что помощь подаётся своему политическому противнику. Скорее всего, Сергей не знал об этом поступке старшего брата, но он наблюдал это его альтруистическое свойство характера на других примерах. Не этим ли вызвано гуманное отношение к политическим ссыльным, с которыми едва ли было какое-то знакомство:

1. *«Вероятно, скоро в Иркутске будут наши несчастные студенты, ты бы сделал большое благодеяние, если бы выхлопотал у местного начальства иметь им медицинские книги, тогда в их положении будет величайшей отрадой приносить пользу ближнему. Из них я помню одного Хорьхорикова, который был на четвёртом курсе и недурно учился. Снабди его, если это только возможно, теми книгами по практической медицине, которые у тебя под рукой; какие ему отдашь, я тебе непременно вышлю при первом твоём слове»* (письмо к Н. А. Белоголовому от 10 июля 1864 года);
2. *«К тебе небольшая просьба, известить родственников, если ты только что-нибудь знаешь, о Чернышевском, от которого его близкие уже несколько месяцев не имеют никаких известий и думают, что он умер. Если ответишь телеграммой [1 неразб.] на адрес Аркадия Франц[евича] Мерчинского, проживающего у графа Штей[н]бока в доме Министрства уделов, что на Литейной улице. Чтобы не возбуждать неприятных подозрений, лучше будет, если не назовёшь имени этого господина в депеше»* (письмо к Н. А. Белоголовому от 24 ноября 1864 года)⁹⁷.

Если просьбы за сосланных в Сибирь по политическим преступлениям объясняются молодостью лет (С. П. Боткину 32 года), то прошение на имя императрицы Марии Александровны в бытность её лейб-медиком – явно продуманное решение. В 1873 году в № 1 журнала «Вперёд!» в статье о Н. Г. Чернышевском указывалось, что «один знаменитый врач испросил себе в награду за удачное лечение коронованной особы перевод Чернышевского в Европейскую часть России»⁹⁸. Императрицу в это время лечил только один врач. Очевидно, что для Сергея Боткина, при всём его прагматизме, возможность помочь стояла выше политических разногласий и опасения получить порицание высшего общества.

Таким образом, мы видим, что и Василий, и Сергей значительно «правее»: первый к 50 годам, второй на примере старшего брата значительно раньше – на третьем десятке лет жизни. Полагаем, что не будь этого сдерживающего, консервативного, умеренного влияния, С. П. Боткин вполне мог оказаться активным проводником либеральных или даже революционных идей (как, в частности, Н. Г. Чернышевский и его герои), эмигрировать, как поступили его друзья Н. А. Белоголовый, А. Ф. Мерчинский или некоторые либералы из окружения Александра II (М. Т. Лорис-Меликов).

К политическим взглядам относится и вопрос отношения обоих Боткиных к монархии. Василий в молодости был идейно близок с революционерами своего времени (Герценом, Огарёвым, Бакуниным), в зрелые годы имел дружеское общение с активным западником Тургеневым, поэтом-социалистом Некрасовым. Однако в конце жизни он вернулся к своей патриархальной идентичности, оказался противником революционных идей и агитаторской деятельности Герцена, Чернышевского, не найдя в них выражения исторического развития общества. Переболев революционными потрясениями конца 1840-х годов в Европе, В. П. Боткин оценивает реформаторские начинания Александра II: *«Деспотизм и тиранство Николая и наша собственная дикость сделали имя России омерзительным для всякого европейского человека. [Начавшиеся реформы] благодушного царствования Александра <...> не могли ещё сгладить впечатлений, оставленных тридцатилетним всяческим тиранством. Но они, однако же, значительно ослабили ненависть, питаемую к России всяким порядочным человеком в Европе»*⁹⁹, – и в спорах о политике защищает молодого монарха: *«А я давно говорил Герцену про Алекс[андра] Ник[олаевича]: не ругай ты его пожалуйста»* (из разговора В. П. Боткина с демократом Н. Успенским¹⁰⁰).

Сергей внимателен к позиции брата. С начала 1870-х годов он не только политически индифферентен, конформен к монархической власти, но и служит ей. Последние 20 лет жизни он разрывался между стремлением быть с семьей, увлекавшим его преподаванием в клинике, частной врачебной практикой и обязанностями при дворе.

Очевидно, что его лояльность по отношению к власти диктовалась пониманием правил. Доказательством того, что его преподавательская, профессорская, а затем и общественная деятельность негласно поддерживались императорской семьей, становятся его размышления об отставке: *«Теперь я ещё не настолько стар, чтобы не суметь устроить свою жизнь на новый лад; если останется у меня клиника, то ничего не надо и предпринимать нового; если же придётся пожертвовать даже и клиникой, то я всё-таки считаю себя настолько нравственно бодрым, чтобы начать или лучше продолжить деятельность иначе»*¹⁰¹. С. П. Боткин осознавал, что с уходом с поста лейб-медика его деятельность в Ака-

демии будет окончена¹⁰². Надо полагать, что умеренность политических взглядов, воспринятая от Василия, позволила С.П. Боткину оказаться на «своём» месте. Находясь при дворе, он мог с наибольшей эффективностью осуществлять свои профессиональные замыслы. Результатом этого стало реформирование общественного здравоохранения, не отвечавшего нуждам столичного города¹⁰³. Это было «сверхзадачей» в консервативный период царствования Александра III, когда все общественные начинания встречали препятствия.

Заключение

Мировоззрение С.П. Боткина не сводится к достижению исключительно собственных целей. Рассмотрение его личности и детальное сравнение с чертами, позицией, взглядами старшего брата Василия показывает, что психика С.П. Боткина была очень подражательной. Следы разнообразного влияния Василия видны в молодом, зрелом и даже стареющем С.П. Боткине. Роль Василия Петровича как опекуна, наставника младших членов семьи хорошо известна благодаря отзывам многих мемуаристов (А.И. Герцена, Д.В. Григоровича, А.А. Фета, Н.А. Белоголового), но никогда не обозначалась как тема специального исследования. Его образ жизни, интересы, предпочтения, общественные и политические взгляды оказались значительными для С.П. Боткина как отправные позиции при выходе из купеческого сословия и становлении представителем молодого сообщества интеллигенции.

Сергей Боткин не был завистлив к чужим достижениям. Наблюдая и анализируя жизненный опыт старшего брата, он с энтузиазмом перенимал и развивал прогрессивные элементы стратегии, которые наиболее соответствовали особенностям его психики (стремлению получить признание, юношескому максимализму, потребности в независимости, лидерским качествам, общительности, энергичности, широте душевного склада). То культурное, не свойственное стилю жизни малообразованного купечества, что развил в себе Василий путём мучительных духовных исканий и опытом всей жизни, впитывалось Сергеем благодаря яркому восприятию молодого человека и подсознательному чутью зрелого мужчины. Младший брат ассимилировал в своём мировоззрении стремление старшего к самообразованию, веру в науку, наставничество, меценатство, альтруистическую позицию, стиль частной жизни, литературные и музыкальные предпочтения. Одновременно была подвергнута критике интимная сторона его образа жизни. Пагубные черты натуры брата и горький итог его жизни стали для Сергея антипримером того, как можно остаться без семьи, без деятельности, вызвали отторжение от праздного, неподотчётного ни перед кем существования. Именно отсюда кор-

ни формирования в характере С. П. Боткина таких качеств, как неприятие бездействия, чрезмерной рефлексии, нецелеустремленности как порока личности. Пример старшего брата позволил Сергею, такому же общительному, страстному, темпераментному, как и Василий, не истратить свою жизненную энергию на непродуктивные созерцания и эмоции. Это важно для понимания истоков той сосредоточенности, фанатичной преданности профессии и ключевого качества его личности, которое мы обозначим как абсолютное чувство долга.

Именно благодаря врождённому чутью на людей и обстоятельства, деятельной натуре, стремлению к признанию Сергей среди всех братьев Боткиных оказался наиболее сильным воспитанником Василия. При том, что в своих взглядах он не пошёл принципиально дальше брата, он несоизмеримо больше сумел воплотить за свою жизнь из того, до чего только дошёл в своих представлениях Василий, но не смог реализовать.

Таким образом, различные итоги жизни двух братьев объясняются не только их индивидуальными особенностями (тягой к созерцательности у одного и стремлением к практической деятельности у другого), но и многолетней возможностью Сергея иметь пример – плод мучительных исканий старшего брата Василия. Видя его манеру общения, взгляды, стиль жизни, достижения Сергей Боткин смог значительно развить свои природные данные в профессиональной деятельности, в частности, научиться оказывать влияние на пациента, вызывать эмпатию, вкладываться личными средствами в общее дело, реализовать свои лидерские и опекунские стремления. Политический консерватизм Василия, его лояльность к власти стали фундаментом многолетней придворной службы С. П. Боткина, которая в свою очередь давала максимальную поддержку его деятельности как в самой ИМХА, так и в продвижении вопросов реформирования столичного здравоохранения в условиях строя абсолютной монархии.

Литературоведы, биографы Василия Боткина сходятся во мнении, что, обладая незаурядным критическим умом и широтой взглядов, он не сумел, однако, занять того самостоятельного места в российской культуре XIX века, какое принадлежит Белинскому или Грановскому¹⁰⁴. Но совершенно очевидно, что В. П. Боткин своим направляющим влиянием способствовал становлению личностей, раскрытию талантов и формированию мировоззрения своих младших братьев. Надо сказать, что далеко не все из них смогли воспринять этот прогрессивный пример. Павел и Владимир – единокровные братья С. П. Боткина, несмотря на полученное образование, прожили невыдающуюся жизнь. Напротив, Петр, Дмитрий, Михаил и, как мы показали, Сергей, очевидно, строили свои жизненные сценарии с учётом воспринятого и переработанного примера Василия. Это лишний раз доказывает, что для реализации заложенных

способностей необходимо два существующих одновременно условия: пытливая натура одарённой личности и внешнее педагогическое, наставническое влияние.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Белоголовый Н. А. Из моих воспоминаний о Сергее Петровиче Боткине // Воспоминания и другие статьи. – М.: тип. К. Ф. Александрова, 1897. – С. 291–437.
- ² Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. – Т. 12. Письма 1841–1848. – М.: Изд. АН СССР, 1956. – С. 41; Григорович Д. В. Литературные воспоминания / Вступ. статья Г. Елизаветиной; Сост., подгот. текста и коммент. Г. Елизаветиной и И. Павловой. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 109; Фет А. А. Мои воспоминания (1848–1889). – Ч. I. – М., 1890. – С. 188–190.
- ³ Григорович Д. В. Лит. воспоминания... – С. 109.
- ⁴ Б. В. <Боткин В. П.> Письмо из Нижнего // Молва. – 1836. – № 14. – С. 46.
- ⁵ РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. Ед. хр. 12 (Боткин С. П. Письма к М. П. Боткину, 1866–1874 гг.). Л. 35–35 об. (Письмо от 10 октября 1869 года, Санкт-Петербург).
- ⁶ Журавский С. Г. Семья в жизни Сергея Петровича Боткина. Альманах истории медицины: неизвестные и спорные страницы // Под ред. В. И. Бородулина, Б. С. Каганова. – Вып. 2. – М.: Династия, 2019. – С. 282–308.
- ⁷ ОР МЛТ. Ф. 9. Инв. ном. 61024–61026 (Боткин В. П. Письма к С. П. Боткину, 1868–1869 гг.). 6 л.
- ⁸ ОР МЛТ. Ф. 9. Инв. ном. 60660–60680 (Боткин С. П. Письма (№ 24) к В. П. Боткину, 1856–1869 гг.). 47 л.
- ⁹ Боткин В. П. Сочинения Василия Петровича Боткина. В 3-х тт. Изд. журн. «Пантеон литературы». – СПб.: тип. Н. А. Лебедева, 1890–1893.
- ¹⁰ Чешихин-Ветринский В. Е. В сороковых годах: Историко-литературные очерки и характеристики. – М.: тип. тов-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1899; Пруцков Н. И. В. П. Боткин и литературно-общественное движение 40–60-х гг. XIX ст. // Ученые записки Грозненского гос. Педагогического института. – 1947. – № 3. – Филологическая серия. – Вып. 3. – С. 49–148.; Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма [Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Б. Ф. Егорова]. – М.: Советская Россия, 1984. – С. 3–22; Хегай О. Ч. Своеобразие мировоззрения и творчества В. П. Боткина. Дисс. на соиск. уч. степ. к. ф. н. Рукопись. – М., 1984.
- ¹¹ В год поступления Сергея в университет действовал закон Николая I, призванный остановить распространение революционного вольнодумства в империи, по которому юноши из недворянских сословий лишались права учиться на всех факультетах университетов, кроме медицинского.
- ¹² Сеченов И. М. Автобиографические записки. – М.: Изд. АМН СССР, 1952. – С. 75.
- ¹³ Переписка Н. А. Некрасова в 2 тт. – М.: Художественная литература, 1987. – Т. 1. – С. 182.
- ¹⁴ Заметим, что В. П. Боткин имеет в виду ошибки в диагнозе, которые допустили такие известные врачи как Н. И. Пирогов и Ф. И. Иноземцев [Переписка Н. А. Некрасова... – С. 181].
- ¹⁵ Переписка Н. А. Некрасова ... – С. 185.

- ¹⁶ Белоголовый Н. А. Из моих воспоминаний ... – С. 345–346; Сиротинин В. В. С. П. Боткин (1832–1889) // Боткин С. П. Курс клиники внутренних болезней. – 3-е изд. – СПб.: О-во рус. врачей в С.-Петербурге, 1912. – Т. I. – С. 10; Куценко А. И. Исторический очерк Кафедры Академической терапевтической клиники Императорской Военно-медицинской (б. Медико-хирургической) академии. 1810–1898 г.: Материалы для истории ИВМА: Дис. на степ. д-ра мед. А. И. Куценко, орд. Акад. терапевт. клиники. – СПб: типография князя В. П. Мещерского, 1898. – С. 131.
- ¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 187 (Боткин С. П. Письма и телеграммы к П. П. Боткину семейно-бытового характера, 1855–1880 гг.). Л. 11.
- ¹⁸ Этот вопрос для исследования на архивных документах кажется особенно значительным.
- ¹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. № 9 (Боткин В. П. Письма к М. П. Боткину, 1859–1868 гг.). Л. 34 об.
- ²⁰ Там же. Л. 51 об.
- ²¹ Белинский В. Г. Сочинения в 4-х т. – Киев: тип. П. И. Бонадурер, 1913. – Т. 4 (1844–1849). – Ст.: Алексей Васильевич Кольцов. – Стлб. 228.
- ²² ОР ИРЛИ. Д. 9029 (Боткин В. П. Письма к Д. П. Боткину, 1855–1867). Л. 120.
- ²³ Сам Василий в своё время воспользовался этой стратегией, но его семейная жизнь оказалась неудачной.
- ²⁴ Выражение В. Г. Белинского [Белинский В. Г. Петербург и Москва // Физиология Петербурга. – М.: Сов. Россия, 1984. – Ч. 1. – С. 47].
- ²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 351 (Боткин С. П. Письма к Н. К. Боткиной, 1855–1867 гг.). Л. 16 (письмо от 26 декабря 1858/7 января 1859 года).
- ²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 187 (Боткин С. П. Письма и телеграммы к П. П. Боткину семейно-бытового характера, 1855–1880 гг.). Л. 31. (Письмо от <декабря> 1858 года).
- ²⁷ ФБ ВМА. Ф. XV. Ед. хр. 8. № 1 (Боткин С. П. Письмо к А. А. Крыловой. Черновики). 2 л. Опубликовано: Журавский С. Г. Два черновика письма С. П. Боткина к невесте, А. А. Крыловой (1859) // Альманах истории медицины: неизвестные и спорные страницы / Под ред. В. И. Бородулина, Б. С. Каганова. – Вып. 2. – М.: Династия, 2019. – С. 377–384.
- ²⁸ Журавский С. Г. Семья в жизни Сергея Петровича Боткина... – С. 296–298.
- ²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 173 (Боткин М. П. Письма и телеграммы к П. П. Боткину семейно-бытового и делового характера, 1888–1890 гг.). Л. 150.
- ³⁰ РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. № 13/1. (Боткин С. П. Письма к М. П. Боткину, 1874–1889 гг.). Л. 15 об–16.
- ³¹ ОР ИРЛИ. Д. 9029 (Боткин В. П. Письма к Д. П. Боткину, 1855–1867). Л. 120. (Письма от 14 марта 1858 года, Рим, 29 мая 1858 года, Лондон).
- ³² Никитенко А. В. Дневник. в 3 т. – М.: гос. изд. Худ. Лит., 1955. – Т. 1 (1826–1857). – С. 168–169.
- ³³ Анненков П. В. Литературные воспоминания. Замечательное десятилетие 1838–1848. – М.: Правда, 1989. – С. 118.
- ³⁴ Кавелин К. Д. Материалы для биографии. Из семейной переписки и воспоминаний. Цит по: Чешихин-Ветринский В. Е. В сороковых годах... – С. 149.
- ³⁵ Герцен А. И. Былое и думы. Ч. 4 (Москва. Петербург и Новгород). – М.: Художественная литература, 1967. – С. 84–85.
- ³⁶ Белоголовый Н. А. Из моих воспоминаний ... – С. 315.
- ³⁷ Там же. – С. 316.

- ³⁸ Эрнст Феликс Эммануэль Гоппе-Зейлер (1825—1895) – немецкий врач, химик и физиолог. В 1856–1860 годах был ассистентом профессора Вирхова в Патологическом институте в Берлине. Считается основателем биохимии, физиологической химии. Занимался исследованиями крови, гноя, желчи, молока и мочи. Дал название гемоглобину, признал его функцией связывание кислорода, получил гемоглобин в кристаллической форме и показал, что он содержит железо.
- ³⁹ Фридрих Даниель фон Реклингхаузен (1833—1910) – немецкий патологоанатом. В 1855 году окончил медицинский факультет Берлинского университета. В это время ассистент профессора Вирхова. Спустя десятилетия у Реклингхаузена будет стажироваться старший сын С. П. Боткина – Сергей.
- ⁴⁰ Личность не установлена.
- ⁴¹ ОР РГБ. Ф. 22. П. 3. Ед. 36 (Белоголовый Н. А. Письма брату А. А. Белоголовому, 1858 г.). Л. 1–1 об (Письмо от 11/23 декабря 1858 году, Берлин).
- ⁴² Белинский В. Г. Петербург и Москва // Физиология Петербурга. – М.: Сов. Россия, 1984. – Ч. 1. – С. 61.
- ⁴³ Белинский В. Г. Петербург и Москва // Физиология Петербурга. – М.: Сов. Россия, 1984. – Ч. 1. – С. 42–72; Белинский В. Г. Петербургская литература // Физиология Петербурга. – М.: Сов. Россия, 1984. – Ч. 2. – С. 213.
- ⁴⁴ Белинский В. Г. Петербургская литература // Физиология Петербурга. – М.: Сов. Россия, 1984. – Ч. 2. – С. 212.
- ⁴⁵ Белоголовый Н. А. Из моих воспоминаний... – С. 393–394; Сеченов И. М. Автобиографические записки... – С. 193–194; Бородин А. П. Письма А. П. Бородина. Полное собрание, критически сверенное с подлинными текстами / Пред. и прим. С. А. Дианина. – М.: Музыкальный сектор, 1927–1928. – Вып. I (1857–1871). – С. 182, 192–193; Боткин П. С. Картины дипломатической жизни. – Париж: изд. Е. Сияльской, 1930. – С. 5–9; ОР РГБ. Ф. 22. П. 5. Ед. хр. 11–37 (Боткин С. П. Письма к Н. А. Белоголовому, 1884–1889 гг.).
- ⁴⁶ Тургенев И. С. Собрание сочинений в XII т. Т. 12 (Письма 1831–1883). – М.: Гос. Изд. Художественной Литературы. 1958. – С. 300, 389.
- ⁴⁷ Белоголовый Н. А. Из моих воспоминаний... – С. 396. Учитывая безукоризненную корректность Н. А. Белоголового в описании и других спорных черт друга, можно полагать, что С. П. Боткин не любил читать беллетристику.
- ⁴⁸ Боткин С. П. Письма С. П. Боткина из Болгарии 1877 г. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1893. – С. 39.
- ⁴⁹ РО ИРЛИ. Д. 9029 (Боткин В. П. Письма к Д. П. Боткину, 1855–1867). Л. 37.
- ⁵⁰ В. П. Боткин делает это сообщение после прочтения недавно вышедшего февральского номера журнала «Современник» (Современник. – 1856. – Т. 55. – № 2. – С. 223), где впервые публиковалось это стихотворение.
- ⁵¹ РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. № 9 (Боткин В. П. Письма к М. П. Боткину, 1859–1868 гг.). Л. 49 об. Речь идёт о биографических очерках «Бунт Стеньки Разина» и «Гетманство Юрия Хмельницкого», впервые опубликованных в конце 1850-х годов.
- ⁵² Младший брат М. П. Боткин получил образование по классу академической живописи, обучаясь в Академии художеств, а затем продолжив обучение в Италии.
- ⁵³ Вероятно, описка: «неисчерпанный».
- ⁵⁴ РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. № 12 (Боткин С. П. Письма к М. П. Боткину, 1866–1874 гг.). Л. 110–110 об ([конец 1860-х годов]).

- ⁵⁵ ФБ ВМА. Ф. XV. Ед.хр. 3. № 1. (*Боткина Е. А.* Биография С.П. Боткина). Л. 5. Сочинения Ф. Купера и В. Скотта в свою очередь для Василия Боткина были рекомендованы его другом Виссарионом Белинским (из письма к В.П. Боткину от 10–11 декабря 1840 года) [*Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. – М.: АН СССР, 1956. – Т. 11. Письма 1829–1840 гг. – С. 582].
- ⁵⁶ РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. № 11 (*Боткин С. П.* Письма к М. П. Боткину, 1859–1865 гг.). Л. 72 об (Письмо от 4 октября 1860 года, С.-Петербург).
- ⁵⁷ Там же. Л. 155–155 об (Письмо от 27 декабря 1865 года, С.-Петербург).
- ⁵⁸ РО ИРЛИ. Д. 13.874 (*Боткин С. П.* Дневник лейб-медика С.П. Боткина, 1872–1877 гг.). Л. 35–35 об (запись от 10 мая 1873 года, Сорренто).
- ⁵⁹ ОР РГБ. Ф. 22. П. 5. Ед. хр. 30 (*Боткин С. П.* Письма к Н. А. Белоголовому, 1859–1889 гг.). Л. 3 об (Письмо от 6 апреля 1889 года, С.-Петербург).
- ⁶⁰ Там же. Л. 4 об.
- ⁶¹ *Белоголовый Н. А.* Из моих воспоминаний... – С. 387, 431.
- ⁶² Под «средними веками» автор понимал господство религиозных догм во всех сферах общественной жизни.
- ⁶³ *Боткин В. П.* Литературная критика... – С. 244.
- ⁶⁴ *Егоров Б. Ф.* Боткины... – С. 53.
- ⁶⁵ *Егоров Б. Ф.* Боткины... – С. 104.
- ⁶⁶ *Белоголовый Н. А.* Из моих воспоминаний... – С. 399.
- ⁶⁷ За годы издания «Архива...» было опубликовано 109 оригинальных статей 52 учеников С.П. Боткина. Со смертью Сергея Петровича издание прекратило своё существование.
- ⁶⁸ *Чешихин-Ветринский В. Е.* В сороковых годах...; *Пруцков Н. И.* В.П. Боткин и литературно-общественное движение...; *Боткин В. П.* Литературная критика...; *Хегай О. Ч.* Своеобразие мировоззрения и творчества В.П. Боткина...; *Боткин В. П., Тургенев И. С.* Неизданная переписка, 1851–1869 / По материалам Пушкинского дома и Толстовского музея подготовил к печати Н.Л. Бродский. – М.-Л.: ACADEMIA, 1930.
- ⁶⁹ *Боткин В. П.* Литературная критика... – С. 5.
- ⁷⁰ *Знаменский М. С., Белоголовый Н. А.* Исчезнувшие люди: Повести, статья, воспоминания. Воспоминания сибиряка / Сост. тома, прим., послес. Н.Н. Александровой и Н.П. Матхановой. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. – С. 434.
- ⁷¹ Журнал, выпускаемый А. И. Герценом, читали все Боткины.
- ⁷² Толерантность к этому протестному движению, сохранилась у С.П. Боткина и в более поздние годы. Вот как об этом пишет А.К. Толстой: «... *Доктор Боткин, с которым я иногда спорил в Карлсбаде о нигилизме (так!), приводит ему в защиту, что из его среды вышли дельные люди и даже дельные женщины*» (Письмо А. К. Толстого к М.М. Стасюлевичу, октябрь 1871 года) [М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. – СПб., 1912. – Т. 2. – С. 358].
- ⁷³ *Герцен А. И.* Собрание сочинений в 30 т. – 1963. – Т. 29. Письма 1867–1868 гг. – Кн. 2 – С. 439–446; *Тучкова-Огарева Н. А.* Воспоминания. – Худ. Лит., 1959. – С. 152, 244.
- ⁷⁴ *Белоголовый Н. А.* Из моих воспоминаний... – С. 383, 396.
- ⁷⁵ Непринужденность, беззаботность (фр.).

- ⁷⁶ РО ИРЛИ. Д. 9029 (*Боткин В. П.* Письма к Д. П. Боткину (1855–1867). Л. 88–88 об (Письмо от 27 июля 1857 года, Париж).
- ⁷⁷ РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. № 9 (*Боткин В. П.* Письма к М. П. Боткину, 1859–1868 гг.). Л. 51 об.
- ⁷⁸ А. А. Фет и его литературное окружение... – С. 434.
- ⁷⁹ ОР МЛТ. Ф. 9. Инв. ном. 60662 (*Боткин С. П.* Письмо к В. П. Боткину от 9 марта 1859 года, Вена). Л. 2 об.
- ⁸⁰ Красный цвет – символ движения нигилизма в период царствования Александра II.
- ⁸¹ РО ИРЛИ. Д. 13.874 (Дневник лейб-медика С. П. Боткина, 1872–1877 гг.). Л. 34–34 об.
- ⁸² В рукописи зачеркнуто: «кричащие офицерам».
- ⁸³ Refuge – беженец (фр.).
- ⁸⁴ *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина из Болгарии... – С. 145; ОИМ ННИИОЗ. *Боткин С. П.* Письма к Е. А. Боткиной (май–ноябрь 1877 года, Болгария). Рукопись, автограф.
- ⁸⁵ ОР РНБ. Ф. 98. Ед. хр. 1 (*Боткин С. П.* Дневниковые записи лейб-медика, 1877–1889 гг.) Л. 53 об.
- ⁸⁶ *Белоголовый Н. А.* Из моих воспоминаний... – С. 429.
- ⁸⁷ Жюль Франсуа Камиль Ферри (1832–1893) – французский политический деятель, министр просвещения, министр иностранных дел в 1879–1885 годах, премьер-министр в 1880–1881 годы.
- ⁸⁸ Цит. по: *Белоголовый Н. А.* Из моих воспоминаний... – С. 429.
- ⁸⁹ РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. № 9 (*Боткин В. П.* Письма к М. П. Боткину, 1859–1868 гг.). Л. 70–70 об (Письмо от 23 апреля 1863 года).
- ⁹⁰ Там же. Л. 69 об (Письмо от 12 марта <1863 года>, Париж)
- ⁹¹ *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина из Болгарии... С. 55, 131, 198; ОИМ ННИИОЗ. *Боткин С. П.* Письма к Е. А. Боткиной (май–ноябрь 1877 года, Болгария). Автограф, оригинал.
- ⁹² *Тучкова-Огарева Н. А.* Воспоминания. – Художественная литература, 1959. – С. 152.
- ⁹³ Это нашло отражение во всех культурных сферах. Художники восприняли его гораздо раньше естественников: в литературе (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, затем Некрасов), в публицистике, в философии (движение славянофилов, зародившееся в 1840-х годы,) национальное направление в музыке (творчество М. И. Глинки, затем «могучей кучки»), в живописи (передвижники). Национальное движение в медицине и организации здравоохранения возникло в самую последнюю очередь (в 1860-е годы) и лидером его стал С. П. Боткин. Для него это было отражением естественной демографической обстановки: в стране с преобладающим русским населением русские администраторы и практикующие врачи, разумеется, не должны были быть в меньшинстве и на вторых ролях.
- ⁹⁴ РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. № 9 (*Боткин В. П.* Письма к М. П. Боткину, 1859–1868 гг.). Л. 70–70 об.
- ⁹⁵ РО ИРЛИ. Д. 13874 (*Боткин С. П.* Дневник лейб-медика С. П. Боткина 1872–1877 годы). Л. 35 (запись от 10 мая 1873 года, Сорренто).
- ⁹⁶ Бежавший из сибирской ссылки анархист благодарил Василия уже из Лондона: «Спасибо тебе, Боткин, лишь только ты услышал о моём возвращении, ты прислал мне денег. Меня это глубоко тронуло, тем более тронуло, что мы **не всегда ладили между собой**» (*Бакунин М. А.* Письмо к В. П. Боткину от 31/19 декабря 1861 года,

- Лондон). Цит. по: *Шумова Б. М.* Обзор материалов фонда В. П. Боткина в архиве рукописей МЛТ. г. Москва. 1967–1970. Рукопись. С. 69–70.
- ⁹⁷ Цит. по фотографии автографа, предст. [*Зикеев П. Д.* С. П. Боткин – реформатор отечественной медицины. Дисс. на соиск. науч. ст. канд. м.н., Ленинград, 1961. – С. 61-а].
- ⁹⁸ *Клевицкий М. Н. Г.* Чернышевский в нелегальной литературе 60–80-х годов // Литературное наследство [Чернышевский. Добролюбов. Писарев]. – М.: Жур.-газ. объединение, 1936. – Т. 25/26. – С. 558.
- ⁹⁹ РО ИРЛИ. Ф. 365. Оп. 1. № 9 (*Боткин В. П.* Письма к М. П. Боткину, 1859–1868 гг.). Л. 67 об–68 (Письмо от 12 марта [1863 года], Париж).
- ¹⁰⁰ Цит. по: *Пруцков Н. И.* В. П. Боткин и литературно-общественное движение 40–60-х гг. XIX ст. ... – С. 125.
- ¹⁰¹ *Боткин С. П.* Письма С. П. Боткина ... (Письмо от 10 ноября 1877 года) с добавлением по рукописи [ОИМ ННИИОЗ. *Боткин С. П.* Письма к Е. А. Боткиной (май–ноябрь 1877 года, Болгария). Рукопись, автограф].
- ¹⁰² Лишнее доказательство такой зависимости – судьба медицинского гения Н. И. Пирогова. При своем своевольном и колючем характере, не имея протекции, вынужден был покинуть ИМХА.
- ¹⁰³ Реформы столичного здравоохранения, прошедшие при С. П. Боткине и с его участием: введение квартирной помощи институтом думских врачей, появление должности школьного врача, перевод городских больниц из департамента Министерства внутренних дел в ведомство комитета по здравоохранению Городской думы, строительство барачной больницы, кадровые достижения по проведению на должности главных врачей и заведующих отделений городских больниц русского персонала (А. А. Нечаева, В. Я. Альшеевского, В. А. Ратимова, Н. И. Соколова).
- ¹⁰⁴ *Чешихин-Ветринский В. Е.* В сороковых годах... – С. 195; *Пруцков Н. И.* В. П. Боткин и литературно-общественное движение... – С. 49–148; *Хегай О. Ч.* Своеобразие мировоззрения и творчества В. П. Боткина... – С. 182.

Е. В. БАКАЛДИНА

(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

**«ОБИТЕЛЬ БОТКИНА»:
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. П. БОТКИНА
В ИМПЕРАТОРСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПООЩРЕНИЯ
ХУДОЖЕСТВ**

Аннотация. Художник, коллекционер и общественный деятель Михаил Петрович Боткин (1839—1914) состоял в Обществе поощрения художеств с 1870 года до своей смерти, занимаясь в ИОПХ административной, представительской, музейной деятельностью.

Ключевые слова. Боткины, Императорское Общество поощрения художеств (ИОПХ), музей, «Художественные сокровища России», награды.

E. V. BAKALDINA

(The St. Petersburg Roerich family Museum and institute; St. Petersburg)

**“BOTKIN’S HOME”: ACTIVITIES OF M. P. BOTKIN IN THE
IMPERIAL SOCIETY FOR THE ENCOURAGEMENT OF THE ART**

Abstract. The artist, collector and public figure Mikhail Petrovich Botkin (1839—1914) was a member of the Society for the Encouragement of the Arts from 1870 until his death. Over the years, he was engaged in administrative, representative, museum activities.

Keywords. Botkins, Imperial society for the encouragement of the art, museum, “Artistic Treasures of Russia”, awards.

В 1910 году в статье про Рисовальную школу Императорского Общества поощрения художеств (далее ИОПХ) Александр Николаевич Бенуа назвал Общество «обителью Боткина»¹. Эта фраза ёмко отражала ту роль, которую играл в ИОПХ художник, коллекционер и общественный деятель Михаил Петрович Боткин (1839—1914). Современники и историки по-разному оценивали эту деятельность. Как сказано в Энциклопедическом словаре Брокгауз и Эфрона за 1891 год, «Преданный искусству, М. П. посвящает много времени на общественно-художественную деятельность, постоянно участвует в делах Общества поощрения художеств, в различных комиссиях и проч.»². А П. П. Гнедич, разбирая «вялое и беспорядочное существование Общества» говорил о некоторых его членах, в том числе и о Михаиле Петровиче: «М. П. Боткину шёл тоже восьмой десяток, при этом у него было до двенадцати должностей, и он весь век торопился

из заседанья в заседание»³, таким способом объясняя его неактивную, как казалось автору, позицию.

Ил. 1. М. П. Боткин. Фотография начала 1880-х годов. Воспроизведена по кн.:
Галерея русских писателей и художников
с пушкинской эпохи до наших дней.
216 портретов / Сост. Н. Мартов. – СПб.:
издание Н. Ф. Мертца, 1901. – С. 104.

М. П. Боткин вступил в ИОПХ в качестве члена-соучастника в 1870 году⁴. Согласно уставу Общества поощрения художников (с 1882 года Императорскому Обществу поощрения художеств), изменённому в 1857 году, членами-соучастниками могли быть *«все желающие»*, которые внесли *«ежегодно в кассу Общества десять рублей. Они будут иметь права участвовать в картинной лотерее за бесплатный билет; получать экземпляры гравюры, или хромофотографии; выставлять, по желанию, в зале выставки собственные произведения и присутствовать в общих собраниях, где читается отчёт, представляют труды художников, и разыгрывать лотерею»*⁵. Со временем Боткин стал неизменным членом комитета Общества, практически постоянным членом экспертных комиссий разных конкурсов, директором музея, членом редакционного совета; выполнял многочисленные представительские функции.

Трудоспособность М. П. Боткина была широко известна. Вице-президент академии И. И. Толстой в письме Н. П. Кондакову вопрошал: «Скажете, пожалуйста, почему сверхштатные члены Совета, не получающие ни жалования, ни имея прав службы, ходили в Академию и продолжают ходить? Положим, Боткин и Якоби...»⁶. То же самое можно сказать и о работе М. П. Боткина в ИОПХ, он регулярно посещал заседания комитета, отсутствуя на них только в тех случаях, когда находился не в Петербурге.

В современной историографии деятельность Боткина в ИОПХ оценивалась, скорее, негативно. Так, Л. В. Короткина пишет: «С приходом [на должность директора Рисовальной школы ИОПХ Н. К.] Рериха школа за короткий срок совершенно преобразилась. Он начал с того, что подобрал новый штат преподавателей, причём ему пришлось преодолеть сильное сопротивление М. П. Боткина и И. И. Толстого, покровительствовавших бывшему директору»⁷. Е. А. Боровская также говорит о Боткине как о «фигуре одиозной для многих», о человеке, «игравшем видную роль в ИОПХ», относящемся к сторонникам Е. Сабанеева⁸.

М. П. Боткин не случайно вступил в ИОПХ. Кроме того, что он сам был художником, многие представители семьи Боткиных были тесно связаны с Императорским Обществом поощрения художеств. По завещанию Василия Петровича Боткина (1811—1869) Обществу была передана сумма в 5 000 рублей, «на проценты от которой каждые два или три года [назначалась] премия за лучшие картины из русского жанра или пейзажа»⁹. Другие члены семьи Боткиных также состояли членами Общества – Дмитрий Петрович Боткин (с 1863 года), Екатерина Никитична Боткина (с 1887 года), Сергей Дмитриевич Боткин (с 1894 года), Сергей Сергеевич Боткин (с 1903 года)¹⁰, а также Павел Петрович Боткин (с 1878 года)¹¹. Старшая дочь Михаила Петровича Боткина, Екатерина, обучалась в Рисовальной школе ИОПХ¹².

С 1875 года Боткин был действительным членом общества¹³. Действительные члены могли оплачивать членские взносы ежегодно в размере 200 рублей (по уставу 1833 года, а с 1857 года по 57 рублей) или вносить единовременный взнос 2000 рублей (по уставу 1833 года, в 1857 году сумма не указана)¹⁴. Последней возможностью воспользовался Михаил Боткин¹⁵.

Практически сразу после вступления в члены Императорского Общества поощрения художеств М. П. Боткин стал принимать активное участие в его жизни: 4 февраля 1871 года он был приглашён в жюри на конкурс¹⁶. Интересно, что изначально он выбирался «из круга художников»¹⁷, а потом как член Общества в 1871–1874¹⁸, 1881¹⁹, 1882²⁰, 1883²¹, 1884²², 1885²³, 1886²⁴, 1887²⁵, 1888²⁶, 1889²⁷, 1890²⁸, 1891²⁹, 1892³⁰, 1894³¹, 1898³², 1901³³, 1902³⁴, 1903³⁵, 1904³⁶, 1905³⁷, 1907³⁸, 1908³⁹, 1909⁴⁰, 1910⁴¹, 1911⁴² годах, периодически выбывая из экспертов «по очереди»⁴³. Таким обра-

зом, М. П. Боткин начинал работу в Обществе в качестве эксперта на конкурсе. Этот опыт, несомненно, способствовал тому, что впоследствии М. П. Боткину поручали проводить многие выставки как в ИОПХ, так и в Академии художеств. Имея долговременный опыт работы экспертом на конкурсе, в 1904 году М. П. Боткин вошёл в состав комиссии для составления проекта положения о присуждении годичной премии⁴⁴. Ещё до вступления в должность эксперта на выставке, М. П. Боткин выставлял свои картины в залах ИОПХ, в частности, в 1866 году «Четыре времени года»⁴⁵, а в 1871 году именно после выставки в ИОПХ картина «Женская головка» работы Боткина была куплена за 200 рублей⁴⁶.

Когда появился кроме общего конкурса ученический, то М. П. Боткин и там стал занимать должность члена экспертной комиссии⁴⁷, причём сначала, также как и на общем конкурсе, в качестве художника: в 1893⁴⁸, в 1896⁴⁹, в 1902⁵⁰, 1903⁵¹, 1907⁵².

В 1875 году Боткин был выбран в действительные члены и одновременно в члены⁵³ Комитета Общества⁵⁴, на которой проработал до 1879 года⁵⁵. После небольшого перерыва Михаил Петрович был снова выбран в комитет Общества с 1881 года⁵⁶; потом неизменно после окончания трёхлетнего срока пребывания в комитете М. П. Боткин переизбирался на следующее трёхлетие; так было в 1884⁵⁷, 1887⁵⁸, 1890⁵⁹, 1893⁶⁰, 1896⁶¹, 1899⁶² и далее до его смерти. Михаил Боткин не просто посещал заседания, но и был активным их участником. Так, в 1881 году М. П. Боткин и А. И. Сомов выступали по поводу изменения правил Рисовальной школы ИОПХ⁶³, в 1900 году Боткин также входил в комиссию о преобразованиях по школе⁶⁴, которая в 1901–1902 годах называлась комиссией «для разработки вопроса о видоизменении и расширении Рисовальной Школы Общества» и заседала под председательством М. П. Боткина⁶⁵. Эта работа в сфере образования была в русле интересов Боткина, который был членом комиссии Городской Санкт-Петербургской Думы по народному образованию⁶⁶. В 1883 году был выбран для ревизии денежных книг⁶⁷, в 1886⁶⁸ и в 1903⁶⁹ годах для ревизии сумм Общества. И снова стоит упомянуть, что и в других организациях Боткин был членом ревизионных комиссий – например, товарищества чайной торговли «Петра Боткина сыновья»⁷⁰, то есть обязанности члена такой комиссии ему были вполне знакомы.

Достаточно часто М. П. Боткин был членом различных комиссий в Обществе, что говорит о его активности на фоне других членов Комитета Общества. В 1889 году Боткин был выбран в члены комиссии для обсуждения вопроса об участии Общества в устраиваемом Императорским Русским Техническим обществом съезде и выставке по техническому и профессиональному образованию⁷¹. В 1891 году была выбрана исполнительная комиссия на время специальных ремонтных работ, М. П. Боткин

был в ней⁷². В 1894 году Боткин принимал участие в особом совещании из членов комитета и ИОПХ и представителей Департамента Торговли и мануфактур – об устройстве практических мастерских при Школе⁷³, в 1895 году был в субкомиссии от комитета общества ИОПХ из 4-х человек для разработки требуемого Думой проекта устава будущего училища в память бракосочетания их Императорских Величеств (Николая II и Александры Фёдоровны, 9 ноября 1894 года) на 300 учеников и 10 мастерских⁷⁴. В 1898 году Боткин участвовал в качестве депутата от ИОПХ в частном совещании из представителей ИАХ и ИОПХ о возможности прибавления нескольких дополнительных классов при содействии АХ (для усиления рисования)⁷⁵. Здесь Михаил Петрович выступал и как человек, знающий ситуацию с двух сторон, так как был одновременно членом Совета Академии художеств⁷⁶. В том же 1898 году он вошёл в Особую комиссию для обсуждения вопроса об инвентаре всему имуществу общества⁷⁷. В 1899 году был в *«Особой комиссии для выяснения, совместно с редакционным советом, всех данных относительно направления и сущности издания [Художественных сокровищ России]», которая решила просить «Секретаря Общества продолжать редактирование по прежней программе, при упразднении назначенного Комитетом Редакционного Совета, и избрать новую комиссию для выработки новой программы издания к весне текущего года»*⁷⁸.

В 1904 году М. П. Боткин стал членом Комиссии для выработки особого положения о выдаче юбилейной премии имени Её Императорского Высочества Евгении Максимилиановны Ольденбургской в честь 25-летия её председательства в ИОПХ⁷⁹.

Ещё один вид занятости Михаила Петровича Боткина в качестве члена общества был представительским. На многих собраниях М. П. Боткин представлял ИОПХ. В частности, в 1887 году он стал депутатом от ИОПХ на заседаниях Общества для содействия русской промышленности и торговли (вместе с Сабанеевым)⁸⁰, в 1894 году – депутатом от Общества на Первом художественном съезде в Москве⁸¹. Будучи депутатом от ИОПХ 23 апреля 1894 года М. П. Боткин от имени председательницы ИОПХ Евгении Максимилиановны Ольденбургской выступал на открытии съезда в аудитории Императорского исторического музея⁸². В 1902 году на празднование 25-летия Археологического института принёс от общества приветственный адрес⁸³. В 1903 году, на 200-летие Санкт-Петербурга, М. П. Боткин был выбран одним из депутатов от ИОПХ⁸⁴. В 1903 году преподносил наравне с другими приветственный адрес на 25-летний юбилей творческой деятельности Альберта Н. Бенуа⁸⁵. В 1913 году стал одним из представителей для принесения поздравления Государю императору по случаю исполнения 300-летия Дома Романовых⁸⁶. И в самом ИОПХ М. П. Боткин также вынужден был выполнять представительские

функции: 5 февраля 1903 года он принимал императорскую чету на выставке конкурса⁸⁷.

Ил. 2. Музей Императорского Общества поощрения художеств. Отдел резьбы из кости и дерева. Воспроизведено по кн.: Каталог музея Императорского общества поощрения художеств. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1904. – После с. 420.

1900 год ознаменовался ещё одним значимым назначением Михаила Петровича Боткина в ИОПХ. После смерти Д. В. Григоровича он стал директором музея ИОПХ⁸⁸ [ил. 2], который ещё называли Художественно-промышленный музей или музей Григоровича. Это назначение не было неожиданностью, так как, во-первых, М. П. Боткин уже был известен как коллекционер, хорошо разбирающийся в ценности вещей, а во-вторых, он уже участвовал в музейной деятельности ИОПХ. Когда в 1886 году в комитете ИОПХ был поднят вопрос о закупке для музея нескольких образцов из числа керченских древностей, то это было поручено М. П. Боткину и А. И. Сомову⁸⁹. В 1894 году комитет ИОПХ снова просил Боткина выбрать из представленных предметов некоторые для приобретения⁹⁰ в ИОПХ.

О назначении Боткина директором музея было объявлено 24 января 1900 года⁹¹ на заседании комитета ИОПХ. Деятельность М. П. Боткина в музее ИОПХ заслуживает отдельной статьи, в настоящей же упомянем только некоторые из его достижений на этом посту. Был издан каталог музея⁹², причём его готовили несколько лет М. П. Боткин совместно с по-

мощником директора музея Н. К. Рерихом⁹³. В журнале «Художественные сокровища России» за 1901 год есть заметка о деятельности ИОПХ: «В декабрьских заседаниях комитета сделано распоряжение об отдаче в печать каталога музея Общества, составленного директором музея М. П. Боткиным и помощником его Н. К. Рерихом»⁹⁴. В 1901 году М. П. Боткин предложил собранию комитета проект обложки каталога⁹⁵.

Будучи директором музея Общества, М. П. Боткин заботился о пополнении его коллекций. Известно о его даре 53 предметов – ручек древнеримского и греческого производства из бронзы⁹⁶. Также он пожертвовал в библиотеку изданные им самим книги «Жизнь А. А. Иванова»⁹⁷ и «Собрание М. П. Боткина»⁹⁸. В 1902 году М. П. Боткин тоже поднимал вопрос о приобретениях для библиотеки⁹⁹.

Являясь членом Императорской Археологической комиссии, М. П. Боткин думал об интересах музея ИОПХ. В качестве примера можно привести одно из заседаний комиссии, на котором был поднят вопрос о хранении ворот из церкви села Дмитриевского, Звенигородского уезда. В протоколе заседания сказано: «Место Дмитриевских ворот – в музее. М. П. Боткин заметил, что они могли бы быть приняты в музей Общества поощрения художеств»¹⁰⁰. Таким образом, Михаил Петрович Боткин способствовал пополнению музея предметами и как даритель, и как специалист.

Некоторое время помощниками директора музея были И. И. Лазаревский и А. А. Рылов¹⁰¹, а с 1 сентября 1901 году В. И. Зарубин¹⁰². М. П. Боткин участвовал в закупках для помещения в музей ИОПХ предметов из класса майолики, керамики и фарфора в 1909/10, 1910/11 и 1911/12 годах¹⁰³.

В 1901 году, когда возник вопрос об учреждении в ИОПХ постоянной выставки, на М. П. Боткина, Е. А. Сомова и М. Ф. Лагорио была возложена экспертиза представляемых художественных предметов¹⁰⁴. Участвовал Боткин и в разработке «дела аукционов»¹⁰⁵. Начав дело, он и далее принимал участие в работе аукционов. В частности, в 1901¹⁰⁶ и 1903 годах (наряду с Н. К. Рерихом, Е. А. Сабанеевым, и заведующим аукционами В. И. Зарубиным) был членом экспертной комиссии по разбору картин для аукционистов¹⁰⁷. А. Н. Бенуа, обиженный тем, что Общество не привлекало новые направления в живописи, неслестно отзывался о выставочной деятельности ИОПХ: «На аукционах Общества продолжают продавать позорную дрянь, в залах Общества сменяется одна скверная выставка другой <...> Ведь дошёл же их разрушительный пыл до того, что эти “поощрители искусства” воспротивились, под самым негодным предлогом, открытию в своих стенах интереснейшей выставки “Старые годы”»¹⁰⁸. Речь идёт о неприятном инциденте, который произошёл 8 ноября 1908 года на выставке, проводимой в залах ИОПХ журналом «Старые годы», когда генеральный комиссар выставки Н. Н. Врангель дал пощёчину М. П. Бот-

кину, который в качестве представителя ИОПХ закрыл вход на выставку из-за недостаточных мер противопожарной безопасности¹⁰⁹. Интересно, что большинство современников воспринимали в то время Боткина как вице-председателя ИОПХ¹¹⁰, которым он стал лишь спустя пять лет, в 1913 году, за несколько месяцев до смерти.

Возражая А. Н. Бенуа и его критике низкого уровня выставок, нужно отметить, что премии ежегодного конкурса ИОПХ получали художники, работы которых были оценены как современниками, так и потомками; в частности, Н. К. Рерих, А. П. Остроумова¹¹¹, Ю. И. Репин¹¹², К. К. Врублевский¹¹³, Н. П. Химова, В. И. Зарубин¹¹⁴ и другие. Также ИОПХ предоставляло помещения для выставок различным обществам: например, в 1907 году Обществу Русских акварелистов, Товариществу передвижных выставок, К. Е. Маковскому¹¹⁵.

Пришлось М. П. Боткину участвовать и в редакторской деятельности Общества. С 6 июня 1903 года после ухода с поста А. Н. Бенуа¹¹⁶ М. П. Боткин вошёл в состав редакции журнала общества «Художественные сокровища России»¹¹⁷. Он же начал вести переговоры с А. В. Праховым о вхождении последнего в состав редакционного совета¹¹⁸. С этих пор Михаил Петрович регулярно посещал редакционные советы ИОПХ¹¹⁹. Будучи членом редакционного совета, в русле политики журнала публиковать предметы известных коллекций, М. П. Боткин предоставлял журналу возможность публиковать вещи из своего собрания¹²⁰, а также материально поддерживал журнал¹²¹.

Малоизвестно о небольших периодах, когда М. П. Боткин исполнял обязанности секретаря Общества на время командировки с июня по август 1903 года самого секретаря¹²² Н. К. Рериха. В 1904 году Боткин так исполнял эти обязанности¹²³. В 1908 году Боткин замещал казначея, а также секретаря¹²⁴ В. И. Зарубина.

Всё время служения в ИОПХ Михаил Боткин пользовался неизменным доверием занимавшей с 1875 года должность председателя Общества принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской. В 1896 году Михаил Петрович Боткин первый раз провёл заседания комитета ИОПХ¹²⁵ ввиду отсутствия председательницы и вице-председателя. С 1901 года он стал делать это чаще¹²⁶, а в 1913 году на основании параграфа 26 устава ИОПХ стал исполнять обязанности вице-председателя общества¹²⁷.

В письмах брату Боткин упоминает об обедах у Великой княгини¹²⁸, а современники знали, «через М. П. Боткина, принцессе Евгении Максимилиановне» можно было представить бумагу, как об этом писал, например, И. В. Цветаев¹²⁹. Это делало Михаила Петровича в глазах общественности посредником в получении привилегий от Общества. Например, художник М. Г. Соколов именно через Боткина ходатайствовал о получении должно-сти в Рисовальной школе¹³⁰.

Михаил Петрович Боткин служил в Обществе поощрения художеств практически до конца своих дней: 11 января 1914 года он был на собрании ИОПХ, а умер 22 января того же года. После его смерти вдова, Екатерина Никитична Боткина, подарила в художественно-промышленный музей ИОПХ несколько предметов: женское платье 1830-х годов, гипсовую маску, снятую с покойного А. А. Иванова, две папки гравюр и фотографий, рукописей и художественных произведений, бюст А. А. Иванова из алебастра¹³¹, а в Музей русского искусства, располагавшийся в ИОПХ, работы М. П. Боткина – «Исторический эскиз», «Женская головка», «Женский портрет», «Альбано», «Тиволи»¹³².

Служба Михаила Петровича Боткина в Императорском обществе поощрения художеств была высоко оценена. В частности, в 1872 году М. П. Боткин награждён благодарственным письмом от ИОПХ¹³³. В 1905 году он был пожалован чином тайного советника¹³⁴. Как писал М. П. Боткин брату Петру, *«Я не ожидал, а получил это, по особому ходатайству великой княгини Евгении Максимилиановны, она лично просила Его Величество»*¹³⁵. Затем, в 1908 году Боткин был награждён *«по Императорскому Обществу поощрения художеств орденом Св. Владимира 2 степени»*¹³⁶. И, наконец, в 1913 году председатель ИОПХ Евгения Максимилиановна Ольденбургская испрашивала у императора для М. П. Боткина *«за безвозмездное отличное Управление Музеем и за исполнение обязанностей Члена Комитета Общества»* Орден Белого Орла¹³⁷, однако это прошение было отклонено императором¹³⁸. Данный случай был не единственным в жизни Боткина; также Николаем II было отклонено прошение председательницы Императорской Академии художеств великой княгини Марии Павловны о присвоении М. П. Боткину в 1911 году чина действительного тайного советника¹³⁹.

Заслуги М. П. Боткина в художественной сфере были оценены и Санкт-Петербургской городской думой, в которой он проработал 20 лет. Так, для его увековечивания было решено учредить три стипендии имени М. П. Боткина: одну в 300 рублей в Академии художеств и две по 100 рублей каждая в Рисовальной школе Общества поощрения художеств¹⁴⁰. Об этой инициативе думы написали в прессе¹⁴¹. После обсуждений постановление о премиях имени М. Боткина было подписано в городской думе 9 декабря 1916 года¹⁴², но эти премии так и не были ни разу вручены.

Подводя итоги сказанному, можно констатировать тот факт, что деятельность Михаила Петровича Боткина в Императорском Обществе поощрения художеств была широкомасштабна и интенсивна. Она затронула практически все стороны работы Общества: административную, представительскую, выставочную, редакторскую, музейную и даже преподавательскую. При выполнении большинства необходимых задач Боткин использовал свой опыт и связи, которые он приобрёл на местах других

своих работ (в Императорской академии художеств, в Центральном училище технического рисования барона Штиглица, в Городской Санкт-Петербургской думе, в Первом Российском страховом обществе, в Русском обществе пароходства и торговли и в других учреждениях). Эти обстоятельства дополнялись безграничным доверием со стороны председатели Общества Евгений Максимилиановны Ольденбургской, что вылилось в восприятие Общества как «Обители Боткина».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Бенуа А. Н. Школа Общества поощрения художеств // Речь. – СПб. – 1910. – 14 (27) мая. – № 130. – С. 2.
- 2 Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. – СПб: издание Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. – Т. 4 а: Бос–Бунчук. – 1891. – С. 499.
- 3 Гнедич П. П. Книга жизни. Воспоминания, 1855–1918. – Л.: Прибой, 1929. – С. 320.
- 4 Отчёт о действиях комитета Общества поощрения художников за 1870 год. – СПб., 1871. – С. 24.
- 5 ПСЗРИ. – 1858. – 2 собрание. – Т. 32: 1857 год. – Отделение 1. – С. 1012.
- 6 Во главе Императорской Академии художеств... Граф И. И. Толстой и его корреспонденты. 1889–1898. – М.: Индрик, – 2009. – С. 633.
- 7 Короткина Л. В. Рерих в Петербурге – Петрограде. – Л.: Лениздат, 1985. – С. 134.
- 8 Боровская Е. А. Санкт-Петербургская рисовальная школа для вольноприходящих учеников и её роль в развитии русского искусства. Опыт историко-художественной реконструкции (1839–1917): дисс. на соис. ст. доктора искусствоведения. – М., 2012. – С. 324, 466.
- 9 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 467. Л. 9 об–10.
- 10 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1814. Л. 10 об.
- 11 Отчёт о действиях комитета Общества поощрения художников за 1878 год, читанный в общем собрании гг. членов 29 апреля 1879 года. – СПб., 1879. – С. 23.
- 12 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 175. Л. 69 об; Бакалдина Е. В. Альбом ученицы Рисовальной школы Императорского Общества поощрения художеств Е. М. Боткиной // Рериховское наследие: труды конференции. Т. XIX (в печати).
- 13 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 453. Л. 2, 60; Отчёт о действиях комитета Общества поощрения художников за 1874 год. – СПб., 1875. – С. 16.
- 14 ПСЗРИ. – 1833. – 2 собрание. – Т. 8. – С. 239; ПСЗРИ. – 1858. – 2 собрание. – Т. 32: 1857 год. – Отделение 1. – С. 1012.
- 15 Отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1891 год. – СПб., 1892. – С. 44.
- 16 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 399. Л. 15; Отчёт о действиях комитета Общества поощрения художников за 1871 год. – СПб., 1872. – С. 10.
- 17 Отчёт о действиях комитета Общества поощрения художников за 1871 год. – С. 10; Отчёт о деятельности комитета Императорского Общества поощрения художеств за 1885 год, читанный в общем собрании гг. членов 27 апреля 1886 года. – СПб., 1886. – С. 14.
- 18 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 399. Л. 24, 51 об, 104; Отчёт о действиях комитета Общества поощрения художников за 1872 год, читанный в общем собрании

- гг. членов 25 марта 1873 года. – СПб., 1873. – С. 9; Отчёт о действиях комитета Общества поощрения художников за 1873 год, читанный в общем собрании гг. членов 14-го апреля 1874 г. – СПб., 1874. – С. 6; Отчёт о действиях комитета Общества поощрения художников за 1874 год, читанный в общем собрании гг. членов 20-го апреля 1875 г. – СПб., 1875. – С. 3.
- 19 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 642. Л. 9.
- 20 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 668. Л. 26.
- 21 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 702. Л. 13.
- 22 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 728. Л. 13.
- 23 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 754. Л. 13.
- 24 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 776. Л. 6.
- 25 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 800. Л. 5; Отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1887 год. – СПб., 1888. – С. 21.
- 26 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 821. Л. 4; Отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1888 год. – СПб., 1889. – С. 15.
- 27 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 846. Л. 2; Отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1889 год. – СПб., 1890. – С. 19.
- 28 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 867. Л. 5, 7.
- 29 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 899. Л. 2.
- 30 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 930. Л. 3.
- 31 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 985. Л. 4, 13.
- 32 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1083. Л. 5; Д. 1085. Л. 10
- 33 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1179. Л. 3 об.
- 34 Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 января 1902 г. по 1 января 1903 г. – СПб., 1903. – С. 7.
- 35 Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 января 1903 г. по 1 января 1904 г. – СПб., 1904. – С. 6.
- 36 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1179. Л. 124; Д. 1311. Л. 6; Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 января 1903 г. по 1 января 1905 г. – СПб., 1905. – С. 56.
- 37 Отосюду // Живописное обозрение. – 1905. – 13 февраля. – № 7. – С. 162.
- 38 Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 января 1905 г. по 1 сентября 1907 г. – СПб., 1908. – С. 18.
- 39 Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 сентября 1907 г. по 1 сентября 1908 г. – СПб., 1909. – С. 6.
- 40 Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 сентября 1908 г. по 1 сентября 1909 г. – СПб., 1910. – С. 3.
- 41 Императорское общество Поощрения Художеств. Отчёт о деятельности с 1 сентября 1909 г. по 1 сентября 1910 г. – СПб., 1912. – С. 3.
- 42 Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 сентября 1910 г. по 1 сентября 1911 г. – СПб., 1913. – С. 3.
- 43 Отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1889 год. – С. 20.
- 44 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1179. Л. 123; Д. 1311. Л. 5.
- 45 Отчёт Императорской Академии Художеств с 4 ноября 1864 по 12 сентября 1865 г. – СПб., 1866. – С. 18.
- 46 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 46. Л. 73.

- 47 Отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1889 год. – С. 19–20; ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 899. Л. 7.
- 48 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 954. Л. 21.
- 49 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1032. Л. 19.
- 50 Художественные новости // Новости и биржевая газета. – 1902 (1903). – 21 декабря (3 января). – № 351. – Суббота. – С. 3.
- 51 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1179. Л. 73.
- 52 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1405. Л. 22.
- 53 Согласно уставу 1833 года комитет Общества избирался из членов Общества и состоял из девяти членов и секретаря; члены комитета выбирались на три года. ПСЗРИ. – 1833. – 2 собрание. – Т. 8. – С. 240.
- 54 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 453. Л. 2, 60; Отчёт о действиях комитета Общества поощрения художников за 1874 год. – С. 16.
- 55 Отчёт о действиях комитета Общества поощрения художников за 1879 год. – СПб., 1880. – С. 13.
- 56 Отчёт о действиях комитета Общества поощрения художников за 1880 год. – СПб., 1881. – С. 15; ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 642. Л. 1, 3.
- 57 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 728. Л. 7; Отчёт о деятельности комитета Императорского Общества поощрения художеств за 1883 год. – СПб., 1884. – С. 9, 42.
- 58 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 800. Л. 4; Отчёт о деятельности комитета Императорского Общества поощрения художеств за 1886 год. – СПб., 1887. – С. 8, 11, 68.
- 59 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 867. Л. 3 (изначально избран кандидатом); Отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1890 год. – СПб., 1891. – С. 64.
- 60 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 954. Л. 5; Отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1893 год. – СПб., 1894. – С. 8, 42.
- 61 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1032. Л. 3; Отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1895 год. – СПб., 1897. – С. 15, 54.
- 62 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1105. Л. 34; Всеподданнейший отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1898 год. – СПб., 1899. – С. 21, 60.
- 63 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 642. Л. 10, 17.
- 64 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1137. Л. 24 об; Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 января 1900 г. по 1 января 1901 г. – СПб., 1901. – С. 7–8.
- 65 Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 января 1901 г. по 1 января 1902 г. – СПб., 1902. – С. 7; ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1143. Л. 28, 75, 81, 94.
- 66 Отчёт С.-Петербургской городской управы в 1893 году. – СПб., 1894. – Ч. 3. – С. 707; Отчёт С.-Петербургской городской управы в 1892 году. – СПб., 1893. – Ч. 2. – С. 449; Отчёт С.-Петербургской городской управы в 1897 году. – СПб., 1898. – Ч. 2. – С. 3; Заведовал 9 училищами и 1 воскресной школой, а также ремесленным училищем.
- 67 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 702. Л. 24.
- 68 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 776. Л. 1.
- 69 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1179. Л. 102.
- 70 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 2 об, 6, 11, 15, 20 об, 25.
- 71 Отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1889 год. – С. 6.
- 72 ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 899. Л. 3

- ⁷³ Отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1894 год. – СПб., 1895. – С. 13.
- ⁷⁴ Отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1895 год. – С. 13.
- ⁷⁵ Всеподданнейший отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1898 год. – С. 8.
- ⁷⁶ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 102 Б. Л. 85 об–86.
- ⁷⁷ Всеподданнейший отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1898 год. – С. 16.
- ⁷⁸ Всеподданнейший отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1899 год. – СПб., 1900. – С. 7.
- ⁷⁹ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1179. Л. 126; Д. 1311. Л. 8; Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 января 1903 г. по 1 января 1905 г. – С. 55.
- ⁸⁰ Отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1887 год. – С. 5.
- ⁸¹ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 985. Л. 6; Отчёт Комитета Московского общества любителей художеств за 34-й год (1894 год). – М., 1895. – С. 46.
- ⁸² Приложение: Дневник первого съезда русских художников и любителей художеств // Артист. – 1894. – №37. – С. 4.
- ⁸³ ОР РНБ. Ф. 601. № 146. Л. 23.
- ⁸⁴ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1179. Л. 84 об.
- ⁸⁵ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1179. Л. 109 об; Д. 1277. Л. 75.
- ⁸⁶ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1575. Л. 1.
- ⁸⁷ Художественные новости // Новости и биржевая газета. – 1903. – 4 (17) февраля. – № 35. – Вторник. – С. 3.
- ⁸⁸ Всеподданнейший отчёт Императорского Общества поощрения художеств за 1899 год. – С. 13.
- ⁸⁹ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 776. Л. 10 об.
- ⁹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 985. Л. 6. об.
- ⁹¹ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1137. Л. 2; Д. 1138. Л. 1.
- ⁹² Каталог Музея Императорского Общества Поощрения Художеств. – СПб., 1904.
- ⁹³ Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 января 1900 г. по 1 января 1901 г. – С. 2.
- ⁹⁴ Художественные сокровища России. – 1901. – № 1. – С. 9.
- ⁹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1179. Л. 19 об.
- ⁹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 21; Отчёт о действиях комитета Императорского Общества поощрения художников за 1880 год. – С. 4, 47.
- ⁹⁷ Отчёт о действиях комитета Императорского Общества поощрения художников за 1879 год. – С. 56.
- ⁹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1510. Л. 19.
- ⁹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1233. Л. 43, 54.
- ¹⁰⁰ Протоколы реставрационных заседаний. Заседание 4 апреля [1913 года] // Известия Императорской Археологической комиссии. – Т. 50. – 1913. – С. 56.
- ¹⁰¹ Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 января 1900 г. по 1 января 1901 г. – С. 8.
- ¹⁰² Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 января 1901 г. по 1 января 1902 г. – С. 9.

- ¹⁰³ Императорское общество Поощрения Художеств. Отчёт о деятельности с 1 сентября 1909 г. по 1 сентября 1910 г. – С. 9; Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 сентября 1910 г. по 1 сентября 1911 г. – С. 12, 13.
- ¹⁰⁴ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1179. Л. 9.
- ¹⁰⁵ Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 января 1901 г. по 1 января 1902 г. – С. 7.
- ¹⁰⁶ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1179. Л. 32.
- ¹⁰⁷ Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 января 1903 г. по 1 января 1904 г. – С. 4.
- ¹⁰⁸ Бенуа А. Н. Художественные письма. 1908–1917. Газета Речь. Петербург / Сост. комм. Ю. Н. Подкопаевой, И. А. Золотинкиной, И. Н. Карасик, Ю. Л. Солонович. СПб., 2006. – Т. 1: 1908–1910. – С. 55.
- ¹⁰⁹ Несмотря на то, что этому инциденту посвящено несколько работ (Золотинкина И. Николай Врангель, барон и искусствовед. «Моноклем остекливший глаз...» // Наше Наследие. – 2004. – № 69. – С. 50–68; Злочевский Г. Д. «Герой и рыцарь искусства». Н. Н. Врангель: жизнь и творчество. – М.: Минувшее, 2016; Лучкин А. В. Ретроспективные выставки в Санкт-Петербурге: историзм мышления на рубеже XIX – XX вв. // Вопросы музеологии. – 2013. – № 1 (7). – С. 31–40. Сюжет требует дополнительного изучения.
- ¹¹⁰ Ростиславов А. Не в коня корм (или: скандал, выставка и публика) // Золотое руно. – 1908. – № 11–12. – С. 86.
- ¹¹¹ Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 января 1900 г. по 1 января 1901 г. – С. 3.
- ¹¹² Отчёт о деятельности Императорского общества Поощрения Художеств. с 1 сентября 1909 г. по 1 сентября 1910 г. – С. 4.
- ¹¹³ Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 сентября 1911 г. по 1 сентября 1912 г. – СПб., 1914. – С. 5.
- ¹¹⁴ Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 января 1905 г. по 1 сентября 1907 г. – С. 5.
- ¹¹⁵ Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 сентября 1907 г. по 1 сентября 1908 г. – С. 4.
- ¹¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1277. Л. 33.
- ¹¹⁷ Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 января 1903 г. по 1 января 1904 г. – С. 8.
- ¹¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1277. Л. 33, 53.
- ¹¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1179. Л. 100 об, 135; Д. 1311. Л. 25.
- ¹²⁰ Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 января 1905 г. по 1 сентября 1907 г. – С. 27.
- ¹²¹ Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 января 1905 г. по 1 сентября 1907 г. – С. 26.
- ¹²² ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1179. Л. 88 об.
- ¹²³ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1311. Л. 26.
- ¹²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1463. Л. 22.
- ¹²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1032. Л. 13.
- ¹²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1179. Л. 22, 24, 26, 34, 41 об, 97 об, 103; Д. 1233. Л. 9; Д. 1277. Л. 55, 64, Д. 1311. Л. 31, 34, 49, 50; Д. 1337. Л. 19; Д. 1405. Л. 18, 25, 47;

- Д. 1437. Л. 6, 8, 14, 16, 18, 23, 28, 31, 33, 52, 54; Д. 1463. Л. 8, 14, 24, 32, 34, 37; Д. 1485. Л. 11; Д. 1510. Л. 5, 9, 10, 11, 12, 14, 16; Д. 1533. Л. 4, 6, 16, 18, 20, 22; Д. 1575. Л. 14, 18.
- ¹²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1575. Л. 20.
- ¹²⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 176. Л. 50 об, 60 об; ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 177. Л. 185 об.
- ¹²⁹ *Цветаев И. В., Нечаев-Мальцов Ю. С.* И. В. Цветаев – Ю. С. Нечаев-Мальцов: переписка, 1897–1912 / Вступ. ст. М. Б. Аксененко; коммент. А. Н. Баранова, М. Б. Аксененко. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. – М.: Красная площадь, 2008. – Т. 4. – С. 263.
- ¹³⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 656. Л. 53
- ¹³¹ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1809. Л. 139, 140, 143, 137.
- ¹³² ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1746. Л. 4 об.
- ¹³³ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 399. Л. 75 об.
- ¹³⁴ Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 января 1905 г. по 1 сентября 1907 г. – С. 11.
- ¹³⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 180. Л. 35.
- ¹³⁶ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 11 об–12; Отчёт о деятельности Императорского Общества поощрения художеств с 1 сентября 1907 г. по 1 сентября 1908 г. – С. 15.
- ¹³⁷ Причислен к российским орденам в 1831 году, до этого только польский орден.
- ¹³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1591. Л. 3 об–4.
- ¹³⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 102 Б. Л. 105-106, 109-109 об.
- ¹⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 117. Д. 111. Л. 8, 9 об, 24.
- ¹⁴¹ Хроника // Архитектурно-художественный еженедельник. – 1916. – № 12. – С. 159.
- ¹⁴² ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 117. Д. 111. Л. 39.

Н. Б. ВЕТОШНИКОВА

(Санкт-Петербург)

БОТКИНЫ И НЕДЗВЕЦКИЕ: ПЕРЕСЕЧЕНИЯ СУДЕБ

Аннотация. Семьи Боткиных и Недзвецких были связаны друг с другом. Эти связи стали особенно тесными со времени знакомства в гимназии Любови Михайловны Боткиной и Ольги Конрадовны Недзвецкой. Отец Ольги К. В. Недзвецкий занимался утверждением завещания Е. Н. Боткиной в 1917 году. После революции семьи продолжали общаться. О. К. Недзвецкая, по мужу Самарина, до конца своей жизни ухаживала за могилой своей подруги.

Ключевые слова. Боткины, К. В. Недзвецкий, О. К. Недзвецкая (Самарина), Бекетовы.

N. B. VETOSHNIKOVA

(St. Petersburg)

BOTKINS AND NEDZVETSKY: CROSSINGS OF LIVES

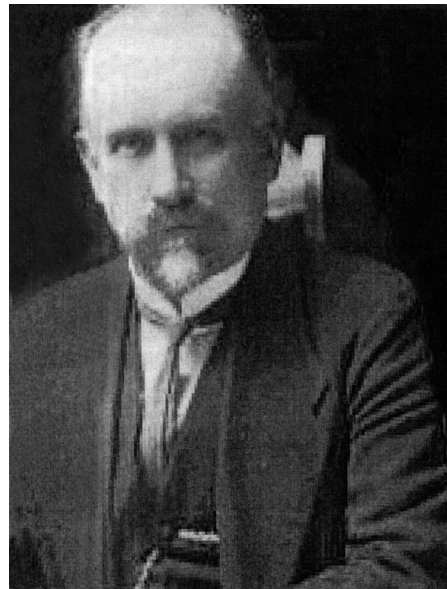
Abstract. Families of Botkins and Nedzvetsky were connected with each other. These ties have become especially close since they met Lyubov Mikhailovna Botkina and Olga Konradovna Nedzvetskaya at the gymnasium. Olga's father K. V. Nedzvetsky was engaged in the approval of the will of E. N. Botkina in 1917. After the revolution, families continued to communicate. O. K. Nedzvetskaya, after Samarin, took care of the grave of her friend until the end of her life.

Keywords. Botkins, K. V. Nedzvetsky, O. K. Nedzvetskaya (Samarina), Beketovs.

В далёкие уже для нас времена XVIII–XIX веков жила в России семья дворян Бекетовых, среди которых и сейчас известны имена братьев Бекетовых – академика-химика Николая Николаевича Бекетова¹, профессора-ботаника, в прошлом ректора Петербургского университета Андрея Николаевича Бекетова² и земского деятеля Пензенской губернии Алексея Николаевича Бекетова³, бывшего председателя Пензенской губернской управы. Сестра братьев Бекетовых, Екатерина Николаевна Бекетова, была замужем за полковником М. Н. Енишерловым, участником Севастопольской обороны в Крымской войне 1854–1855 годов. Дочь Енишерловых, Анна Михайловна, после смерти родителей воспитывалась сначала в семье дяди, Алексея Николаевича, в Пензе, а затем, после окончания Смольного института в Петербурге, в семье дяди Андрея Николаевича Бекетова, бывшего в то время ректором университета, у которого было четыре дочери. Одна из них, в замужестве Краснова⁴, была поэтессой. Известный романс С. Н. Рахманинова «Сирень» был написан

на её стихи. Вторая – Александра Андреевна, выйдя замуж за профессора университета А. Л. Блока, впоследствии стала матерью поэта А. А. Блока, творчеством которого серьезно занималась младшая из дочерей Андрея Николаевича Бекетова – Мария Андреевна. В ректорском доме, как писала Мария Андреевна, с самого начала сезона пошли субботние вечера, на которые собиралось иногда до ста человек студентов, и кое-кто из профессоров, не считая барышень и дам. Пили чай с бутербродами, фруктами и домашним вареньем – ни вина, ни ужина не полагалось по недостатку средств, но это не мешало очень весело проводить время. Внизу, у ректора, толковали о политике и обсуждали философские вопросы, наверху играли в “*petits jeux*”⁵, занимались музыкой, пением, танцами – об этом писала М. А. Бекетова в своей книге «Александр Блок»⁶.

На одном из таких вечеров племянница Андрея Николаевича – Анна Михайловна Енишерлова познакомилась со студентом-юристом Конрадом Викторовичем Недзвецким⁷ [ил. 1]. У неё было очень мелодичное сопрано, а он прекрасно играл на рояле и попросил однажды у неё разрешение аккомпанировать ей. Получив согласие, они исполнили несколько романсов и получили много аплодисментов. А вскоре после этого Конрад Викторович сделал Анне Михайловне предложение, как тогда говорили, руки и сердца. Оно было принято, и они поженились. Недзвецкий был одним из потомков поляков, высланных в Среднюю Азию после восстания Тадеуша Костюшко. Окончив гимназию в Кутаиси, где директрисой была одна из его тетушек, Конрад поступил в Петербургский университет на юридический факультет, затем стал присяжным поверенным. Первенец Недзвецких, Виктор, пошёл по стопам отца, и тоже впоследствии стал присяжным поверенным. Оставшись после революции в Литве, на границе с которой у Недзвецких было маленькое имение, завещанное им бабушкой, он какое-то время входил даже в состав литовского правительства. А после вхождения Прибалтийских государств в состав СССР члены их правительств были высланы за Урал. Обратно никто из них не вернулся.

Ил. 1. К. В. Недзвецкий. Распечатка фотопортрета. Собрание СПбГМИСР. Дар Н. Б. Ветошниковой

Ил. 2. Гимназические подруги последнего выпускного класса 1903/1904 учебного года гимназии А. А. Оболенской.

Переснимок с фотографии 1904 года.

Фотобумага, фотопечать. 22,7 × 15,2.

В верхнем ряду слева О. К. Недзвецкая, в центре Л. М. Боткина.

Собрание СПбГМИСР.

Дар Н. Б. Ветошниковой

Дочь К. В. Недзвецкого Ольга была очень одарённым человеком. Она стала учиться в известной гимназии княгини Оболенской, после окончания которой можно было поступать в высшие учебные заведения. В гимназии она училась вместе с Любой Боткиной и подружилась с ней. На одной из фотографий подруги и их одноклассницы запечатлены вместе с классной дамой [ил. 2]. Она бывала на разных музыкальных вечерах в доме семьи Боткиных. Сёстры Боткины тоже увлекались музыкой. Люба, например, хорошо играла на виолончели, Лена – на рояле. Устраивали домашние концерты.

После смерти Екатерины Никитичны Боткиной 29 мая 1917 года, именно отец подруги Л. М. Боткиной – Конрад Викторович Недзвецкий выступил в качестве присяжного поверенного по утверждению её духовного завещания. Документы по этому делу сейчас хранятся в Рукописном отделе Пушкинского дома⁸.

После окончания гимназии подруги поступили на Бестужевские курсы. Обе учились на историко-филологическом отделении. В начале Первой Мировой войны, окончив специальные сестринские курсы, Ольга Конрадовна отправилась на фронт в передвижной санитарный отряд, в котором служила Любовь Михайловна Боткина. Сохранилась фотография – Люба с Олей сидят за столом и заполняют истории болезней раненых⁹. Через какое-то время к поезду был прикомандирован новый хирург, которым оказался окончивший в 1912 году Военно-Медицинскую Академию Николай Николаевич Самарин. Люба стала ассистировать ему во время операций. Совместная работа их сблизила, они полюбили друг друга и в 1916 году поженились.

После окончания Мировой войны Николай Николаевич получил назначение в больницу города Ростова Великого. Там у них родилась дочка, которую называли Ириной. Работая в больнице, Николай Николаевич стал заниматься научной работой, послал результаты её в Петроградский госпиталь и получил приглашение на работу в Петроград. Так семья Самариных переехала в родной город. По пути у Любы случился приступ аппендицита, но она ничего не сказала мужу, продолжая нести на руках маленькую Ирочку. Его руки были заняты тяжелыми чемоданами. Вечером ей стало совсем плохо, пришлось вести в клинику. Оперировал её очень опытный хирург, приятель Николая Николаевича, В. М. Назаров, но у Любы уже началось заражение крови, и спасти её не удалось. У постели умирающей Любы Николай Николаевич познакомился с её подружкой по гимназии – Ольгой Конрадовной Недзвецкой. Общие заботы о маленькой Ирочке [ил. 3] сблизили их, и в 1921 году они поженились. На письменном столе Николая Николаевича всегда

Ил. 3. Юрий, Ольга Конрадовна, Ирочка и Николай Николаевич Самарины. Около 1923 года. Архив Н. Б. Ветошниковой

стояла фотография времён Мировой войны, на которой были сняты вместе Люба Боткина и Оля Недзвецкая. А Николай Николаевич, показывая фотографию всегда говорил: «Это мои две жены». По вечерам они вдвоём много работали: Ольга Конрадовна с листа переводила с английского, немецкого, французского языков работы, которые интересовали Николая Николаевича, помогая ему тем самым быть в курсе событий в хирургии за рубежом. Впоследствии Николай Николаевич стал крупным учёным-хирургом, профессором, членом-корреспондентом Академии медицинских наук, заведующим одной из хирургических клиник Ленинградского ГИДУВа (Государственного института для усовершенствования врачей).

Ил. 4. Могила Ирочки и Любови Михайловны Самариной-Боткиной на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге. Фотография Е. В. Бакалдиной, 4 июня 2015 года

Ольга Конрадовна Самарина долгое время, до 81-го года жизни, заведовала в Государственном институте усовершенствования врачей (далее ГИДУВ) кафедрой иностранных языков. Во второй половине 1930-х го-

дов там же в ГИДУВе работала преподавательницей французского языка Елизавета Михайловна Зеленская, урождённая Боткина. О. К. Самарина всегда с большой благодарностью вспоминала Е. М. Боткину-Зеленскую и других преподавателей кафедры, участвовавших в работе по созданию пособия-самоучителя немецкого языка для медиков, словарь к которому был составлен Зеленской¹⁰.

Во время Великой Отечественной войны Ольга Конрадовна вместе с мужем Н. Н. Самариным навещала сестёр Боткиных (Елену Михайловну Боткину и Елизавету Михайловну Зеленскую) в их квартире в особняке М. П. Боткина на Васильевском острове. В своих воспоминаниях о блокаде Н. Н. Самарин упоминал об этом¹¹.

И после войны Н. Н. и О. К. Самарины продолжали общаться с Е. М. Боткиной, в частности, в конце 1950-х годов Елена Михайловна бывала на их даче¹².

Дочь Любови Михайловны, урождённой Боткиной, и Николая Николаевича Самарина, Ирочка, умершая в 1925 году в пятилетнем возрасте, была захоронена на Смоленском православном кладбище в Ленинграде (Санкт-Петербурге), в могиле вместе со своей матерью. За этой могилой ухаживала Ольга Конрадовна Самарина-Недзвецкая, а после её кончины в 1972 году члены её семьи [ил. 4].

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Николай Николаевич Бекетов (1827—1911) – химик, физик, педагог, с 1877 года член-корреспондент Академии наук.
- ² Андрей Николаевич Бекетов (1825—1902) – ботаник, педагог, ректор Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент Академии наук.
- ³ Алексей Николаевич Бекетов (1824—1898) – общественный деятель Пензенской губернии.
- ⁴ Екатерина Андреевна Бекетова, в замужестве Краснова (1855—1892) – поэтесса, писательницы, переводчица.
- ⁵ С французского языка «маленькие (невинные) игры», непродолжительные по времени подвижные развлечения между танцами и музыкой.
- ⁶ Бекетова М. А. Александр Блок. – Akademia, 1929. – 2 изд.
- ⁷ Конрад Викторович Недзвецкий (1855–1940) – юрист, присяжный поверенный.
- ⁸ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 151.
- ⁹ Фотография напечатана в ст.: Ветошникова Н. Б. О семье Самариных и их архивах // Исторические Боткинские чтения: Вып. I. – СПб.: СПбГМИСР, 2017. – С. 20.
- ¹⁰ Шураев А. И., Ветошникова Н. Б. Николай Николаевич Самарин: жизнь и деятельность / Николай Николаевич и Ольга Конрадовна Самарины. – СПб.: Издательский дом СПбМАПО, 2005. – С. 46.
- ¹¹ Самарин Н. Н. В окружённом Ленинграде (записки хирурга) // История Петербурга. – 2011. – № 2 (60) – С. 93.
- ¹² О этом см. ст. : Ветошникова Н. Б. Две встречи с Еленой Михайловной Боткиной // Исторические Боткинские чтения: Вып. II. – СПб.: СПбГМИСР, 2019. – С. 181–184.

III

БОТКИНСКИЕ

АДРЕСА

Т. Ю. БРОВКИНА

*(Музей Императорской Николаевской
Царскосельской гимназии; Санкт-Петербург)*

ЦАРСКОЕ СЕЛО И НИКОЛАЕВСКАЯ ГИМНАЗИЯ В ЖИЗНИ СЕМЬИ БОТКИНЫХ

Аннотация. В статье прослеживаются связи семьи Боткиных с Царским Селом и его жителями, связанными с Императорской Николаевской Царскосельской гимназией, в которой учились сыновья Лейб-медика Е. С. Боткина, а он сам состоял Председателем Родительского комитета.

Ключевые слова. Боткины, Царское Село, Николаевская гимназия.

T. Y. BROVKINA

(Museum of Imperial Nikolas Gymnasium in Tsarskoye Selo; St. Petersburg)

TSARSKOYE SELO AND NILOLAYEVSKAYA GYMNASIUM IN THE LIFE OF THE BOTKIN FAMILY

Abstract. The article traces the relations of the Botkin family with Tsarskoye Selo and its residents, associated with the Imperial Nikolas Gymnasium in Tsarskoye Selo. The sons of the Medic in ordinary to the tzar E. S. Botkin graduated from the gymnasium and he himself was a Chairman of the Parents' Committee.

Keywords. Botkin, Tsarskoye Selo, Nikolas gymnasium.

Продолжая рассказ о связях Боткиных с Царским Селом и Николаевской гимназией¹, нельзя пройти мимо одной истории, связанной с так называемой «художественной колонией» Царского Села. Дорога на Москву существовала в этой местности ещё до оформления города как императорской резиденции. А на нынешнем месте она появилась благодаря усилиям монаршей хозяйки Царского Села – Екатерины II. У левой и правой части шоссе очень разные истории, не только по назначению, но и по времени развития. Более ранняя – левая часть трассы, вдоль которой, по Указу Екатерины Великой, в конце XVIII века появилась и стала развиваться Фриденвальская колония для приезжих немцев-ремесленников. Правая же часть шоссе исторически прилегала к большому парку, названному Отдельным или Нижним. Так сложилось, что когда в середине XVIII века эту часть шоссе начали застраивать дачами, то на ней образовалась своеобразная художественная колония, дачевладельцами в которой были художники и скульпторы. Им предоставили места для постройки дач и художественных мастерских². Здесь жили профессор исторической живописи

Михаил Николаевич Васильев, и отец его супруги – академик портретной живописи Кирилл Антонович Горбунов, проживавший тут до своей смерти. Построил себе дачу здесь и классный художник Михаил Васильевич Харламов. На шоссе до сей поры существует дача художника и выдающегося педагога Академии художеств Павла Петровича Чистякова, соучеником которого по Академии художеств был **Михаил Петрович Боткин**³. Сыграла семья Боткиных свою роль и в судьбе будущего академика живописи Кирилла Горбунова.

Ил. 1. К. А. Горбунов. Фотография 1880-х годов.

Воспроизведена по кн.: *Булгаков Ф. И.* Наши художники (Живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры) на академических выставках последнего 25-летия. Биографии, портреты художников и снимки с их произведений. – СПб.: типография А. С. Суворина, 1889. – Т. 1. – С. 117.

Кирилл Антонович Горбунов (1822—1893, Царское Село) [ил. 1] родился в семье дворового крепостного человека помещицы Владыкиной. В 1834 году был отправлен в Москву для обучения ремеслу. Здесь, в доме Владыкиных, встречается с В. Г. Белинским, сыгравшим большую роль в его судьбе.

Первоначальное художественное образование Горбунов получил в Московском художественном классе под руководством братьев Василия и Алексея Добровольских, Ивана Дурнова и Карла Рабуса. Московский художественный класс был весьма любопытным учреждением. Созданный художниками-любителями из Высшего московского общества с целью

приятного времяпровождения, класс под влиянием декабриста М. Ф. Орлова постепенно совершенно изменил свое лицо и превратился в школу, которая ставила своей целью дать художественное образование талантам из народа, «ибо [как писал М. Ф. Орлов] сколько людей, рождённых для художества, остаётся без всякого образования и здесь и в отдалённых частях России, не имея средств предпринять путешествие в С.-Петербург и испытать свои силы и усердие»⁴.

Основную массу учеников Художественного класса составляли крепостные, так как учредители его имели право записать в класс для бесплатного обучения двух учеников, свободного или крепостного состояния. Этой возможностью почти все члены поспешили воспользоваться для определения туда своих крепостных. Жизнь этих учеников была весьма безрадостная. Даже московский военный генерал-губернатор, князь Голицын, должен был засвидетельствовать, что в Художественном классе учатся молодые люди «часто без одежды, без обуви и без пропитания»⁵. Но, несмотря на все невзгоды, ученики, и как раз крепостные, делали большие успехи.

Горбунов так же быстро выдвинулся своими успехами, и вскоре после его поступления работа молодого художника «Старуха с девочкой» была послана вместе с другими лучшими ученическими работами в Императорскую Академию художеств. Вскоре Горбунов сблизился с группой передовой московской молодёжи. Особенно близко сошёлся он с **Василием Петровичем Боткиным** (1811—1869)⁶, а также с Белинским, которого, вероятно, знал ещё до приезда в Москву, так как помещица Л. С. Владыкина находилось с семейством критика в родственных отношениях.

Белинский вскоре оставил Москву и переехал в Петербург. Он ведёт живую и деятельную переписку с Василием Боткиным и почти в каждом письме вспоминает Кирюшу, то есть Горбунова. Последний рвётся в Петербург, мечтая о получении отпускной и о поступлении в Академию художеств. Его работы уже обращают на себя внимание. В Москву приезжает Н. В. Гоголь. Василий Боткин знакомит молодого художника с Гоголем, и дальше Боткин принимает самое живое и непосредственное участие в жизни молодого талантливого художника. Скоро (31 марта 1841 года) для молодого художника была получена вольная.

Горбунов немедленно поступил вольноприходящим учеником в Академию художеств. Его принял в свою мастерскую Карл Брюллов, и молодой художник сразу выдвинулся в число лучших учеников. За этюд в октябре 1842 года он получил второй номер, а вскоре и две серебряные медали. В 1846 году Горбунов получил звание свободного (неклассного) художника. В 1851 году, в возрасте 29 лет, Горбунов получил звание Академика портретной живописи. Теперь он самостоятельный, независимый человек и признанный художник, на которого такие люди, как Белинский

и Герцен, возлагают большие надежды. Но как это случилось со многими художниками, бывшими крепостными, Горбунов не оправдал тех больших надежд, которые возлагались на него как на художника. Слишком много сил и энергии, по-видимому, было потрачено им на то, чтобы вырваться из неволи, и ему не хватило жизненной энергии, чтобы завоевать себе достойное место на художественном поприще. По окончании Академии и по получении звания академика Горбунов поступил учителем рисования в Смольный институт и на этой скромной должности оставался почти до своей смерти. Также преподавал в Александровском училище и частных учебных заведениях.

Поселился же Горбунов со временем на Московском шоссе Царского Села, где прожил до конца своих дней. Известный литературовед-царскосёл Э. Ф. Голлербах писал: «Если в Царском – Детском – Пушкине перманентно пребывал литературный Парнас, то на Московском шоссе расположился уголок художников, начавший своё существование с дачи К. А. Горбунова»⁷. Кирилл Антонович Горбунов скончался 8 ноября 1893 года и был похоронен на Казанском кладбище Царского Села⁸.

Кирилл Антонович смог передать детям свой талант – четверо детей связаны с искусством. Его второй сын, Николай Кириллович Горбунов (1857—1918), стал неклассным художником, и три года (1903—1906) преподавал рисование и чистописание, и служил художником в Николаевской гимназии⁹.

Дочь художника, Наталья Кирилловна вышла замуж за художника религиозной живописи Михаила Николаевича Васильева (1830—1900), который создавал образы для Рождественского гимназического храма. Сын художника, Николай Михайлович Васильев (1877—?), – выпускник Николаевской гимназии 1897 года. На выпускном акте 1 июня 1897 года директор гимназии И. Ф. Анненский поблагодарил выпуск Николая за икону, которая была ими подарена гимназической церкви. Икону написал М. Н. Васильев¹⁰.

Выпускники Николаевской гимназии связаны не только с художниками из семьи Боткиных, но, в первую очередь, с её представителями-медиками. Выпускник гимназии 1900 года, **Иван Иванович Манухин** (1882—1958), стал выдающимся врачом-иммунологом [ил. 2].

Специализировался по иммунологии Иван Манухин у профессора **Сергея Сергеевича Боткина**¹¹. В своих воспоминаниях он пишет, что *«до весны 1911 года, когда я уехал за границу, я был врачом Московского Художественного театра. Круг моих “художественных” пациентов всё расширялся, и когда зимой 1910-го года С. С. Боткин умер, я занял его место. Расставаясь со мною, театр подарил мне на память золотые часы с изображением на крышке чайки и с надписью “И. И. Манухину Московский Художественный театр”»*. В 1920-е годы врач был вынужден покинуть

Ил. 2. И. И. Манухин.
Фотография 1900 года.
Собрание МНГ

Ил. 3. Г. А. Ивашенцов.
Фотография 1901 года.
Архив семьи Ивашенцовых

Россию и эмигрировать во Францию. После его смерти, в США, в 3-х номерах «Нового журнала» были опубликованы воспоминания Манухина о русской революции, о его учителях С. С. Боткине, И. И. Мечникове и о Максиме Горьком, которого Манухин вылечил от туберкулёза¹².

Другой известный врач, выпускник Николаевской гимназии, чья жизнь оказалась тесно связанной с фамилией Боткиных, – **Глеб Александрович Ивашенцов** (1883—1933), дворянин, выдающийся врач-инфекционист [ил. 3]. Он окончил Николаевскую гимназию с серебряной медалью на следующий (1901) год после Ивана Манухина. По окончании гимназии Глеб поступил в Императорскую Военно-медицинскую академию, которую блестяще закончил в 1907 году. Он принял участие в событиях 1905 года, за что не был допущен к ординатуре в ВМА, он оставил военную службу и поступил экстерном в Мужскую Обуховскую больницу, главным доктором которой был Александр Афанасьевич Нечаев – известный терапевт, ученик С. П. Боткина.

После революции Ивашенцов становится известным деятелем здравоохранения новой советской России, он стал одним из инициаторов создания службы Скорой помощи в Петрограде в феврале 1917 года. В июле 1922 года Ивашенцова избирают главным врачом инфекционной больницы им. С. П. Боткина, бывшей до революции лучшим инфекционным стационаром Европы¹³. В 1926 году по инициативе Г. А. Ивашенцова был объ-

явлен конкурс проектов реконструкции больницы. По его замыслу, она должна была превратиться в институт инфекционных болезней с благоустроенными клиниками, оснащёнными лабораториями и аудиториями, с особыми палатами для изоляции острозаразных больных. Глеб Александрович стремился к тому, чтобы новые корпуса строились с учётом зарубежного опыта, для этой цели в 1928 году он осуществил заграничную ознакомительную поездку. Не всё из задуманного удалось ему осуществить, к концу 1933 года, который оказался последним в жизни Глеба Александровича, было введено в эксплуатацию девять зданий (позднее, в 1935–1939 годах, было построено ещё три павильона). Возглавляемая им больница им. С. П. Боткина вновь обрела былую славу центра изучения инфекционных заболеваний. Вся жизнь Ивашенцова была посвящена этой больнице.

В 1933 году, 3 декабря, Глеб Александрович, торопившийся из больницы на научное заседание, при не до конца ясных обстоятельствах был сбит автомобилем на Невском проспекте. В результате этого он получил тяжёлые травмы и 9 декабря 1933 года скончался. Его сын Владимир принял участие в написании книги об отце¹⁴. Экземпляр этой книги из домашней библиотеки Ивашенцовых потомки врача передали Музею Николаевской гимназии.

Ил. 4. Г. Н. Кирилин.

Фотография 1910-х годов.

Архив Н. Корзун, копия передана в собрание МНГ

Ещё один царскосёл, связанный с Николаевской гимназией, неоднократно встречается в воспоминаниях **Татьяны Мельник-Боткиной** – это **Глеб Николаевич Кирилин** (1895—1920) [ил. 4]. Кирилины были связаны родством с семьёй старосты Рождественской гимназической церкви Дмитрием Абрамовичем Уконониным (1847—1903)¹⁵, состоявшим в этой должности 30 с лишним лет. Очевидно поэтому практически все значимые события в жизни Кирилиных проходили в этом храме. Здесь Кирилины крестили всех своих сыновей, в том числе, в 1895 году младшего сына Глеба¹⁶.

Татьяна Мельник-Боткина пишет о нём: *«Так же, как у Георгиевских, много молодёжи бывало и у Комстадиусов, с которыми мы познакомились в Крыму. Я предпочитала бывать у них – там было много лоску, занимательнее и не столь суетливо, как у более провинциальных (по сравнению с Комстадиусами) Георгиевских. Однако несмотря ни на что у последних мы бывали часто, где среди прочих встречали обоих братьев Озеровых и трёх братьев Кириллиных. И вот теперь они-то и бежали за мной. Красивый Глеб Кириллин догнал меня первым и засыпал комплиментами. “Изумительно, – сказал он мне, как светский молодой человек, – прекрасно! В следующий раз, когда вы будете играть, я буду вам особенно аплодировать!” Я удовлетворилась тем, что глупо посмотрела на него, не ответив. “Где ваше пальто? Вы позволите?” – он взял моё пальто, и я уже подошла к нему, как вдруг отец, занятый до тех пор раздачей чаевых гардеробщикам, внезапно повернулся к нам и взял его из рук смущённого Кириллина. <...> ... Во время вечеринки у Георгиевских, где я не была из-за своей вечной ангины, Глеб Кириллин потушил свет, мальчики сняли свои перчатки, и по желанию партнерш бал продолжался в темноте. Девушки дрожали от контакта с голыми руками партнёров. Узнав об этом, я не могла успокоиться: такое неприличное поведение выводило меня из себя... <...> А война, как и раньше, приносила бесконечную цепочку траурных известий. Глеб Кириллин, который подавал мне пальто после моего первого успеха на сцене, попал в плен, два его брата погибли...»¹⁷*. Глеб окончил Пажеский корпус. Как и его старшие братья, служил в 1-м Стрелковом Его Императорского Величества полку в Царском Селе. Участник Первой мировой войны. Расстрелян в Холмогорах в 1920 году.

Упомянутые Татьяной Евгеньевной Боткиной Георгиевские – это семья сенатора Павла Ивановича Георгиевского (1857—1938), жившая в Царском Селе. Его сын, Иван Павлович Георгиевский – «золотой» выпускник Николаевской гимназии 1916 года¹⁸, он учился в гимназии в одно время с Глебом Боткиным, но был его на два класса старше.

И ещё одно краткое, но очень характерное, упоминание о семье Евгения Сергеевича Боткина в воспоминаниях известной царскосёлки, писательницы и общественницы **Лидии Ивановны Веселитской-Микулич**

(1857—1936)¹⁹. Лидия Ивановна опекала выпускника Николаевской гимназии 1907 года Якова Михайловича Меньшикова (1888—1953), старшего, внебрачного сына известного публициста М. О. Меньшикова (1859—1918), фактически заменив Якову мать.

В 1915 году, когда шла Первая мировая война, и в Петрограде и Царском Селе, да и по всей стране, свирепствовал голод, в воспоминаниях Веселитская-Микулич пишет²⁰: «А **Евгений Сергеевич Боткин** прислал мне на кулич изрядный запас муки... Вскоре общение прекратилось. Они исчезли, куда?». Сейчас, увы, хорошо известно, куда исчезли Боткины²¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. ст.: *Ганф Т. И., Бровкина Т. Ю.* Адреса Боткиных в Царском Селе // Исторические Боткинские чтения: Вып. 2. — СПб.: издание СПбГМИСР, 2019. — С. 210—226.
- ² Подробнее об истории Московского шоссе см.: *Семенова Г. В.* Царское Село: знакомое и незнакомое. — М.: ЦентрПолиграф, 2009; *Груздева А. Г., Чурилова Е. Б.* Историческая застройка Московского шоссе в Отдельном парке Царского Села. — СПб., 2005. — С. 11.
- ³ Там же.
- ⁴ Здесь и далее сведения о судьбе К. А. Горбунова до его приезда в Царское Село цит. по статье: *Беккер И. К.* А. Горбунов и его портрет Лермонтова // М. Ю. Лермонтов / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). — М.: изд-во АН СССР, 1948. — Кн. II. — С. 776—781. (Литературное наследство. — Т. 45/46).
- ⁵ Там же. — С. 776.
- ⁶ Год рождения приведён по старому стилю.
- ⁷ *Головчинер Е. М.* Истоки Пушкинского краеведения. — СПб.: Серебряный век, 2005.
- ⁸ Царскосельский некрополь / Под редакцией Давыдовой Н. А., Груздевой Г. Ф. — СПб.: Серебряный век, 2014. — С. 187.
- ⁹ Краткий отчёт об Императорской Николаевской Царскосельской гимназии за последние XV лет её существования: (1896—1911). — СПб., 1912. — С. 44.
- ¹⁰ Сведения об Императорской Николаевской гимназии. 1896—1897 учебный год. — СПб., 1897. — Приложения. — С. 29.
- ¹¹ Жизнь и призвание доктора И. И. Манухина: [сборник / сост. и подгот. текста: А. В. Говядинов; предисл. Т. И. Ульянкиной]. — М.: Русский путь, 2015. — 552 с., ил. — С. 76—82.
- ¹² *Манухин И. И.* Воспоминания о 1917—1918 гг. // Новый журнал. — 1958. — № 54; 1963. — № 73; 1967. — № 86.
- ¹³ *Фигурина М. М.* Ленинградская инфекционная больница им. С. П. Боткина, 1882—1961. — Л., 1961.
- ¹⁴ Г. А. Ивашенцов (очерк жизни и деятельности) 1883—1933. Сборник / Под ред. действ. члена АМН СССР М. Д. Тушинского. — Л.: Медгиз, 1961.
- ¹⁵ Подробнее о семье Уконовых см.: *Бровкина Т. Ю.* Обойная фабрика Уконова // Царскосельский краеведческий сборник. Вып. II. — СПб.: Genio Loci, 2013. — С. 125—131.
- ¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 445. Л. 215. Сведения о крещении.
- ¹⁷ *Боткина Т. Е.* Воспоминания о Царской семье // Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина / Ред. К. Мельник, Е. Мельник. — СПб.: Царское дело, 2010. — С. 165, 190—191, 300.

- ¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 15489. Л. 12. Сведения о выпускниках 1916 года.
- ¹⁹ Лидия Ивановна Веселитская-Микулич, в замужестве Чернавина, псевдоним В. Микулич – дворянка, русская писательница, мемуарист, переводчица, жила и скончалась в Детском Селе. Подробнее о ней см. в электр. публикации Музея Николаевской гимназии: <https://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/istorija-carskogo-sela-v-licah-veselitskaja-mikulich-lidija-ivanovna-1857-1936.html> (дата обращения: декабрь 2019 года).
- ²⁰ РО ИРЛИ РАН. Ф. 44. Ед. хр. 1. Автобиография Л. И. Веселитской-Микулич. Л. 543.
- ²¹ Подробнее о жизни семьи Е. С. Боткина в Царском Селе и его сыновьях см. в ст.: Бровкина Т. Ю. Сыновья доктора Е. С. Боткина – гимназисты Императорской Николаевской Царскосельской гимназии // Исторические Боткинские чтения: Вып. 1. – СПб.: издание СПбГМИСР, 2017. – С. 210–221.

Е. В. БАКАЛДИНА

(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

НОВО-ТАВОЛЖАНСКИЙ СВЕКЛОСАХАРНЫЙ ЗАВОД БОТКИНЫХ

Аннотация. Купленный Боткиными в 1882 году свеклосахарный завод, был несколько раз ими перестроен. Со временем он стал одним из передовых заводов своего времени, выпускавшим товар высокого качества, за который получал медали на всероссийских и всемирных выставках. При заводе была создана инфраструктура: открыта школа, больница и другие учреждения. Несмотря на продажу завода в 1915 году, он сохранил имя «завод Боткиных».

Ключевые слова. Боткины, свеклосахарный завод, Ново-Таволжанка, товарищество.

E. V. BAKALDINA

(The St. Petersburg Roerich family Museum and Institute; St. Petersburg)

BOTKIN'S NOVO-TAVOLZHAN BEET SUGAR FACTORY

Abstract. In 1882, the beet sugar factory in Novo-Tavolzhanka was bought by the family of Botkin, then it was rebuilt several times. Over time, factory became one of the leading factories of his time, producing high-quality goods, for which he received medals at national and international exhibitions. There was infrastructure was created at the plant: a school, a hospital and other institutions were opened. Despite the sale of the factory in 1915, he retained the name "Botkin's factory".

Keywords. Botkin, beet sugar factory, Novo-Tavolzhanka, partnership.

Дмитрий Петрович Боткин ещё в 1859 году говорил о необходимости заняться торговлей сахаром¹. В 1872 году фирма «Петра Боткина сыновья» наряду с другими фирмами² учредила Товарищество Московского рафинадного завода³. И только в 1882 году, 13 декабря⁴ в Белгородском уезде Курской губернии чаеоторговой фирмой «Петра Боткина сыновья» был куплен построенный в 1856 году свеклосахарный завод господина Жуковского, который был сломан и отстроен заново [ил. 1]. В первый же год затраты Боткиных по реконструкции завода составили 60 000 рублей⁵.

А.А. Фет так рассказывал о деятельности Д.П. Боткина: «Со свойственным ему увлечением, Дмитрий Петрович исключительно на себя принял устройство и ведение дела Ново-Таволжанского сахарного завода,

который довёл до блестящего положения... Неурожай свекловицы и громадные затраты на постройку завода по усовершенствованным образцам не удержали Дмитрия Петровича на трудном и новом для него поприще. Напротив, появилась больница на двадцать кроватей с доктором и фельдшерницей во главе; появилась сельская школа, получившая в настоящее время название церковно-приходской, с содержанием и жалованием учителя на средства заводской конторы. В течение шести лет, при неусыпных заботах со стороны покойного [Д. П. Боткина], слова почтенного отца Михаила касательно приумножения благосостояния окрестных крестьян блистательно оправдались»⁶.

Ил. 1. Свеклосахарный завод Боткиных. Воспроизведена по кн.: Описание имения высочайше утвержденного Товарищества Ново-Таволжанского свеклосахарного завода Боткиных. 1, 2, Экономическое хозяйство. Свеклосахарный завод. 1896 год. – Киев: тип. С. В. Кульженко, 1896. – Ил. 1

Таким образом, после реконструкции, осуществлённой сразу после покупки завода, он был открыт через три года, в 1885 году⁷; как подчёркивали Боткины, «с соблюдением всех новейших требований свеклосахарной промышленности»⁸. После смерти Д. П. Боткина, одного из двух владельцев семейных фирм «Петра Боткина сыновья» и «Свеклосахарного завода Боткиных», было решено провести реорганизацию обеих фирм. Как вспоминает С. Д. Боткин, «всё дело, находившееся раньше во владении моего отца и дяди Петра Петровича Боткина, разделилось на много частей, и было превращено в Товарищество на паях»⁹.

Завод в 1890 году был превращён в «Товарищество Ново-Таволжанского свеклосахарного завода Боткиных»; 23 июня того же года был

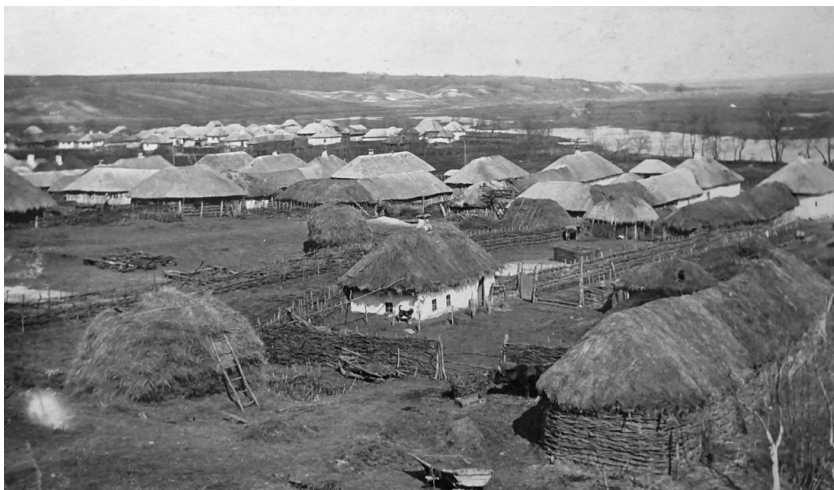
утверждён устав товарищества¹⁰. Согласно уставу учредителями Товарищества стали: Пётр Петрович Боткин, его жена Надежда Кондратьевна Боткина, Михаил Петрович Боткин, Пётр Дмитриевич Боткин, Сергей Дмитриевич Боткин, Анна Петровна Боткина, Надежда Петровна Остроухова, урождённая Боткина, Вера Петровна Гучкова, урождённая Боткина, и Елизавета Дмитриевна Дункер, урождённая Боткина (во втором браке Щукина)¹¹. Постепенно в товарищество вошли и другие члены семьи Боткиных: Николай Иванович Гучков, муж Веры Петровны Боткиной, Илья Семёнович Остроухов, муж Надежды Петровны Боткиной, Любовь Николаевна, Софья Николаевна, Вера Николаевна, Пётр Николаевич, Надежда Николаевна, Николай Николаевич Гучковы, внуки П. П. Боткина, Геннадий Геннадьевич Карпов, муж внучки П. П. Боткина Веры Гучковой, Дмитрий Петрович Боткин (младший), Нина Евгеньевна Боткина¹², Александр Иванович Иост, муж внучки П. К. Боткина – Ольги, урождённой Щукиной¹³, Анастасия Сергеевна Бородулина, дочь С. П. Боткина, Софья Михайловна Боткина, жена П. Д. Боткина, Анна Ефимовна Боткина, жена В. П. Боткина, Борис Сергеевич Боткин, Софья Сергеевна Боткина, Нина Сергеевна Боткина, Михаил Владимирович Боткин, Екатерина Михайловна фон Энден, дочь М. П. Боткина¹⁴.

Основным капиталом в 1890 году был 1 200 000 рублей, поделённый на 1200 паёв в 1000 рублей¹⁵. В 1909 году капитал был увеличен до 1 800 000 рублей посредством выпуска дополнительных 600 паёв¹⁶, в 1911 году – до 2 400 000 рублей (дополнительно выпущено ещё 600 паёв)¹⁷, в 1916 году – до 3 000 000 рублей (напечатано ещё 600 паёв)¹⁸.

Управление Товариществом принадлежало правлению, располагавшемуся *«в Москве и состоящему из трёх директоров, избираемых общим собранием владельцев паёв из среды своей на три года»; «для замещения кого либо из директоров на время продолжительной отлучки или болезни, а равно в случае смерти или выбытия директора до срока»* избирались два кандидата¹⁹. Для заведования делами избирался директор–распорядитель, а для проверки отчёта и баланса – ревизионная комиссия²⁰.

Директорами-распорядителями в первое время были Пётр Петрович Боткин и Пётр Дмитриевич Боткин. Директорами в разное время были: П. П. Боткин, М. П. Боткин, П. Д. Боткин, И. С. Остроухов, Н. И. Гучков, Г. Карпов²¹. Кандидатами и членами ревизионной комиссии были также представители семьи Боткиных²²: И. С. Остроухов, Е. Д. Щукина, урождённая Боткина, в первом браке Дункер, Д. П. Боткин, С. Д. Боткин, К. Г. Дункер (муж Е. Д. Боткиной), В. П. Гучкова, урождённая Боткина, Н. П. Остроухова, урождённая Боткина. Сергей Дмитриевич Боткин пишет в своих воспоминаниях, что он *«даже стремился стать во главе Ново-Таволжанского свеклосахарного завода и связанного с ним громадного (около 10 тысяч десятин), интенсивного сельскохозяйственного предприятия. Меня смуща-*

ло, однако то, что я был только в малых частях его хозяином»²³. Его дяди Пётр и Михаил Петровичи Боткины также хотели, чтобы он продолжил семейное дело: «Жаль, что Серёжа не пошёл по торговому пути, право лучше, чем сидеть в канцелярии. Я сильно его уговаривал, но он, по-видимому, желания не имел»²⁴. Однако С. Д. Боткин выбрал дипломатическую службу.

Ил. 2. Экономия «Напрасное». Фотография 16 марта 1913 года. Архив
О. И. Дёмушкиной, праправнучки П. П. Боткина

Хотя изначально Товарищество свеклосахарного завода Боткиных было только семейным предприятием, постепенно в управление продвинулись и другие лица. Например, директор Адольф Львович Форштетер²⁵, бухгалтеры Е. Дружинин²⁶, С. Туманов²⁷ и А. А. Клементьев²⁸, члены ревизионной комиссии С. М. Дуплев и Ф. Н. Замыслов²⁹.

Во главе завода находился директор, а во главе управления экономическим хозяйством – управляющий³⁰; оба управляли по доверенности правления³¹. Имение состояло из отдельных хуторов, находившихся вблизи завода³². Изначально экономий было девять: Таволжанская, Плетнёвская, Тихохуторская, Напрасненская [ил. 2], Графовская, Ивановская, Недоступовская, Толкачевская, Вергелевская³³. Затем последние пять были заменены Шаминской, Нечаевской, Солнцевской, Чаусовской, Екатерининской экономиями и Центральным Двором³⁴. К 1916 году не было Плетнёвской и Чаусовской экономий, а также Центрального Двора, но появилась Литвиновская экономия³⁵. В Солнцевске располагался «наш лошадный завод», в котором было 170 голов лошадей³⁶.

В 1901 году директором завода был Эмилий Рудольфович Карлсон³⁷, бухгалтером Николай Алексеевич Шелапутин³⁸. В 1914 году завод возглав-

лял В. И. Тихонов, вице-директором и механиком был Милютенко, старшим химиком – С. К. Максимович, помощником директора – Ф. О. Гартвиг и К. Ф. Добржанский, бухгалтером – И. М. Пантелеев, кассиром – А. С. Гребеньков, инспектором плантаций – А. А. Клементьев³⁹.

Про управляющего имением, Александра Ивановича Иоста⁴⁰, свойственника семьи, женатого на Ольге Ивановне Шукиной, внучке П. К. Боткина, также вспоминал С. Д. Боткин: *«Постановкой хозяйства в Таволжанке и его культурностью мне хочется похвастаться. Организатором этого хозяйства был в своё время Александр Иост, по происхождению швейцарец. До Таволжанки он был много лет управляющим у Фета и своим продолжительным общением, как с Фетом, Толстым и другими посетителями Воробьёвки, приобрёл соответствующую общую культуру кроме своих специальных познаний. <...> Севооборот в нашем имении был девятипольный с самыми усовершенствованными машинами, сеялки рядовые и для некоторых посевов с минеральными удобрениями, жатки со сноповязалками, конечно, молотилки со всякими принадлежностями. На обработку земли было обращено особое внимание, и пахота производилась согласно качеству почвы. Для семенного хозяйства была создана специальная опытная станция, а в свекловичных посадках определялась сахаристость. Все неудобные для культуры места, а таких у нас имелось много, засаживались соснами. В отдельных хуторах были разбиты обширные яблоневые сады, что было сравнительно довольно новое предприятие, но уже давшее хорошие результаты. Для получения возможно большого навоза было более 200 стойл, куда периодически в течение зимы пригонялся скот для откармливания свеклосахарным кормом. Помещение для скота и свиней были с цементным полом со специальным стоком для жидкости и все помещения освещались электричеством. Опыты с тракторами были в те времена не удачны и поэтому временно (в 1914 году) отставлены. Все хутора были соединены собственными телефонами»*⁴¹. Александр Иост был автором нескольких трудов по сельскому хозяйству⁴². Главному управляющему в имении помогали два помощника и заведующие каждой экономией с их помощниками (приказчиками)⁴³.

Как уже видно из воспоминаний Сергея Боткина, хозяйство экономий Боткиных было передовым. В справочнике о русских хозяйствах оговаривался севооборот экономий, который в основном был четырёхпольным (пар, озимые, сахарная свекловица и яровые), а в одной из экономий использовался даже девятипольный оборот (удобрённый пар, озимые, сахарная свекловица, яровые, пар с зеленым удобрением, сахарная свекловица, яровые, чёрный пар, сахарная свекловица)⁴⁴. Для *«улучшения сортов свекловицы и вообще сельскохозяйственных растений с будущего 1888 года организуются опытные поля под руководством профессора Харьковского Университета А. Е. Зайкевича»*⁴⁵. Впоследствии, в 1896 году,

заведующим опытными полями стал Г. Гаркушенко, а селекцию проводили Я. Федоренко и Б. Бобин⁴⁶. В 1896 году увидела свет книга об образцах пшеницы, выращенной в имении товарищества Боткиных⁴⁷.

В переписке Боткиных часто встречаются упоминания о Ново-Таволжанке. В частности, о сельскохозяйственных проблемах, о периодической засухе⁴⁸, о хозяйственных вопросах (оставлять про запас пшеницу или её продавать)⁴⁹.

М. П. Боткин, чаще других из Боткиных бывавший в Ново-Таволжанке, пишет брату Петру 12 сентября 1898 года: *«Завод в полном ходу – всё приведено в порядок – все машины выкрашены, новые центрифуги действуют прекрасно, сберегают сахар и в будущем топливо, так как они должны будут приводиться в движение электричеством. Очень жаль, что ещё не готова эта турбина. Здание около мельницы ещё не подведено под крышу. [Пётр Васильевич] Пустынский говорит, что в ноябре будет всё готово и что вся задержка вышла от того, что машины поздно привезли»*⁵⁰.

Вопрос о работе завода и экономии неоднократно обсуждался в управлении товарищества. Так, И. С. Остроухов в 1901 году говорил об их положении: *«В идеально поставленном хозяйстве дело заводское должно идти впереди экономического. А у нас наблюдается явление обратное. Завод наш не должен бояться больших размеров урожая своей экономии. Он должен всегда быть готовым <...> Если экономия радуется на хороший урожай – завод плачет, бьётся с урожаем из последних сил, затягивает производство в таких случаях <...> Выход из этого только один: усилить завод»*⁵¹. Таким образом, было решено сделать ещё одну реконструкцию завода, которая завершилась в 1904 году, когда был осуществлён перенос завода *«на новое место на левом песчаном берегу реки Северный Донец»*, и поскольку правый берег был низменный, это приводило к потере при хранении свекловицы и каменного угля⁵². При перестройке завода очень пригодились связи М. П. Боткина, который был членом Первого Российского страхового общества⁵³, *«Сегодня пишу Александру Ивановичу Иосту относительно завода, если будут хотя бы небольшие пристройки для рафинадной, то её необходимо изолировать от песочного производства, иначе страховые общества будут брать увеличенную премию, меня об этом предупредили в нашем страховом обществе»*⁵⁴.

О результате реорганизации М. П. Боткин рассказывал в письмах брату Петру: *«Вчера целый день провёл в Таволжанке вместе с Серёжей, осматривали все новые поделки, на заводе их порядочно, работают усердно и надеются 10 сентября пустить в ход. Казармы для служащих вышли очень хорошо»*⁵⁵ и *«Вчера освятили наш Завод. Торжество было большое очень трогательное, всем была предложена трапеза, народу было много, за большим столом более ста человек, затем были столы для рабочих, в школе, <...> и на открытом воздухе. Во время обеда пришли таволжан-*

ские крестьяне с хлебом, солью <...> Мы отпраздновали отлично между своими, и даже музыка была из Волчанска»⁵⁶.

Небольшие перестройки произошли в 1908 году, когда была переделана первая сатурация⁵⁷.

В 1912 году имение состояло из 4 392 десятин собственной земли и 3 126 арендуемых десятин⁵⁸. Учитывая то, что в 1882 году, при покупке, было лишь 711 десятин, а в 1896 году собственной земли стало 3 411 десятин, видно, как Боткины заботились приобретением земли⁵⁹. Как писал М. П. Боткин старшему брату, «на землю есть ещё покупатели, но мне кажется, нам её не надо опускать, мы при нашей жизни мало будем видеть от неё пользы, но наши внуки будут нас благодарить, земля сильно растёт и конечно, через 40–50 лет она будет вдвое стоить»⁶⁰.

Завод получал свекловицу не только с собственных и арендованных земель, но и закупал её у местных жителей. А. А. Фет рассказывал: «В первый год при покупке имения священник, отец Михаил, приветствовал Дмитрия Петровича [Боткина], говоря, что окрестные крестьяне должны благодарить новых владельцев за возрождение опустевшего сахарного завода, вследствие чего многие из крестьян оставили мысль о переселении, а двадцать дворов, уже переселившихся, услышав о заработках, вернулись назад»⁶¹. Кроме живущих на хуторах крестьян нанимались в хозяйство солдаты «в количестве до 200 человек из полков, стоящих в ближайших к имению городах – Белгороде и Харькове»⁶².

Ил. 3. Таволжанка. Фотография 18 июня 1912 года. Архив О. И. Дёмушкиной, праправнучки П. П. Боткина

Сначала «в 1887 году проведена узкоколейная железная дорога для отвозки диффузионной вымочки, фильтр-прессной грязи и сахара в экономию, длиной около двух вёрст»⁶³ [ил. 3]. Со временем недалеко от завода расположилась станция железной дороги «Боткино»⁶⁴, которая значилась на Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороге⁶⁵. Эту линию железной дороги удалось проложить как компромисс после переговоров с Министерством финансов в 1894–1895 годах о залогах⁶⁶.

Заводское хозяйство состояло из нескольких зданий с разными отделениями – бурачная, моечное и сокодобывающее отделения завода, диффузионные батареи, отделения по очистке сока, три сатурации, фильтро-пресная станция, шесть станций механической фильтрации, песочная фильтрация, выпарная фильтрация, сернистая сатурация жидкого сиропа, варка фуговка и сушка, вакуумные аппараты, кристаллизаторы и центрофуги, сушильное отделение, добывание извести и сатурационного газа, водокачка для водоснабжения завода, конденсаторы, пожарные приспособления⁶⁷, паровичная, лаборатория, мастерские и помещения для сельскохозяйственных машин, склады для хранения сахара, кормовой патоки и жома. Инфраструктура завода также была на высшем уровне того времени: освещение, пожарная безопасность, водопровод, очищение использовавшейся воды. Тем не менее, случались и неприятные случаи. Так в 1900 году завод загрязнил реку Северный Донец. Профессор А. Ф. Бранд докладывал: *«вследствие обильного урожая на свёклу, сахароварная компания была особенно деятельной и продолжительной, а заводы спускали загрязнённую воду из сепарационных отделений в реку или совершенно открыто или же по тайной трубе, подле которой лишь для отвода глаз небольшая часть загрязнённой воды открытой канавой направлялась на поля орошения (завод Боткина). Обязательные постановления против загрязнения рек заводами существуют, но обходить их чересчур соблазнительно»*⁶⁸.

Были построены казармы для рабочих, квартиры для служащих и старших мастеровых, училище, больница, вспомогательно-сберегательная⁶⁹ касса⁷⁰. Также были устроены ясли и баня, народная библиотека, народные театр⁷¹, оркестр⁷². При заводе была метеорологическая станция⁷³ с сетью дождемеров по всем экономиям⁷⁴.

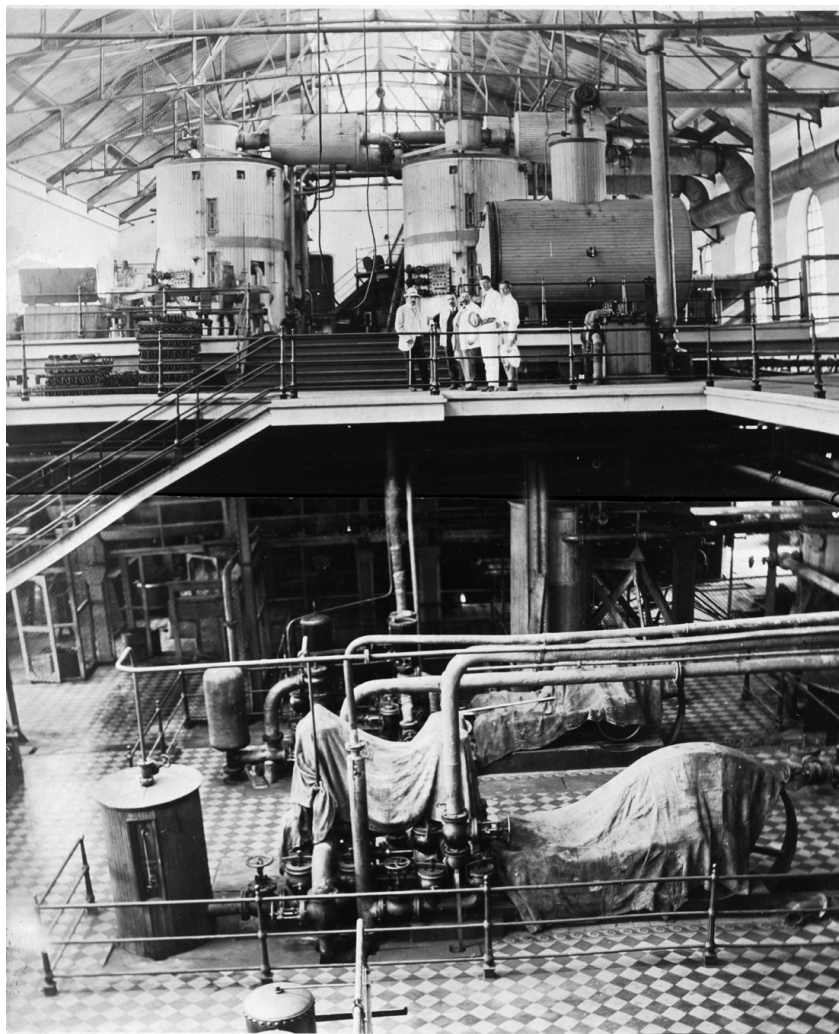
Конторы товарищества завода находились в разных городах: в Москве (главная контора)⁷⁵, в Белгороде (1890–1914)⁷⁶, контора экономии в Харькове (1897–1898)⁷⁷. Контора правления была в Москве в доме П. П. Боткина на Маросейке⁷⁸, а в 1908 году она располагалась на Раушской набережной в доме товарищества чайной торговли «Петра Боткина сыновья»⁷⁹.

Завод Боткиных удостоивался различных наград. В 1885 году на Анверпенской Всемирной выставке была получена большая бронзовая медаль, в 1887 году на Харьковской сельскохозяйственной выставке – похвальный лист (за горох «принц-роаль»⁸⁰) и большая золотая медаль, в 1889 году на Парижской Всемирной выставке – большая золотая медаль, в 1890 году – на Харьковской сельскохозяйственной выставке – большая золотая медаль, в 1893 году большая золотая медаль за опытные поля⁸¹, в том же 1893 году на Чикагской Всемирной выставке большая бронзовая медаль (за сахарный песок⁸²), в 1894 году на Харьковской сельскохозяйственной выставке – большая серебряная медаль⁸³, 1896 году на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде – золотая медаль⁸⁴, в 1900 году на Парижской Всемирной выставке – золотая медаль (растительные пищевые продукты), серебряную медаль (сахар и кондитерские изделия, пищевые приправы) и две бронзовые медали (жилища для рабочих и попечительские учреждения)⁸⁵, в 1913 году Всероссийской выставке в Киеве – большая золотая медаль (за высокую культуру свёклы и высокое качество сахарного песка, за введение улучшенных методов производства и достижение в связи с этим низкой себестоимости сахара)⁸⁶.

Имение и завод пришли в упадок во время революционных событий. Причём согласно свидетельству М. П. Боткина всё началось ещё в 1903 году: *«Теперь ещё в добавке начались аграрные беспорядки, я очень тревожусь за наш завод»*⁸⁷. Добавилось проблем и во время Русско-японской войны, когда служащих стали забирать в солдаты: *«У Катюши [Е. Н. Боткиной] забрали почти всех людей, только что она наладилась с садовником, а его взяли в солдаты»*⁸⁸. Как пишет М. П. Боткин, *«Хорошо, что у нас на уборке свеклы работают преимущественно женщины, а то плохо бы было»*⁸⁹. Поскольку эти события совпали с реконструкцией завода, когда он не производил продукцию, П. Д. Боткин, предвидя неудачи, предлагал *«продать всё дело»*, но старшее поколение предпочло *«стараться его улучшить и с терпением выдерживать его неудачи. Завод, вероятно, скоро начнёт работать как следует, эти неудачи первого времени были предвидены»*⁹⁰.

В 1905–1907 годах в результате волнений *«сгорели дом и скотный сарай»*⁹¹. Как пишет М. П. Боткин в 1905 году: *«К нам крестьяне расположены благодаря заводу; но люди желающие смуты приходят со стороны и крестьяне верят им»*⁹², – а в 1906 году: *«Таволжанка меня очень тревожит, и опасюсь за неё, но на все надо быть готовым»*⁹³.

По результатам прошлых неудач было принято решение об увольнении и директора завода Э. Р. Карлсона, и управляющего имениями А. И. Иоста⁹⁴. Тем не менее, вопрос о продаже завода периодически вставал.

Ил.4. Внутренние помещения свёкლოსахарного завода Боткиных. Визит на завод Н. И. Гучкова (первый слева) и Г. Г. Карпова (второй справа). Фотография 1910-х годов. Архив О. И. Дёмушкиной, праправнучки П. П. Боткина

В 1915 году завод был продан, но не изменил своего имени – «завод Боткиных»⁹⁵. Как пишет зять М. П. Боткина Н. М. фон Энден, «главный из пайщиков Таволжанки, Н. И. Гучков настоял на продаже завода и всех угодий. Всё было продано Терещенко, причём сумма,

полученная за всё, была Терещенкой возмещена в том же году продажей сахара <...> деньги от продажи Таволжанки были помещены в Военный заём, почему от Таволжанки ни у кого не осталось и ломанного гроша»⁹⁶. Однако некоторые члены семьи Боткиных всё ещё продолжали держать пай бывшего семейного товарищества: П.Д. Боткин, И.С. Остроухов, Н.И. Гучков⁹⁷, Г.Г. Карпов⁹⁸. Однако в 1915/1916 операционном году уже никого из Боткиных в управлении завода не было⁹⁹. Последнее заседание правления в доме Боткиных прошло 30 декабря 1915 года, а следующее заседания было проведено в феврале 1916 года в Киеве, где жили новые владельцы завода – семья Терещенко¹⁰⁰. В тому 1916 году дети Д.П. Боткина – Пётр, Сергей и Елизавета продали находящиеся около завода имения¹⁰¹, и единственным боткинским местом осталось имение «Тихий Хутор», принадлежавшее вдове М.П. Боткина Екатерине Никитичне.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 8.
- 2 Вогау и Ко, Вдова А. Катугар с сыновьями, Ценкер и Ко, Братья К.и С. Поповы, Людвиг Прен и Грабе, А. Трапезников и Ко, Братья Н. и Д. Востряковы, К.Т. Солдатёнов и московского 1-ой гильдии купца А.К. Пасбург.
- 3 Очерк 25-летней деятельности Товарищества Московского сахаро-рафинадного завода. – М., 1897. – С. 6.
- 4 РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 74. Л. 15.
- 5 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 3.
- 6 *Фет А.А.* Некролог Д.П. Боткина // Прибавления к Церковным ведомостям: Издаваемым при Святейшем правительствующем Синоде. Еженедельное издание. – 1889. – Год второй. – № 24. – С. 703.
- 7 Ново-Таволжанский сахарный завод товарищества Боткиных: [Обзор деятельности] / Всероссийская выставка 1913 года в Киеве. – Киев, 1913. – С. 2.
- 8 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 3.
- 9 *Боткин С.Д.* Дела давно минувших дней // Бежин луг. – 1995. – № 3. – С. 174.
- 10 ПСЗРИ. – 1893. – 3 собр. – Т. 10. – Ч. 1. – С. 574.
- 11 РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 290. Л. 8.
- 12 РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 291. Л. 4 об, 9 об.
- 13 РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 72. Л. 37.
- 14 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 4 об.
- 15 РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 290. Л. 9.
- 16 РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 290. Л. 16.
- 17 РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 290. Л. 17.
- 18 РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 291. Л. 44.
- 19 РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 290. Л. 10.
- 20 РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 290. Л. 11 об, 12 об.
- 21 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 6 об, 24, 43, 58, 74, 84, 102, 110, 125 об, 146, 161 об, 174, 188, 206.

- 22 РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 74. Л. 31; Ф. 23. Оп. 28. Д. 291; Ф. 23. Оп. 28. Д. 290.
- 23 Боткин С. Д. Дела давно минувших дней // Бежин луг. – 1995. – № 3. – С. 173–175.
- 24 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 175. Л. 6 об–7.
- 25 Русский торгово-промышленный мир: [Портреты и биографии деятелей русского торгово-промышленного мира] / Ред.-изд. А. М. Шампаньер. – Б. м., [191-]. – Л. 135.
- 26 Отчёт и баланс Товарищества Ново-Таволжанского свеклосахарного завода Боткиных с 1 сентября 1890 г. по 1 сентября 1891 г. – М., 1891. – С. 8.
- 27 Отчёт и баланс Товарищества Ново-Таволжанского свеклосахарного завода Боткиных с 1 марта 1913 г. по 1 марта 1914 г. – М., [1914]. – С. 12.
- 28 РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 74. Л. 108 об.
- 29 РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 290. Л. 6.
- 30 Ново-Таволжанский свеклосахарный завод Боткиных. Имение Товарищества Ново-Таволжанского свеклосахарного завода Боткиных / Парижская всемирная выставка 1900 года. – Харьков: типография А. Дарре, 1899. – С. 26.
- 31 Описание имения высочайше утвержденного Товарищества Ново-Таволжанского... 1896 год. – С. 11.
- 32 Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. – 2-е изд. – СПб.: типография В. Киришбаума, 1904. – Вып. 4. – С. 193.
- 33 Описание имения высочайше утверждённого Товарищества Ново-Таволжанского... 1896 год. – С. 7.
- 34 Отчёт и баланс Товарищества Ново-Таволжанского свеклосахарного завода Боткиных с 1 марта 1913 г. по 1 марта 1914 г. – М., [1914]. – С. 12.
- 35 Отчёт и баланс Товарищества Ново-Таволжанского свеклосахарного завода Боткиных с 1 марта 1915 г. по 1 марта 1916 г. – М., 1916. – С. 9.
- 36 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 183. Л. 56 об.
- 37 Э. Р. Карлсон написал несколько книг о сахарном производстве: *Карлсон Э. Р.* К вопросу о культуре сахарной свекловицы: Способ сортировки сеянчиков по удел. весу корня свеклы. – [Киев]: тип. А. Давиденко, [1886]; *Карлсон Э. Р.* О пределах выщелачивания на диффузии. – Киев: тип. Корчак-Новицкого, 1896; *Карлсон Э. Р.* Хранение свёклы в больших буртах. – Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1897; *Карлсон Э. Р.* Некоторые данные о работе по способу Гроссе. – СПб.: тип. В. Ф. Киришбаума, 1899; *Карлсон Э. Р.* Нормы для определения достоинства свёкловичных семян и основания их установки. – Киев: тип. И. И. Горбунова, 1898; *Карлсон Э. Р.* К вопросу об условиях покупки и продажи свекловичных семян. – [СПб.]: тип. В. Киришбаума, 1898; *Карлсон Э. Р.* Воскресный отдых рабочих на свеклосахарных заводах. – [СПб.]: тип. В. Киришбаума, 1898; *Карлсон Э. Р.* К вопросу о химико-техническом учёте сахарного производства. – Киев: тип. Р. К. Лубковского, 1902; *Карлсон Э. Р.* К вопросу о пределах выщелачивания на диффузии. – Киев: тип. АО «Петр Барский в Киеве», 1916; *Карлсон Э. Р.* Варка и кристаллизация utfелей в сахарном производстве: По рукописи пред. Главхимбюро Сахаротреста Э. Р. Карлсона. – Винница: Подольск. отд. Сахаротреста, 1925; *Карлсон Э. Р.* Варочно-кристаллизационная станция на сахарных заводах. – М.: ЦУП ВСНХ СССР, 1926; *Карлсон Э. Р.* Очерки свекло-сахарного производства: (Заметки из заводской практики). – М.: Правл. Сахаротреста, 1927.
- 38 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 25.
- 39 Яргоцкий Л. С. Дневник директора сахарного завода: Справочная книжка. – 2-е изд. – Киев: Пол. Типография, 1914. – С. 207.

- 40 Об А.И. Иосте см. в ст.: Кузьмина И.А. А.А. Фет и «действующие лица “Кактуса”» (по неопубликованным письмам А.Л. Бржеской) // Русская литература. – 2008. – № 2. – С. 131–143.
- 41 Боткин С.Д. Дела давно минувших дней // Бежин луг. – 1995. – № 3. – С. 174.
- 42 Иост А.И. К современному положению землевладельческих хозяйств. – [Харьков]: типография «Юж. Край», 1893; Иост А.И. Доклад Харьковскому обществу сельского хозяйства А.И. Иоста: [Результаты девятилетнего ведения хозяйства в с. Бессоновке, Белгородского уезда, в имении О.И. Иост]. [Прил. за 1884–1888 г.]. – Харьков: типо-лит. Х.М. Аршавской, 1894; Иост А.И. Результаты девятилетнего ведения хозяйства в с. Бессоновке, Белгородского уезда, в имении О.И. Иост: (Доклад Харьковскому обществу сельского хозяйства). – Харьков: типо-лит. Х.М. Аршавской, преемн. Гордона, 1894; Иост А.И. Результаты ведения хозяйства в имении Бессоновка Белгородского уезда Курской губернии О.И. Иост за 18 лет, начиная с 1884 года по 1902 год. – Харьков, 1903.
- 43 Описание имения высочайше утвержденного Товарищества Ново-Таволжанского... 1896 год. – С. 12.
- 44 Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. – 2-е изд. – СПб.: типография В. Киришаума, 1900. – Вып. 1. – С. 6.
- 45 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 5.
- 46 Описание имения высочайше утвержденного Товарищества Ново-Таволжанского... 1896 год. – С. 31–32.
- 47 Коллекция 347 образцов Яровых пшениц, разводимых в России и выращенных на Ново-Таволжанских опытных полях в имении товарищества Боткиных, Курской губернии, Белгородского уезда. – Нижний-Новгород: тип. Ройского и Душина, 1896.
- 48 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 177. Л. 52; № 183. Л. 31 об.
- 49 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 180. Л. 71.
- 50 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 177. Л. 119 об–120.
- 51 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 2–2 об.
- 52 Ново-Таволжанский сахарный завод товарищества Боткиных: [Обзор деятельности] / Всероссийская выставка 1913 года в Киеве. – Киев, 1913. – С. 3.
- 53 Указатель действующих в Империи акционерных предприятий / Под. ред. В.А. Дмитриева-Мамонтова. – СПб., 1903. – С. 1412; Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1908 год. – СПб., [1908]. – С. 1236.
- 54 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 179. Л. 49 об–50.
- 55 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 180. Л. 70 об.
- 56 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 179. Л. 101–101 об, 104 об.
- 57 Ново-Таволжанский сахарный завод товарищества Боткиных: [Обзор деятельности] / Всероссийская выставка 1913 года в Киеве. – Киев, 1913. – С. 8, 10.
- 58 Там же. – С. 2.
- 59 Описание имения высочайше утвержденного Товарищества Ново-Таволжанского... 1896 год. – С. 5–6.
- 60 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 179. Л. 1–1 об.
- 61 Фет А.А. Некролог Д.П. Боткина... – С. 703.
- 62 Описание имения высочайше утвержденного Товарищества Ново-Таволжанского свеклосахарного завода Боткиных. 1. 2, Экономическое хозяйство. Свеклосахарный завод. 1896 год. – Киев: тип. С.В. Кульженко, 1896. – С. 15.
- 63 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 3 об.

- ⁶⁴ Ново-Таволжанский сахарный завод товарищества Боткиных: [Обзор деятельности] / Всероссийская выставка 1913 года в Киеве. – Киев, 1913. – С. 2.
- ⁶⁵ Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. – 2-е изд. – СПб.: тип. В. Киришбаума, 1904. – Вып. 4. – С. 193.
- ⁶⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 175. Л. 107–170 об, 109. № 176. Л. 41 об, 118 об.
- ⁶⁷ При сахарном заводе Товарищества Боткиных в селе Новотаволжанка были три пожарных трубы, три насоса, одна линейка и четыре бочки. См.: *Шереметев А. Д.* Краткий статистический обзор пожарных команд Российской империи. – СПб.: типография Р. Голике, 1892. – С. 59. О новом пожарном оснащении М. П. Боткин рассказывает брату Петру в письме от 22 мая 1901 года. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 178. Л. 44 об–45.
- ⁶⁸ Международный конгресс по рыболовству и рыбоводству в С.-Петербурге. Часть 2. Протоколы заседаний и доклады VI – Русского отдела Конгресса / под редакцией Н. А. Бородина при участии В. В. Скидана. – СПб.: типо-литогр. М. П. Фроловой, 1902. – С. 62.
- ⁶⁹ Устав Вспомогательно-Сберегательной кассы служащих товарищества Ново-Таволжанского свекло-сахарного завода Боткиных: утверждён 24 августа 1895 года. – М.: Русское Товарищество печ. и издательск. дела, 1895.
- ⁷⁰ Ново-Таволжанский сахарный завод товарищества Боткиных: [Обзор деятельности] / Всероссийская выставка 1913 года в Киеве. – Киев, 1913. – С. 5–36, 46–51.
- ⁷¹ Ново-Таволжанский свеклосахарный завод Боткиных. Имение Товарищества Ново-Таволжанского свеклосахарного завода Боткиных / Парижская всемирная выставка 1900 года. – Харьков: типография А. Дарре, 1899. – С. 38–39, 41.
- ⁷² РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 104.
- ⁷³ Была устроена в 1892 году при участии профессора Пильникова. Описание имения высочайше утверждённого Товарищества Ново-Таволжанского... 1896 год. – С. 34–35.
- ⁷⁴ Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. – 2-е изд. – СПб.: типография В. Киришбаума, 1900. – Вып. 1. – С. 7.
- ⁷⁵ Иллюстрированный вестник культуры за 1898 год. Вып. 1. – СПб., [1898]. – Реклама.
- ⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 94 об, 100 об, 196 об.
- ⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 100 об.
- ⁷⁸ Указатель действующих в Империи акционерных предприятий / Под. ред. В. А. Дмитриева-Мамонтова. – СПб., 1903. – С. 462; Иллюстрированный вестник культуры за 1898 год. Вып. 1. – СПб., [1898]. – Реклама.
- ⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 822. Оп. 1. Ед. хр. 971. Л. 1.
- ⁸⁰ Описание Всероссийской сельскохозяйственной выставки в г. Харькове 1887 года: [Общие сведения о выставке и отчёты по отделам]. – Харьков: Харьковское общество сельского хозяйства, 1890. – С. 13.
- ⁸¹ Описание имения высочайше утверждённого Товарищества Ново-Таволжанского... 1896 год. – С. 45.
- ⁸² Отчёт генерального комиссара Русского отдела Всемирной Колумбовой выставки в Чикаго П. И. Глуховского. – СПб., 1895. – С. 185.
- ⁸³ Ново-Таволжанский сахарный завод товарищества Боткиных: [Обзор деятельности] / Всероссийская выставка 1913 года в Киеве. – Киев, 1913. – С. 3; Ново-Таволжанский свеклосахарный завод Боткиных. Имение Товарищества Ново-Та-

- волжанского свеклосахарного завода Боткиных / Парижская всемирная выставка 1900 года. – Харьков: типография А. Дарре, 1899. – С. 37.
- ⁸⁴ Альбом участников Всероссийской промышленной и художественной выставки в Н.-Новгороде в 1896 году. – СПб., 1896. – Ч. 2. – «З». – С. 2.
- ⁸⁵ Россия на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. – СПб.: И. Шустов, 1900. – Ч. 2. – С. 91, 96, 113, 114.
- ⁸⁶ Список наград, присуждённых и утверждённых экспонентам Всероссийской сельскохозяйственной, фабрично-заводской, торгово-промышленной и научно-художественной выставки 1913 года в городе Киеве. – [Пг., 1915]. – С. 3.
- ⁸⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 178. Л. 112 об.
- ⁸⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 179. Л. 52.
- ⁸⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 179. Л. 56.
- ⁹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 179. Л. 110.
- ⁹¹ *Маслов П.* Аграрный вопрос в России: Т. 2. Кризис крестьянского хозяйства и крестьянское движение. – 1908. – С. 380.
- ⁹² ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 180. Л. 71 об.
- ⁹³ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 180. Л. 157 об.
- ⁹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 180. Л. 142–152 об; № 182. Л. 44, 48 об, 57.
- ⁹⁵ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 291. Л. 9 об–12.
- ⁹⁶ Архив семьи Энден. *Энден Н. М.* Дела давно минувших дней. 1917–1921. Л. 17.
- ⁹⁷ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 291. Л. 9 об.
- ⁹⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 72. Л. 166 об.
- ⁹⁹ РГИА. Ф. 23. Оп. 28. Д. 291. Л. 30 об.
- ¹⁰⁰ РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 72. Л. 186, 190.
- ¹⁰¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 24. Д. 72. Л. 204 об.

И. Н. БЫЛЬЧЕНКО
(Белгород)

НАСЛЕДИЕ БОТКИНЫХ В НОВОЙ ТАВОЛЖАНКЕ. СВЯЗЬ ВРЕМЁН

Аннотация. В Белгородской области в селении Новая Таволжанка находится свеклосахарный завод Боткиных. Многие здания, построенные ещё при Боткиных, сохранились до настоящего времени. Научные сотрудники Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва и студенты Института искусства реставрации создали макет, по которому планируется создание историко-культурного и природного комплекса с Боткинским музеем.

Ключевые слова. Боткины, Новая Таволжанка, завод, макет, сохранение наследия.

N. BYLCHENKO
(Belgorod)

BOTKIN'S HERITAGE IN THE NEW TOLAGANKA. COMMUNICATION TIME

Abstract. In the Belgorod region in the village of New Tavolzhanka there was Botkin's beet sugar factory. Many buildings built during the Botkin era have survived to the present. Researchers of D.S. Likhachev's Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage and students of the Institute for Restoration Art have created a model for the creation of a historical, cultural and natural complex with the Botkin's Museum.

Keywords. Botkin, New Tavolzhanka, factory, layout, conservation of heritage.

Культурное наследие является одним из основных ресурсов, определяющих социально-экономическое и социально-культурное развитие российских регионов, в том числе и Белгородской области, в которой традиционных памятников архитектуры довольно мало. В селе Новая Таволжанка, связанном с династией Боткиных, такие памятники сохранились. Для их изучения Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (далее Институт наследия) были организованы три научные экспедиции 2009, 2011 и 2012 годов¹.

Боткины в 1882 году приобрели в Таволжанке в полуразрушенном состоянии сахарный завод и имение у помещика С. Г. Жуковского². В 1890 году было учреждено «Товарищество Новотаволжанского свекло-

сахарного завода Боткиных». Боткины расширили и модернизировали производство и наладили административное управление. Торговая фирма «Петра Боткина сыновья» перенесла завод на левый песчаный берег Северного Донца – в более удобное для расширения завода место.

Ил. 1. Здание бывшего сахарного завода.
Фотография автора

В книге «Россия: полное географическое описание нашего отечества» под редакцией П. П. Семёнова так сказано о Новой Таволжанке в начале XX века: «Станция Боткино находится при селе Боткине (Новая Таволжанка). Село это имеет 1200 ж[ителей] и замечательно потому, что при нём находится имение и экономия, принадлежащая фирме П. Боткина и сын[овья] (так!), и заключающая в себе более 10 тыс[яч] дес[ятин] земли, на которой между прочим производятся обширные посевы свекловицы. Свеклосахарный завод снабжён всеми усовершенствованиями современной техники и селекционной лабораторией для облагораживания семян свёклы; завод производит сахара на сумму свыше 1 млн. р[ублей]. Молочное хозяйство, при племенном скоте симментальской породы, очень хорошо поставлено; есть и хорошая пасека и производятся опыты выкармливания шёлковых червей. Наконец здешние питомники фруктовых деревьев, ягодных кустарников, виноградных лоз, декоративных, хвойных и лиственных пород известны добросовестностью и дешевизною исполняемых заказов. В имении работают ежегодно практиканты московской земледельческой академии и находится опытное поле харьковского общества сельского хозяйства, а также метеорологическая станция»³.

Новая Таволжанка прежде всего связана с именами Дмитрия Петровича, Петра Петровича, Михаила Петровича Боткиных, Николая Ивановича Гучкова, Ильи Семёновича Остроухова и других многочисленных членов этой большой семьи, в разное время бывавших здесь, работавших в Товариществе сахарного завода.

Помимо завода Боткины построили и организовали здания социально-культурного назначения: больницу, состоящую из нескольких корпусов, где располагались амбулатория, стационар на 12 коек, операционная, родильная, палата для заразных больных, изолятор и аптека. Один из корпусов больницы сохранился до наших дней. Также Боткины построили клуб, казарму для рабочих, дома для инженерно-технического персонала, церковно-приходскую школу, двухклассное министерское училище, баню и другие здания. Все здания сохранились. Удивительно, что после активных боевых действий двух мировых войн на территории Новой Таволжанки, послевоенной разрухи, кризиса 1990-х почти все здания сохранились, и большинство из них используются до сих пор [ил. 1].

Ил. 2. Склад сахарной продукции. Фотография автора, 2008 год

Всем сохранившимся «боткинским» зданиям присуща цельность и монументальность, стилизаторская эклектика, органичная согласованность разных архитектурных стилей. Сохранившиеся здания хорошо демонстрируют преемственную связь с монументальным промышленным строительством раннего классицизма в Санкт-Петербурге.

Наличие бассейна перед главным зданием сахарного завода усиливает исключительность и необычность архитектурного решения всего комплекса. Сохранились имение и парк, сочетающий в себе фруктовый сад и усадебный парк с липовой аллеей, спускающейся от здания имения к Северному Донцу. Здание имения в настоящее время используется как

многоквартирный дом, и неузнаваемо вследствие всевозможных пристроек.

На территории Новой Таволжанки сохранились два сахарных склада [ил. 2], являющиеся памятниками архитектуры XIX века регионального значения. Склады полуразрушены, с частично провалившейся крышей. Тем не менее здания сохранили в себе необычные для промышленных объектов архитектурные элементы: высокие арочные ниши, лучковые окна, сохранившие первоначальную клетчатую расстёжку переплётов, филёнчатые пилястры, оригинальные фронтоны, веерные переплёты. Сохранилась и прекрасного качества лицевая верстовая кладка. Рядом со складами – груда инфузорного кирпича со стандартным пастельным клеймом харьковского кирпичного завода «Товарищество барона Э.Э. Бергенгейма». Сегодня здания разрушаются. Арендаторы не столько сохраняют, сколько разрушают памятники истории культуры. Склады ждут новых хозяев, таких же, какими были Боткины: талантливых и образованных – настоящих хозяев этих мест.

Ил. 3. Бывшее двухклассное училище. Фотография автора, 2008 год

В августе 2019 года в селе был открыт новый храм Покрова Пресвятой Богородицы строившийся, с 2005 года, долгие 14 лет. Ранее храм располагался в историческом «боткинском» здании – бывшем двухклассном училище, специально построенном в 1901 году [ил. 3]. После открытия нового храма Покрова Богородицы летом 2019 года здание освободилось. Группой научных сотрудников Института наследия, участвующих в экспедиции 2012 года, было рекомендовано: *«в случае переезда Храма во вновь отстроенное здание и освобождения занятых им помещений министерского училища, построенного в дореволюционный «боткинский» период и лишь незначительно искажённого в постсоветский период, следует предоставить здание для создания экспозиции и хранилища музея»*⁴. Это время наступило. Началась работа по организации музея династии Боткиных.

Важным моментом дальнейшего эффективного использования историко-культурного наследия в целях развития села и его инфраструктуры является ориентация на размещение музейных, туристических учреждений, небольших промышленных предприятий, центров традиционных для этих территорий промыслов, детских образовательных учреждений, гостиничных комплексов в исторических «боткинских» зданиях.

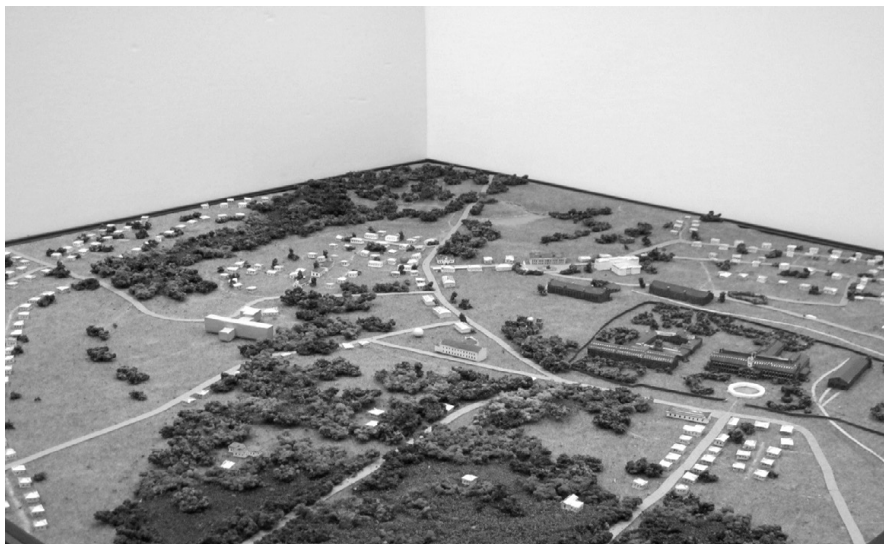
Макет историко-культурного и природного комплекса «Новая Таволжанка» [ил. 4], изготовленный силами научных сотрудников Института Наследия и студентов Института искусства реставрации (руководитель – заведующий кафедрой реставрации М. М. Михайлов), даёт представление о будущем комплексе.

Все исторические здания имеют красный цвет. На макете выделены:

- главный корпус с круглым бассейном перед ним,
- комплекс мастерских на территории завода,
- склад и паровозный сарай на территории завода,
- клуб,
- два параллельных склада вне заводской территории,
- заводская контора,
- одноэтажная больница,
- двухэтажная казарма для рабочих,
- двухклассное училище,
- станция «Боткино».

Все здания будущего комплекса расположены достаточно компактно, в 5–10 минутах ходьбы друг от друга, образуя единый культурно-исторический центр. Узловым компонентом историко-культурного комплекса в Новой Таволжанке, определяющим её дальнейшее развитие, может стать сформированный на базе бывшего сахарного завода и связанной

с ним инфраструктуры культурно-промышленный и музейно-выставочный комплекс. Создание такого комплекса было одобрено на заседании правительства губернатором Белгородской области Е. С. Савченко в мае 2012 года.

Ил. 4. Макет историко-культурного и природного наследия «Новая Таволжанка». Фотография автора, 2012 год

В 2019 году был юбилей для Новой Таволжанки. Первое упоминание о селе встречается в актах Центрального Государственного архива 350 лет назад в 1669 году⁵. Жители села широко отметили эту дату: силами культурного центра «Таволга» были организованы концерт художественной самодеятельности, показ фильма об истории села, торговля изделиями народных промыслов, сувенирами, выпечкой, местными вареньями и соленьями и т.п.

Каждые два года «Таволга» организует «Боткинский фестиваль». В 2019 юбилейном году этот фестиваль прошёл особенно интересно. Многочисленных гостей традиционно встретили «Дмитрий Петрович Боткин с супругой Софьей Сергеевной», которые пригласили всех на бал, в литературный, музыкальный и художественный салоны. Своё представление показали Театр живых скульптур, мим-шоу, шоу мыльных пузырей, иллюзионисты. Своё творчество представили детские коллективы, как танцевальные, так и певческие, которые принимают участие во всех местных праздниках. Традиционно была организована торговля

сладостями, сувенирами, игрушками и проч. Гостей угощали чаем, пирогами, вареньем.

Осенью был открыт сквер, объединивший все исторические здания, церковь, школу, Дом культуры, стадион, физкультурно-оздоровительный комплекс и супермаркет. Уже сегодня этот сквер местные жители стали называть «боткинским». В планах администрации села привести в порядок и объединить так называемую Боткинскую зону в Новой Таволжанке: это не только сквер, но и площадь в центре села с памятником Д. П. Боткину. Особое место в жизни села занимает любимый всеми таволжанцами Боткинский сад – часть будущего комплекса.

Весь 2019 год активно ведутся работы по его благоустройству, построен мостик через ручей Безымянный, расчищены и частично вымощены тротуарной плиткой садовые дорожки, оформлена Боткинская липовая аллея, ведущая от имения к Северному Донцу. На территории завода планируется поставить памятник П. П. Боткину. Новая Таволжанка постепенно превращается в современную, благоустроенную территорию с исторической составляющей, с особенностями, традициями, правилами и обычаями, характерными только для этого места, связанного со знаменитым русским родом Боткиных, представители которого внесли значительный вклад в развитие промышленности, медицины, искусства, литературы, дипломатии.

В Новой Таволжанке в последние годы очень отчётливо наблюдается переоценка взглядов и на культуру, и на территорию. Связь с историко-культурным, промышленным и природным наследием становится главным направлением дальнейшего развития села. На всех уровнях власти обсуждается создание музея, решаются организационные, юридические, финансовые вопросы, участие музейного дела в жизни села, развитие туристической деятельности. Меняется сознание не только местной власти, но и местных жителей. Долгие годы сахарный завод Боткиных являлся главным работодателем для жителей села. Сегодня наступает время, когда главным работодателем может стать Боткинский историко-культурный и природный комплекс.

Музей Боткиных, как основная и составляющая часть будущего комплекса, позволит транслировать и освящать, не только традиционные области: историю, искусство, эстетику, но и более широкие сферы: культуру производства, экологию, политику, медицину. Одной из задач музея будет сформировать у местного сообщества позитивное отношение к предпринимательству, к культуре производства. Боткинский музей просто обязан стать прогрессивным, социально-значимым институтом, не только ставящим проблемы, но и решающим их.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Историко-культурные исследования объектов культурного наследия на территории историко-культурного и природного комплекса Боткиных села Новая Таволжанка Шебекинского района Белгородской области в целях подготовки исторических материалов для паспортизации объектов культурного наследия. Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. – М., 2012.
- ² Ново-Таволжанский сахарный завод товарищества Боткиных: [Обзор деятельности] / Всероссийская выставка 1913 года в Киеве. – Киев, 1913. – С. 1.
- ³ Россия: полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга для русских людей: т. 1–19 / Под ред. В. П. Семёнова и под общ. руководством П. П. Семёнова. – Т. 2: Среднерусская Чернозёмная область: [Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская и Пензенская губернии] / Сост.: В. П. Семёнов, И. П. Семёнов, П. П. Семёнов [и др., предисл.: В. Семёнов]. – СПб., 1902. – С. 472.
- ⁴ Краеведческие материалы Новотаволжанской сельской библиотеки. – 2008.
- ⁵ Там же.

Т. И. ГАНФ

(Санкт-Петербург)

А. В. ГОРДИЕНКО

(Военно-медицинская академия, Санкт-Петербург)

БОТКИНСКАЯ УЛИЦА – ПАМЯТЬ О СЕМЬЕ БОТКИНЫХ. К 120-ЛЕТИЮ БОТКИНСКОЙ УЛИЦЫ (1899–2019)

Аннотация. Имя Сергея Петровича Боткина широко известно. Однако вклад в отечественную медицину, в развитие её административных форм и научно-исследовательских направлений связаны с именами не только Сергея Петровича Боткина, но и его сыновей: Сергея Сергеевича, Александра Сергеевича, Евгения Сергеевича (прославлен в лике святых праведных мучеников). Активно поддерживали отечественное здравоохранение и другие члены семьи Боткиных: через участие в деятельности государственных и общественных органов самоуправления, субсидированием, личным участием в деятельности РОКК.

Ключевые слова. Боткины, военная медицина, городские больницы, городское здравоохранение, Российское Общество Красного Креста.

T. I. GANF

(St. Petersburg)

A. V. GORDIENKO

(Military Medical Academy, St. Petersburg)

BOTKIN STREET – THE MEMORY OF THE BOTKIN FAMILY. TO THE 120th ANNIVERSARY OF BOTKIN'S STREET (1899–2019)

Abstract. Contribution to the national medicine, to the development of its administrative forms and research areas are associated with the names of not only Sergei Petrovich Botkin, but also his sons: Sergei Sergeevich, Alexander Sergeevich, Eugene Sergeevich (glorified in the face of the Holy righteous martyrs). Actively supported domestic health care and other members of the Botkin Family: through participation in the activities of state and public bodies of self-government, subsidies, personal participation in the activities of the Russian Red Cross Society.

Keywords. Botkins, military medicine, city hospitals, city health care, Russian Red Cross Society.

Ил. 1. Начало Боткинской улицы (современный перекрёсток улицы Боткинской и улицы Лебедева). Фотография конца XIX века. Архив исторического кабинета кафедры госпитальной терапии ВМА

В 1898 году, 18 декабря, Императорская Военно-Медицинская академия грандиозно и с имперским размахом отмечала своё 100-летие со дня рождения¹. Знаменательных событий, посвящённых этой дате, было так много, что одно их перечисление нашло своё отражение в увесистом фолианте. Из множества созвездий родоначальников научных школ и громких имён профессоров, прославивших академию во всём мире, к этой дате были названы две фамилии гениальных учёных, в честь которых и для увековечивания которых переименованы два топонима столицы Российской Империи. В честь Н. И. Пирогова назван участок набережной, на которую выходили окна основанной им клиники госпитальной хирургии, в которой он трудился с 1841 года по 1856 год. В честь С. П. Боткина названа улица напротив клиники академической/факультетской терапии, в которой он трудился до своей кончины.

В нашей статье мы коснёмся лишь той части торжеств (и в большей мере её незримой составляющей), которая состоялась в декабре 1898 года на стрелке Выборгской стороны Санкт-Петербурга, у главного фасада Михайловской клинической больницы баронета Я. В. Виллие² Императорской Военно-Медицинской академии. Посвящены они были памяти академика, профессора ИВМА Сергея Петровича Боткина, скончавшего-

ся в декабре 1889 года. В преддверии десятилетия этой памятной даты ИВМА в содружестве с Петербургской Городской Думой, активными членами которой были С. П. Боткин и его брат академик исторической живописи М. П. Боткин, подготовили ряд мероприятий. Они продемонстрировали, что и спустя десятилетие любимый врач, авторитетный педагог и многоуважаемый учёный не забыт, дело его живёт и развивается, научная школа вошла в международное содружество. Что и продемонстрировал 12-ый Международный съезд врачей и естествоиспытателей, состоявшийся в Москве в августе 1897 года. Именно с его трибуны знаменитый Вирхов³ произнёс: «Учитесь у русских!»⁴.

Прежняя Самарская улица постановлением Петербургской Городской Думы была переименована в Боткинскую, что и было зафиксировано сменой табличек с номерами домов. В доме № 6 по Боткинской улице (Сампсониевский проспект, д. 5), в Михайловской клинике, средний, нарядно-торжественный ризалит которого напоминал, что здесь размещена церковь во имя св. арх. Михаила, находилась также и академическая / факультетская терапевтическая клиника ИВМА, которую много лет возглавлял Сергей Петрович Боткин. В 1957 году была установлена и памятная мраморная доска на фасаде, выходящем на Сампсониевский проспект: «Здесь с 1861 по 1889 год работал выдающийся русский учёный в области медицины С. П. Боткин»⁵.

Здесь обучались искусству врачевания «из рук в руки» и «из уст в уста» у постелей больных тысячи слушателей, усваивавших не только важность научного обоснования диагноза, но и боткинское отношение к больному. Врач школы Боткина – гуманист и учёный, по-христиански относящийся к неизбежной встрече с болезнью и смертью, которые побеждаются любовью, нестяжательностью, сердечным участием врача в страданиях больного. Наука призывалась к сотрудничеству с искусством понимать, чувствовать, интуитивно сопереживать больному. «*Болезнь составляет одно из многих проявлений жизни*» – это один из постулатов, произнесённый Сергеем Петровичем Боткиным 7 декабря 1886 года на актовом дне академии⁶. Современная медицина нашла научные обоснования мобилизации внутренних духовных, душевных, психологических сил пациентов. Наука продвигается вперёд, подчас опрокидывая вчерашние свои завоевания, но некоторые учёные, к числу которых принадлежал и Сергей Петрович, умели среди научной достоверности и доказательности найти и сформулировать тайные и вечные законы бытия и материи, которые не растворяются в дымке времён. Обнажаясь при ветшании материальной ткани, они яснее и яснее демонстрируют существование вечной основы жизни, нравственности, морали.

Николай Иванович Пирогов⁷, стоявший в начале врачебного пути С. П. Боткина, имел огромное влияние на формирование основополага-

ния профессионального кредо будущего основателя «русской терапевтической школы». Пирогов, чьи труды в советское время издавались со значительными сокращениями, писал *«Верую, что основной идеал учения Христа, по своей недостижимости, остаётся вечным и вечно будет влиять на души, ищущие мира, через внутреннюю связь с Божеством, мы ни на минуту не можем сомневаться и в том, что этому учению суждено быть неугасающим маяком на извилистом пути нашего прогресса»*⁸.

Но был ли Сергей Петрович верующим? У многих его образ соединён с такими деятелями, как В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, А. Н. Герцен, то есть людьми, верующими в прогресс и разум, улучшающий материальную сторону жизни. Как и труды Н. И. Пирогова, эпистолярное наследие С. П. Боткина, его рукописи ещё ждут своего исследователя, издателя, комментатора. Евгений Сергеевич Боткин предпринял в 1909 году попытку расшифровать записи трудночитаемого текста первой клинической лекции С. П. Боткина.

Начинается лекция с упоминания серьёзных обвинений, звучащих в адрес русской врачебной школы, которые Сергей Петрович находит основательными и предлагает рецепты. *«Серьёзный труд и личная любовь к науке – при непримиримых гражданских доблестях доставят нам столько праведных сил, что поставят нас выше всех порицаний»*⁹. А вот откровенная беседа с братом Михаилом 1870-х годов: *«Всё, что другой получает в своей теплой вере в Бога... я черпаю из знания и музыки. Эти два начала дают мне упование, успокоение, надежду, удовлетворение, одним словом, делают человека счастливым, что отличает его от животного, что его облагораживает и возвышает»*¹⁰. Проходят годы, приходит опыт, мудрость, смирение при терпении скорбей, потери близких, невыносимая для трудоголика старческая немощь, усталость, серьёзная болезнь. Но Сергей Петрович не был бы гениальным учёным, если бы не совершенствовался и не развивался до последних дней своей жизни. И строится домовая церковь в имении Культилла, изменяется содержание писем, строки которых напоминают запись кардиограммы, круг интересов врача обращается к новым, но вечным вопросам геронтологии. Последние годы освещены не только всеобщим признанием, но и светом духовного, семейного тепла и радости, любви, которая не каждому дана в этой жизни. Знакомство с перепиской С. П. Боткина с Белоголовым, воспоминания последнего, также в полном объёме ещё не опубликованные¹¹, откроют новые стороны незаурядной, богато одарённой личности Сергея Петровича Боткина.

То, что имя знаменитого клинициста не забывалось, подтверждает открытие и освящение 7 июня 1908, в преддверии 20-летия со дня его кончины, бронзового памятника С. П. Боткину (скульптор В. А. Беклемишев), установленного на гранитном пьедестале, лицом к зданию клини-

ки и церкви. Взор его устремлён на фасад здания, в котором не только проходила большая часть его жизни, но в котором трудилась когорта его учеников, в том числе – трое его сыновей, выпускники ИВМА.

Сергей Сергеевич Боткин (1859—1910), старший сын Сергея Петровича, закончив естественно-научный факультет Санкт-Петербургского университета со званием магистра, пошёл по стопам отца, получив диплом лекаря с отличием (1886) и защитив степень доктора медицины (1888)¹². Учениками С. С. Боткина были выдающиеся учёные А. П. Гладин, И. А. Абрамович, М. И. Аринкин, С. С. Зимницкий. Имя Сергея Сергеевича увековечено в медицинских терминах «Капли Боткина», «болезнь Боткина-Вейля», палочки молочнокислого брожения. Им сделан ряд открытий в области происхождения и лечения инфекционных заболеваний. Сергея Сергеевича называют основателем школы бактериологов-инфекционистов. Основанная им в ИВМА в 1896 году кафедра бактериологии и заразных болезней существовала до 1924 года, после чего разделилась на две профильные. Научный потенциал Сергея Сергеевича не был вполне реализован из-за внезапной и безвременной кончины.

Его дружба со многими современными деятелями культуры (художником В. Серовым, «мирискусниками», артистами и режиссёрами МХТ, музыкантами и коллекционерами) продолжила традицию отцовских «боткинских суббот». Соединив свой жизненный путь с дочерью знаменитого Третьякова – Александрой Павловной, С. С. Боткин в своём доме на Потёмкинской собирал не только живописные полотна, предметы старины, но и интеллигенцию, составившую славу Серебряного века в искусстве¹³. После его кончины вдова смогла сохранить коллекцию рисунков и графики, по возможности (после революции) предотвратить её разграбление, передав в Русский музей. Выставка, продемонстрировавшая часть боткинской коллекции, вызвала огромный интерес, публикации¹⁴.

Его докторант И. И. Манухин вспоминал в годы эмиграции: «С. С. [Боткин] – сын знаменитого клинициста лейб-медика С. П. Боткина, происходившего из московского богатого и весьма культурного купечества... Идеализм, общая талантливость, редкая культурность и какой-то особый “боткинский” шарм были свойственны многим членам боткинской семьи. Судьба свела меня с Сергеем Сергеевичем, но я был знаком и с его братьями – Евгением Сергеевичем и Александром Сергеевичем. Они были похожи на брата и по наружности, и по общему душевному складу»¹⁵.

В отцовских традициях Сергей Сергеевич Боткин был главным врачом Елизаветинской общины РОКК. Основательницей и Августейшей покровительницей этой общины, оборудованной в бывшем имении Кушелева-Безбородко на Полюстровской набережной, дом 5, была великая княгиня Елизавета Федоровна. Будучи с детских лет знакомой и подготовленной к профессиональной помощи больным, она способствовала

современному оснащению клиник общины, а Сергей Сергеевич привлекал лучших врачей из академии в том числе и своего брата Евгения. Это обусловило высокий уровень подготовки кадра сестёр, владевших всеми необходимыми медицинскими знаниями и навыками.

Ил. 2. Середина Боткинской улицы (бывшая кафедра биологии с оранжереей ИВМА, ныне помещения военно-врачебной комиссии). Фотография конца XIX века. Архив исторического кабинета кафедры госпитальной терапии ВМА

К радости петербуржцев, в 2018 году восстановлен общинный храм великомученика Пантелеимона, отреставрированы некоторые больничные бараки, спланирован уютный парк, наполненный прогуливающимися петербуржцами. Как было бы интересно и полезно прихожанам Пантелеимоновской церкви узнать об истории церкви и общины, о её связях с ИВМА, имена врачей, составивших славу русской медицины: С. С. Боткина, Розова и сестёр, трудившихся и молившихся в этих стенах. Петербуржцы должны знать и помнить, что Военно-Медицинская академия – эта огромная и важная страница в истории Петербурга, России, Красного Креста, сестринского движения, истории мировой медицины и культуры.

Евгений Сергеевич Боткин (1865—1918)¹⁶ после 1-го курса Санкт-Петербургского университета перешёл в ИВМА, которую закончил 26 ноября 1889 года, за месяц до кончины отца. Евгений, получив звание «Лекарь с отличием», был отмечен премией Пальцева как второй по успехам на курсе из 150 слушателей, получивших дипломы в том году. Его успехи

не были так блестящи, как у старшего – Сергея и младшего брата – Александра. Несомненная природная одарённость, способствовавшая его врачебной карьере, а также трудолюбие, настойчивое стремление к совершенствованию, тонкая духовная организация и сердечность со временем выдвинули его в число приват-доцентов ИВМА. Е. С. Боткин был главным врачом Георгиевской общины, которая служила клинической базой для подготовки сестринского персонала, учебным полигоном для слушателей ИВМА, а также научно-практической лабораторией для докторантов¹⁷, что было предопределено участием в её основании его отца – Сергея Петровича Боткина. Был издан приказ по Военному министерству, оговаривавший избрание главного врача Георгиевской общины, по прошествии ряда лет, в число профессоров ИВМА, что и произошло с приват-доцентами Сиротининым, Чистовичем. Но у Е. С. Боткина обстоятельства сложились по-иному. Звание приват-доцента ИВМА Евгений Сергеевич носил с 12 мая 1897 года до 1912, когда по крайней занятости в должности лейб-медика (с 13 апреля 1908) и в ряде общественно-научных организаций (Военно-медицинский ученый комитет, Совет Центральных складов РОКК, Главный комитет РОКК, Императорское Человеколюбивое общество, Общество защиты материнства и младенчества, Общество усиления климатических курортов и проч.) он был вынужден оставить педагогическую деятельность в ИВМА. Но именно Евгений Боткин – автор значительного по объёму и своему историческому значению публикаций: научных, медико-педагогических, организационно-медицинских, а также – эпистолярного наследия, частично опубликованного¹⁸. Последнее письмо, оборванное на полуслове, было обращено к брату Александру, не как к брату, а как члену академической корпорации, носителю идеалов и принципов военного врача¹⁹.

Александр Сергеевич Боткин (1866—1936) закончил, как и братья, 2-ю Александровскую гимназию в Санкт-Петербурге, ИВМА (1890) первым по успехам, с премией Буша и занесением имени на мраморную доску. Защитил докторскую диссертацию в 1892 году²⁰. Одновременно, сдав экзамены на звание штурмана, перевёлся в Военно-Морское министерство, избрав своей основной профессией освоение Севера, Арктики и высоких широт Сибири. Участник экспедиции Б. А. Вилькицкого (в 1894–1896)²¹, составитель точной карты Байкала, кругосветный путешественник, Александр Боткин добровольно совмещал обязанности штурмана и обязанности врача, если не находилось кандидатов. Он создал подводную лодку, предложил ряд устройств для работы в северных широтах, рабочую одежду, защитные плащи и комбинезоны. Из экспедиций он привозил подарки в музей ИВМА, в академическую библиотеку, в том числе и свои отчёты. В эмиграции работал в Пастеровском институте, продолжал врачебную практику, проявляя редкий дар диагноста. Автор ряда на-

учных публикаций и воспоминаний. На материалах его личного архива написана книга²².

В числе активных деятелей общественной, не обеспеченной государственными субсидиями медицины был брат С. П. Боткина – Михаил Петрович Боткин. Участвуя как жертвователь, а также как член городской больницы комиссии, как член Совета Георгиевской общины РОКК, он помогал созданию оборудованных по последнему слову науки и техники клиник, лабораторий (при Георгиевской общине – института физио-гидро-терапии и массажа). Активно участвовал в произведённом главным врачом общины Е. С. Боткиным капитальном ремонте всех зданий Георгиевской общины, осушению и благоустройству местности, в строительстве новых зданий (на Петроградской стороне и в Дудергофе). Братья С. П. Боткина Михаил и Пётр помогали и Мариинской больнице для бедных в Санкт-Петербурге, пожертвовав капитал для бесплатных коек с памятью С. П. Боткина.

Дочери академика живописи М. П. Боткина окончили курсы сестёр милосердия и принимали участие не только в оказании помощи больным и раненым Первой Мировой войны. Елена Михайловна Боткина, сохранившая много раритетов семьи, сотни картин отца, часть его коллекций, особняк на Васильевском острове, до выхода на пенсию работала медицинской сестрой в больнице.

Значительный вклад в здравоохранение в Москве внёс Пётр Петрович Боткин, поддерживая земскую медицину и построив Лечебницу для душевнобольных²³. Он был Попечителем Андреевской богадельни (1862–1866), пожертвовал здание, бывшую дачу С. П. Боткина в Гатчине, дому попечения о хронически больных детях, был членом-благодетелем убежища Святой Марии Магдалины, почётным членом Московского общества призрения, воспитания и обучения слепых детей. За эту деятельность он был неоднократно награждён: знаком Красного Креста (1879), рядом медалей и Высочайшими благодарностью (1858), благоволением (1881)²⁴.

О значении имени «Боткинская улица» говорит адресная книга Петрограда за 1922 год, когда повальные переименования изменили топонимику города. Община Святого Георгия стала именоваться «им. К. Маркса», а Елизаветинская община (Полюстровская наб, д. 5) – «Больница им. К. Либкнехта и школа сестёр им. Р. Люксембург». Больше повезло Покровской общине на Большом проспекте Васильевского острова (после революции – пр. Адлера, д. 77, В. О.). Больница получила имя «Гаванская», а община – «школа сестёр им. Боткина».

В череде юбилеев нельзя не упомянуть организацию выставки (30.05.2019 – 29.09.2019), посвящённой 180-летию со дня рождения Михаила Петровича Боткина в помещении особняка, ему принадлежавше-

го, где неоднократно собирались члены этой семьи. В выставке приняли участие более 10 музеев, частные коллекционеры. Среди представленных портретов – парные Сергея Петровича Боткина и его первой жены Анастасии Александровны (урождённой Крыловой), кисти М. П. Боткина, ныне хранящиеся в Эрмитаже. Найдены и атрибутированы фотоматериалы, рисунки и картины. Каталог выставки²⁵, изданный Санкт-Петербургским государственным музеем-институтом семьи Рерихов, бережно отреставрировавшим занимаемый особняк М. П. Боткина и уже несколько лет кропотливо работающим над темой наследия Боткиных, а также сборник «Исторические Боткинские чтения», вып. 1 (2017 год) и вып. 2 (2019 год)²⁶ – свидетельство и залог продолжения изучения истории семьи Боткиных. В «Боткинском особняке» продолжается сбор материалов для постоянной экспозиции, посвящённой Боткиным, так как большая часть выставленных экспонатов, к сожалению, вернулась в запасники музеев.

Проходившая 25–26 июня 2019 года в музее-институте семьи Рерихов Вторая Международная конференция «Исторические Боткинские чтения», сопровождавшаяся слайд-фильмами и завершившаяся обзорной автобусной экскурсией по местам жизни и деятельности Боткиных в Петербурге, объединила самых разных людей: потомков семьи Боткиных и исследователей, военных врачей и верующих, почитающих святого праведного врача Евгения (Боткина). Верующие уже более 10 лет постоянно ежегодно служили панихиды у могил Боткиных на Новодевичьем кладбище и в Александро-Невской лавре. Интересно, что дата кончины старшего из сыновей С. П. Боткина – Сергея Сергеевича Боткина – 11 февраля совпала с днём его брата Евгения, прославляемого в этот день в составе собора святых Екатеринбургской епархии.

У могилы Михаила Петровича и Сергея Петровича на Новодевичьем кладбище было интересно узнать об именах всех членов семьи, похороненных в этой могиле и соседней, ныне лишившейся надгробий, которые были выявлены Е. В. Бакалдиной. Участники экскурсии осмотрели также могилы учеников С. П. Боткина, расположенные вблизи Боткинског пантеона.

Боткины внесли огромный вклад в многослойную и богатую палитру жизни государства, воспроизводя характерную для России традицию семейного служения «Богу и Государю»²⁷. Промыслительно, что Боткинская улица пересекается с улицей академика Лебедева. Но Сергей Петрович Боткин тоже был академиком. Топографическая форма наименования улицы – свидетельство значимости вклада этой семьи, выраженное одним словом – Боткинская, которое не смогли стереть никакие государственные, политические, демографические цунами.

Ил. 3. Конец Боткинской улицы. Открытие памятника С. П. Боткину у здания Михайловской клинической больницы (сейчас ВМА). Фотография 25 мая 1908 года. Архив исторического кабинета кафедры госпитальной терапии ВМА

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Столетие Военного министерства: 1802–1902 / Гл. ред. ген. от кавалерии Д. А. Скалон; [обл. и виньетки худож. Н. Самокиш]: Императорская Военно-медицинская (медико-хирургическая) академия. — СПб.: типография товарищества М. О. Вольф, 1910. — Т. 2. — С. 211–216; *Гордиенко А. В.* Духовное наследие Императорской Военно-медицинской академии. — СПб., 2018. — С. 48–50.
- ² Яков Васильевич Виллие (Виллье) (1768—1854) — военный врач, лейб-медик Российского императорского двора, организатор военно-медицинского дела в российской армии. В 1808–1838 годах президент Медико-хирургической академии. Завещал деньги на постройку Михайловской клинической больницы, которая стала называться «Клиническая больница баронета Виллие (Михайловская)».
- ³ Рудольф Людвиг Карл Вирхов (1821—1902) — немецкий учёный, врач, патологоанатом, гистолог, физиолог, один из основоположников клеточной теории в биологии и медицине, основоположник теории клеточной патологии в медицине.
- ⁴ XII Международный съезд врачей. Москва. 1897: Альбом. — М.: Изд. В. Чеховского, 1899.
- ⁵ Мраморная доска установлена в 1957 году к очередной дате — 125-летию со дня рождения С. П. Боткина.

- ⁶ Боткин С. П. Актовая речь 7 декабря 1886 года // Клинические лекции. – М.: Медгиз, 1950. – С. 9–25.
- ⁷ Николай Иванович Пирогов (1810—1881) – русский хирург и учёный, педагог, профессор, основоположник русской военно-полевой анатомии, основатель русской школы анестезии.
- ⁸ Пирогов Н. И. Сочинения Н. И. Пирогова. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1887. – Т. 1. – С. 182.
- ⁹ ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 96 (1859). Л. 36–41. Текст первой клинической лекции С. П. Боткина, расшифрованный Е. С. Боткиным.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 96. Л. 41 об. Письмо С. П. Боткина, расшифрованное Е. С. Боткиным.
- ¹¹ Журавский С. Г. Письмо С. П. Боткина к Н. А. Белоголовому (май 1885 года, Культилла): характеристика и значение эпистолярия как исторического источника // Исторические Боткинские чтения: Вып. II. – СПб.: СПбГМИСР, 2019. – С. 9–31.
- ¹² Боткин С. С. Влияние солей рубидия и цезия на сердце и кровообращение в связи с законностью действия щелочных металлов. Докторская диссертация. Под руководством И. П. Павлова. – СПб., 1888.
- ¹³ Хохлова Е. С. Серебряный век в фотографиях А. П. Боткиной. – М.: издательство журнала «Наше наследие», 1998.
- ¹⁴ Коллекции Михаила и Сергея Боткиных. (Не корысти ради...): Коллекции и коллекционеры Русского музея). СПб., 2011. – Вып. 316.
- ¹⁵ Жизнь и призвание доктора И. И. Манухина /Сост. и подг. текста А. В. Говядинов; предисл. Т. И. Ульянкина. – М.: Русский путь, 2015. – С. 77.
- ¹⁶ Хронология жизни и деятельности Е. С. Боткина представлена в ст.: Ганф Т. И., Никифоров В. С. Даты жизни и деятельности Евгения Сергеевича Боткина // Исторические Боткинские чтения: Вып. I. – СПб.: СПбГМИСР, 2017. – С. 143–151.
- ¹⁷ Булах Д. Г. О лейкоцитозе при брюшном тифе у детей и о соответствии его с проявлением реакции Widal и диазореакции. Серия диссертаций ИВМА 1909–1910 гг. № 45. Руководитель – приват-доцент ИВМА Е. С. Боткин.
- ¹⁸ Ганф Т. И., Никифоров В. С. Научные публикации и выступления Евгения Сергеевича Боткина // Исторические Боткинские чтения: Вып. II. – СПб.: СПбГМИСР, 2019. – С. 93–99.
- ¹⁹ Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина. Т. Е. Боткина. Воспоминания о Царской семье. Е. С. Боткин. Письма родным. – СПб.: Царское дело, 2010. – С. 24.
- ²⁰ Боткин А. С. К патологической анатомии селезёнки при крупозной пневмонии. Дисс. на степень доктора медицины. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1892.
- ²¹ Об участии А. С. Боткина в экспедиции см. в ст.: Смирнов В. Г. Участие офицера Российского флота А. С. Боткина в исследовании Арктики в конце XIX века // Исторические Боткинские чтения: Вып. II. – СПб.: СПбГМИСР, 2019. – С. 165–173.
- ²² Battistelli Zaoli A. Aleksandr Sergeevic Botkin, Capitano di Fregata, Adetto Scientifici, Politicoe Militare dello Zar Nicola 2. – Sanremo: edittione «Casabianca», 1996.
- ²³ Смирнов А. А. Боткины: предприниматели, меценаты, коллекционеры, учёные и последние лейб-медики России // Служба 08. – 2007. – № 10.
- ²⁴ Бакалдина Е. В. Пётр Петрович Боткин: часторговец и благотворитель // Исторические Боткинские чтения: Вып. I. – СПб.: изд-во СПбГМИСР, 2017. – С. 57–72.

- ²⁵ Академик живописи М. П. Боткин. К 180-летию со дня рождения: альбом выставки / Авт.-сост.: Е. В. Бакалдина; Отв. ред. А. А. Бондаренко. — СПб.: изд.-во СПбГМИСР, 2019.
- ²⁶ Исторические Боткинские чтения: Вып. I. — СПб.: изд.-во СПбГМИСР, 2017; Исторические Боткинские чтения: Вып. II. — СПб.: СПбГМИСР, 2019.
- ²⁷ *Егоров Б. Ф.* Боткины. Преданья русского семейства. — СПб.: Наука, 2004.

А. Г. БУЛАХ
(Санкт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ДОМЕ С. С. БОТКИНА

Аннотация. Автор, живущий в доме С. С. Боткина, приводит чертежи дома С. С. Боткина, располагавшегося на Потёмкинской улице, дом 9, объясняет назначение комнат и других помещений на половинах семей Боткиных и Оливов, рассказывает о новых деталях истории дома Боткиных.

Ключевые слова: Боткины, Оливы, В. Р. Гардин, Потёмкинская улица.

A. G. BULAN
(St. Petersburg)

ABOUT S. S. BOTKIN' HOUSE

Abstract. The author, who lives in the house of S. S. Botkin, gives drawings of the house of S. S. Botkin, located on Potemkinskaya Street, house 9, and explains the purpose of the rooms in the halves of the Botkin and the Oliv families, tells about new details of the history of the Botkin house.

Keywords. Botkins, Olives, V. R. Gardin, Potemkinskaya street.

В 1903 году чета Боткиных – врач Сергей Сергеевич Боткин (1859—1910) и его супруга Александра Павловна, урождённая Третьякова (1867—1959) – купила у жены вице-адмирала Александры Гавриловны Епанчиной недвижимое имущество по адресу Фурштатская, дом 62, и Потёмкинская, дом 9¹ [ил. 1]. При этом денежный вклад С. С. Боткина был 1/3, а А. П. Боткиной 2/3².

На купленном месте в 1903–1906 годах архитектором Адамом Иосифовичем Дитрихом по заказу С. С. Боткина был создан дом в стиле петровского нео-барокко³. Строительство было дорогим, поэтому супругам Боткиным пришлось обратиться в Санкт-Петербургское Городское кредитное общество, представитель которого в 1906 году составил достаточно подробное описание дома и его инфраструктуры⁴. Во второй части особняка, выходящей другой стороной на Фурштатскую улицу, долгое время проживала семья Олив.

Литература о доме и его хозяевах обширна. По-разному вспоминают и по-своему описывают и трактуют жизнь дома и судьбу коллекций Боткиных и Оливов А. Н. Бенуа, В. К. Шуйский, А. С. Дубин, И. Б. Верховская, Е. Бекетова, К. Г. Булах, В. Ю. Гессен⁵. Будучи сам жителем одной из квартир особняка, я надеюсь поделиться неизвестными или ранее не связанными между собою фактами.

До последнего времени дом привлекал к себе яркими колерами зданий петровского времени и выделялся среди домов вокруг, можно сказать, как тульский пряник⁶. Во второй половине XX века дом был заботливо окружён липами. Теперь липы срезаны, колеры использованы блеклые, но дом по-прежнему интересен.

В приложении к № 32 журнала «Зодчий» за 1906 год⁷ опубликованы чертёж дома С. С. Боткина, а также его поэтажные планы.

Ил. 1. Вид дома со стороны Таврического сада.

Фотография автора, 11 июня 2004 года

Если смотреть на парадный фасад дома со стороны Таврического сада, семья Боткиных занимала правую (четырёхэтажную) часть дома. Левую часть дома (трёхэтажный флигель у дворика и три этажа на углу) занимала семья Оливов. Со стороны хорошо заметно, что уровни этажей и крыши в частях Боткиных и Оливов разные. Внутри флигеля, в углу двора, находится лестничная клетка. Лестница чёрная, она дешёвая и примитивная, с железными тонкими перилами. Значит, не было прохода из одной части здания в другую.

Половина Боткиных. План, опубликованный в 1906 году в журнале «Зодчий» и в 2011 году К. Г. Булахом, был уточнён мною⁸ [ил. 2].

Все спальни находились на четвёртом этаже. На втором и третьем этажах помечены две гостиные, кабинет, библиотека, столовая, кухня, кофейная и другие комнаты. На первом этаже жил дворник и слуга, имелось помещение для сундуков, а во дворе за широкими деревянными ворота-

ми располагалась конюшня. Возможно, она была заменена гаражом, который упоминается в документах 1916 года⁹.

Ил. 2. План дом на Потёмкинской, 9. Владение семьи Боткиных. Чертёж В. Н. Пакулина. 2019

Чёрная лестница в углу дома во дворе связывала между собой все этажи и вела на мансарду к прачечной с кубовой и гладильной. Бельё выносили оттуда на просторный чистый чердак, он был удобно застлан деревянными мостками, а над ними были протянуты полиспастовые устройства, чтобы легко развешивать вещи по всей длине здания – я всё это видел сам, так как в молодости любил приходить на этот светлый и солнечный чердак. Теперь прачечная превращена в студию Фонда художников Санкт-Петербурга.

С Потёмкинской улицы в боткинскую часть дома вела деревянная дверь (теперь металлическая). На ночь дворник закрывал её деревянным двустворчатым ставнем, он распахивался вчетверо, и в него вставляли толстый прямоугольный деревянный засов. Я иногда зачем-то раскрывал и закрывал ставень, он исчез лишь в 1998 году. Раньше, очевидно, оставляли в вестибюле верхнюю одежду. Уже очень давно вестибюль укорочен, из него выгорожена отдельная жилая комната для квартиры с маленьким окном, выходящим во внутренний двор.

В альбоме фотографий Александры Павловны Боткиной, собранном её правнучкой Е. С. Хохловой, изданы фотографии, в том числе запечатлевшие и комнаты боткинской части особняка¹⁰. А. П. Боткина «не просто любила снимать родных и знакомых – в её работах есть взгляд художника, умевшего “поймать” особое выражение лица, позу, создать точную композицию кадра»¹¹. Разглядывая её фотографии, можно хотя бы частично представить себе среду, жизнь и мир семьи Боткиных. На фотографии, датированной 9 мая 1907 года¹², видна Шура Боткина¹³ – изящная девушка, за ней – длинный коридор с застеклённой дверью в следующую комнату, паркет на полу, обилие картин, небольшой скульптурный портрет, мебель, высокое зеркало и, наконец, панели на батареях теплового отопления. Именно этот старый паркет и панели у батарей сохранились до сих пор в бывшей квартире Гардина¹⁴. На фотографии от 13 января 1912 года¹⁵ сняты сёстры Анастасия¹⁶ и Александра Боткины вместе с их дядей, доктором Евгением Сергеевичем Боткиным (он жил в то время недалеко от родственников, на Фурштатской улице, дом 23¹⁷).

«Петровская» столовая запечатлена на фотографии от 17 января 1909 года¹⁸, кабинет А. П. Боткиной – на фотографии 1908 года¹⁹.

Дом Боткиных был хлебосольный, полный гостей. Как вспоминала дочь С. С. Боткина: «По своей натуре Сергей Сергеевич, как я хорошо помню, был исключительно добрым общительным человеком, легко вступающим в контакт с людьми. Всегда был рад, когда к нему приходили ученики, сотрудники или гости; он их оставлял обедать...»²⁰. Сохранилось несколько фотографий гостей Боткиных, сделанных на балконе особняка, выходящем на Потёмкинскую улицу. Среди них И. М. Москвин²¹, В. И. Качалов²², О. Л. Книппер-Чехова²³ и другие артисты Московского художественного театра. На фотографии, сде-

ланной 5 мая 1909 года, сняты те же В. И. Качалов, жена А. П. Чехова Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, её брат, министр путей сообщения Константин Леонардович Книппер²⁴, и его дети – Лёва²⁵, Оля²⁶ и Ада²⁷.

Сергей Сергеевич Боткин скончался в Петербурге в 1910 году. Его супруга, Александра Павловна Боткина, жила попеременно в Петербурге-Петрограде-Ленинграде и Москве до конца 1920-х годов, когда окончательно поселилась в Москве. Тем не менее, по документам Государственного музейного фонда, А. П. Боткина проживала в Ленинграде в семейном особняке; она оставалась хранительницей оставшейся части «предметов старины и искусства»²⁸.

Ещё в 1918 году А. А. Войтов писал в художественную комиссию по охране памятников старины и искусства: *«Получив предписание от Худ. комиссии осмотреть и описать вещи, помещающиеся в особняке Г-жи Боткиной по Фуриштадской ул., д. 62/9, имеющие худ. ценность, мною 27 августа было приступлено к осмотру названного особняка. Дом Г-жи Боткиной состоит из 2-х флигелей, в одном из которых живёт секретарь Бельгийского посольства, другой же за отъездом владелицы дома в Москву, пустует. Всех комнат в пустующем флигеле особняка двенадцать (не считая кухни, буфетных и пр.), расположенных в трёх этажах. В этих комнатах находятся редкая мебель, картины, книги и проч., представляющие крупный научно-художественный интерес. Первоначально мною были приняты меры к охране имущества, выразившиеся в наложении печатей на входные двери третьего и четвертого этажа. В первом же этаже мною были наложены печати на все двери комнат, за исключением парадной входной двери и двери кабинета, т. к. в нём временно до среды 4 сентября проживает знакомый Г-жи Боткиной»*²⁹»³⁰.

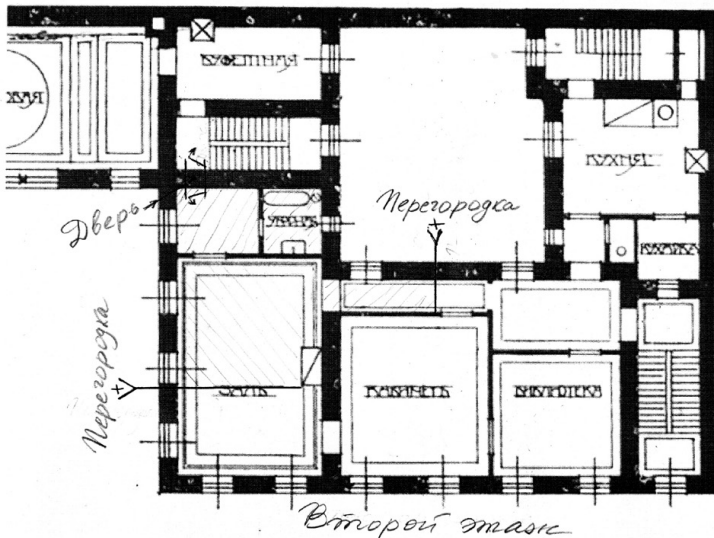
В архиве Государственного Эрмитажа имеется справка управдома от 4 мая 1933 года³¹. В ней указано, что Александра Павловна Боткина была 16 апреля 1931 года из ЖАКТа (Жилищно-арендного кооперативного товарищества) домов по ул. Лаврова³² 60 и 62/9. Пока не удалось найти документы с точным указанием на номер квартиры. В выписке от Жилконсервиса № 3 Центрального района С-Петербурга, предоставленной 16 февраля 2018 года, есть данные о справке, в тексте которой читаем: *«Дана настоящая гражданину Гардину Владимиру Ростиславовичу 6/І-1877 г. рожд., м. рождения гор. Тверь, в том, что он проживал по улице Фуриштатская (П. Лаврова) дом 62 кв. 16 был прописан постоянно с 14/V-1933 г. (прибыл 25/VI-1932 г. с ул. Петра Лаврова д. 60 кв. 3) выписан 2/VI 1965 г. Умер. Выдана для представления по м[есту] требования. Архивные книги стр. 55, 345; 72, 73-485. Инспектор ОВиРУ³³ (подпись) 16.02.2018»*. В этот же день в ту же квартиру прописана его жена Татьяна Дмитриевна Гардина (урождённая Булах)³⁴.

Старшая дочь, Александра Сергеевна Хохлова, выйдя замуж за актёра Московского художественного театра К. Хохлова, навсегда уехала в Москву после 1914 года³⁵.

Младшая дочь, Анастасия Сергеевна Боткина, в 1924 году вышла замуж за Фёдора Фёдоровича Нотгафта³⁶. Она постоянно жила в Петербурге-Петрограде-Ленинграде и умерла в блокаду в 1942 году³⁷. Уехав из родного дома, А. С. Боткина проживала по адресу ул. Герцена³⁸, д. 14, кв. 35³⁹. В другом архиве есть документ (цитируется мною по книге А. Н. Бенуа): «67. 05.07.1923. А. С. Боткина ходатайствует о предоставлении ей <...> праве проживать в доме, в одном из помещений 1 этажа⁴⁰, состоящего из 4-х комнат, кухни и коридора»⁴¹.

Постепенно менялась планировка комнат. После 1920-х годов весь третий этаж превратился в громадную коммунальную квартиру № 14. Сейчас она приватизирована. Балкон, на котором сфотографированы в 1909 году именитые гости, существует, я побывал на нём в 1998 году и любовался видом на Таврический сад. Новые владельцы бережно сохраняли первоначальные планировку и оформление комнат, однако люди следующего поколения навесили по «европейскому стандарту» потолки и сделали другие изменения в квартире.

Четвёртый этаж дома стал в 1920-е годы тоже коммунальным жильём. Это квартира № 15. В начале 2000-х годов она приватизирована, там проведён европейский ремонт. Отопление автономное, потолки навесные, вентиляция идёт от пропеллеров на стенах дома. При этом вентиляционные шахты для естественного проветривания дома плотно забиты строительным мусором, в одну из шахт врезан камин. Сделаны две ванные комнаты.

Ил. 3. План квартиры В. Р. Гардина. Чертёж 1946 года по плану Дитриха (1906)

В половине Боткина на первом этаже во дворе указаны квартиры № 11 (бывшая дворницкая и комната лакея) и № 12 (где были комнаты для лакея и его семьи, а также места для сундуков), кроме того, в бывшей половине Боткина конюшня превратилась в квартиру № 23. Далее нумерация переходит на парадную лестницу Боткиных, снизу-вверх, это № 16 (на втором этаже), 14 (на третьем этаже), 15 (на четвёртом этаже).

Интересна судьба второго этажа дома С. С. Боткина. В 1920-е годы или позднее угловой солнечный пятиоконный зал был аккуратно разделён на две комнаты [ил. 3]. В итоге на этаже появились две изолированные квартиры, маленькая № 9 и большая № 16.

Квартира № 9 второго этажа состоит из двух смежных комнат. Одна комната квадратная, светлая, с широкими окнами в сторону зелёного двора. Вторая комната получилась узенькой, тёмной, с окном во внутренний двор. Прихожая обращена к чёрной лестнице половины Оливов. В капитальной стене была пробита дверная ниша; уровень пола квартиры № 9 ощутимо выше уровня лестничной площадки.

В квартире № 16 вход с парадной лестницы начинался с просторной прихожей с большим окном во внутренний двор. Впереди прихожей была то ли тёмная комнатка, то ли альков (это был кусок бывшего длинного коридора). Налево, вдоль Потёмкинской улицы, тянулась анфилада трёх прекрасных комнат. Вход из прихожей вёл направо через проходную комнату к большой кухне, а оттуда был выход на чёрную лестницу. Перегородки проведены так, что квартира формально состояла лишь из смежных комнат. Возможно, такую квартиру было легче отстоять по новым правилам расселения жильцов. Временные лёгкие двери делали квартиру удобной, но они не входили в чертежи. Я сам, ещё ребёнком часто бывал, а в 1946–1947 годы жил в этой квартире.

В 1958–1960-х годах Татьяна Дмитриевна Булах изменила квартиру В. Р. Гардина (№ 16). Так на месте прежней боткинской кухни и смежных помещений появилась изолированная квартира № 27 с окнами во второй двор. А в оставшейся парадной части квартиры Гардина она перепланировала бывшие кабинет и библиотеку Боткина. Таким способом она абсолютно защитила себя от вселения новых жильцов после кончины Гардина. В 1973 году после смерти Татьяны Дмитриевны в квартире был прописан её племянник Кирилл Глебович Булах⁴². С 1985 года в ней живут супруги Андрей Глебович Булах и Виктория Викторовна Кондратьева.

Половина Оливов [ил. 4] блистала великолепием. Легче всего оценить бывшее убранство и мебель, пройдясь по залам французского искусства в Государственном Эрмитаже. В Зимнем дворце экспонируется изысканная мебель, небольшие предметы искусства и громадная деревянная панель, покрывавшая стену одной из комнат на половине дома Оливов.

Ил. 4. План дома на углу Фурштатской, 62 и Потёмкинской, 9. Владения семьи Олизов. Чертёж В. Н. Пакулина. 2019

На первом этаже в половине Оливов номера 1 и 2 получили две большие по нынешним меркам квартиры⁴³. На втором этаже появились квартира № 3 (бывший зал) и квартира № 4 (бывшие гостиная, кабинет и приёмная), а столовая и помещения вокруг неё стали квартирой № 5 (в ней долго жила Наталья Михайловна Вольф). На третьем этаже – квартира № 6, 7, 8. На чёрной лестнице обозначены две квартиры. На втором этаже находится квартира № 9. Мы уже говорили о ней. На мансарде создана квартира № 10. Постепенно из квартир № 1 и 2 выделили квартиры № 17 и 18.

Значительные перемены произошли с особняком в 2000-е годы – это приспособление жилых помещений первого этажа для сдачи их арендаторам. В капитальных стенах первого этажа было пробито пять широких высоких ниш для новых входных дверей в магазины и салоны. Пробито капитальное перекрытие между вторым этажом (бывшая столовая Оливов) и первым этажом (бывший сарай) для того, чтобы построить внутреннюю широкую лестницу с одного этажа на другой, а во внешнюю капитальную стену пробили нишу для удобного входа в новый двухэтажный салон. Сейчас это салон Австрийской школой этикета.

В июне–октябре 2019 года во всём доме выполнен капитальный ремонт отопления. На чердаке в половине Оливов найдены остатки былой роскоши – обломки многоцветной керамики. Таким образом, жизнь особняка С. С. Боткина продолжается...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 86. Д. 615. Л. 1, 3.

² ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 86. Д. 615. Л. 3.

³ Мир искусства в доме на Потёмкинской / А. Г. Булах, Т. Д. Булах-Гардина, К. Г. Булах, В. К. Шуйский. – М.: Издательство Центрполиграф, 2011. – С. 185–186.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 4696 А. Л. 4-21.

⁵ *Бенуа А. Н.* Памяти С. С. Боткина // Александр Бенуа размышляет... Статьи. Письма, высказывания. – М.: Советский художник, 1988. – С. 168–175; *Шуйский В. К.* Дом коллекционеров на Потёмкинской. От С. С. Боткина до В. Р. Гардина // Материалы VII Царскосельской конференции. Судьбы музейных коллекций. – СПб., 2001. – С. 360–369; *Дубин А. С.* Фурштатская улица. – М.: ЦЕНТРОПОЛИГРАФ, 2005. – С. 388–402; Верховская И. Б. К истории создания двухтомника «Собрание С. С. Боткина» – Государственный Эрмитаж // Коллекционеры и меценаты в Санкт-Петербурге. 1907–1917. Тезисы докладов конференции. – СПб., 1995. – С. 38–39; *Верховская И. Б.* Коллекция Сергея Сергеевича Боткина // Коллекции Михаила и Сергея Боткиных. (Не корысти ради...): Коллекции и коллекционеры Русского музея). – СПб., 2011. – Вып. 316. – С. 254–264; *Бекетова Е.* Особняк С. С. Боткина (ул. Фурштатская, 62 – Потемкинская ул., 9) // Портрет петербургского дома: Сборник материалов культурно-исторической акции «Страницы истории Петербурга: Столетие Вашего дома» / Автономная некоммерческая организация культуры «Русский клуб». – СПб.: Политехника-сервис, 2009. – С. 323–333; Мир искусства в доме на Потёмкинской /

- А. Г. Булах, Т. Д. Булах-Гардина, К. Г. Булах, В. К. Шуйский. – М.: Издательство Центрполиграф, 2011; *Гессен В. Ю.* О коллекциях из особняка С. С. Боткина в Петрограде (по материалам ЦГАЛИ СПб) // Исторические Боткинские чтения. Вып. 2. – СПб.: Издательство СПбГМИСР, 2019. – С. 82–92.
- 6 *Булах А. Г.* Дом-особняк Сергея Сергеевича Боткина в Санкт-Петербурге у Таврического сада. Люди и судьбы. 1903–2018. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2019. «Как тульский пряник» – так сказано в очерке Кирилла Глебовича Булаха (1929–1999), брата А. Г. Булаха, о доме на Потёмкинской. Кирилл Булах был дружен с В. Р. Гардиным и Т. Д. Булах. В 1973–1985 годах он жил в их бывшей квартире № 16. Текст насыщен множеством интересных сведений, воспоминаний и собственных оценок событий. Очень интересны и другие очерки на этом портале о В. Р. Гардине и о Т. Д. Булах. Материал расположен на портале Проза.ру.
- 7 Приложение к журналу «Зодчий». – 1906. – 6 августа. – №32. – Лист. 39.
- 8 Дом-особняк С. С. Боткина // Приложение к журналу «Зодчий». – 1906. – 6 августа. – №32. – Л. 39; Мир искусства в доме на Потёмкинской / А. Г. Булах, Т. Д. Булах-Гардина, К. Г. Булах, В. К. Шуйский. – М.: Издательство Центрполиграф, 2011. – С. 189.
- 9 ЦГИА СПб. Ф. 2084. Оп. 1. Д. 615. Л. 2 об.
- 10 Серебряный век в фотографиях А. П. Боткиной: [фотоальбом] / авт.-сост. Е. С. Хохлова [предисл.: Д. С. Лихачёв]. – М.: Наше наследие, 1998.
- 11 *Хохлова Е. С.* Фотоальбом моей прабабушки. Фотографии А. П. Боткиной // Наше наследие. – 1990. – № 6 (18). – С. 156.
- 12 Там же. – С. 59.
- 13 Александра Сергеевна Боткина, в первом браке Хохлова (1891—1985) – старшая дочь С. С. и А. П. Боткиных.
- 14 Владимир Ростиславович Гардин (1877—1965) – актёр, театральный и кинорежиссёр, педагог. Проживал в квартире Боткиных.
- 15 Серебряный век в фотографиях А. П. Боткиной... – С. 66.
- 16 Анастасия Сергеевна Боткина (1892—1942) – младшая дочь С. С. и А. П. Боткиных.
- 17 Весь Санкт-Петербург на 1912 год. Отдел 3. Алфавитный указатель жителей города Санкт-Петербурга, Царского Села, Павловска, Гатчины и Петергофа. – СПб., [1912]. – С. 100.
- 18 Там же. – С. 62.
- 19 Там же. – С. 47.
- 20 *Хохлова А. С.* Мой отец Сергей Сергеевич Боткин: К 125-летию со дня рождения // Клиническая Медицина. – 1984. – Т. 62. – № 11. – С. 141.
- 21 Иван Михайлович Москвич (1874—1946) – актёр, с 1936 года Народный артист СССР.
- 22 Василий Иванович Качалов (1875—1948), настоящая фамилия Шверубович – артист Московского художественного театра, чтец, педагог.
- 23 Ольга Леонардовна Книппер-Чехова (1868—1959) – актриса Московского художественного театра, 1937 года Народная артистка СССР. Жена А. П. Чехова.
- 24 Константин Леонардович Книппер (1866—1924) – инженер путей сообщения.
- 25 Лев Константинович Книппер (1898—1974) – композитор.
- 26 Ольга Константиновна Книппер, в замужестве Чехова (1897—1980) – актриса. Жена Михаила Александровича Чехова. После замужества навсегда уехала из России.

- В Германии она стала известна как Olga Tschechowa, Olga von Knipper, и получила там в 1936 году звание Государственной артистки Германии (Staatsschauspieler).
- ²⁷ Ада Константиновна Книппер, в замужестве Гринвальд (1895—1985).
- ²⁸ АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1488. Л. 18.
- ²⁹ Лицо не установлено.
- ³⁰ Благодарю за предоставленные сведения старшего научного сотрудника отдела рисунка Государственного Русского музея И. Б. Верховскую: АГЭ. Ф. 1. Оп. 1. № 1488. Л. 1.
- ³¹ АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1488. Л. 36.
- ³² Так с 1923 по 1991 год называлась Потёмкинская улица.
- ³³ Отдел виз и регистрации.
- ³⁴ Татьяна Дмитриевна Булах-Гардина (1904—1973) – актриса театра и кино, автор мемуаров. Жена В. Р. Гардина, проживала в особняке С. С. Боткина.
- ³⁵ Хохлова Е. С. Александра Хохлова: кинозвезда из рода Боткиных // Исторические Боткинские чтения: Вып. 1. – СПб.: Издательство СПбГМИСР, 2017. – С. 183–184.
- ³⁶ Фёдор Фёдорович Нотгафт (1886—1942) – искусствовед, коллекционер, старший научный сотрудник Эрмитажа.
- ³⁷ Вайнберг Н. И. Анастасия Сергеевна Боткина (в замужестве Нотгафт) // Исторические Боткинские чтения. Вып. 1. – СПб.: Издательство СПбГМИСР, 2017. – С. 190–199.
- ³⁸ Большая Морская улица.
- ³⁹ АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1619. Л. 1.
- ⁴⁰ А. Н. Бенуа обозначает этажи по системе, когда нежилой первый этаж исключался из нумерации этажей.
- ⁴¹ Бенуа А. Н. Памяти С. С. Боткина // Александр Бенуа размышляет... Статьи. Письма, высказывания. – М.: Советский художник, 1988. – С. 168–175; АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1488. Л. 36.
- ⁴² Кирилл Глебович Булах (1929—1999) – инженер, капитан 1 ранга.
- ⁴³ Речь идёт о эмалевых номерах на квартирах. Я не знаю времени их установки.

ОБ АВТОРАХ

Бакалдина Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов.

Бровкина Татьяна Юрьевна – заведующая Музеем Николаевской гимназии (Государственное бюджетное учреждение дополнительного образования «Центр детско-юношеского технического творчества и информационных технологий» Пушкинского района Санкт-Петербурга).

Булах Андрей Глебович – доктор геолого-минералогических наук, почётный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Лауреат Анциферовской премии 2012 года, заслуженный работник высшего образования Российской Федерации.

Быльченко Ирина Николаевна – исследователь наследия Боткиных в Белгородской области. Белгород.

Ветошникова Наталья Борисовна – хранитель части архива Боткиных, вдова Ю. Н. Самарина, сына Н. Н. Самарина, женатого первым браком на Л. М. Боткиной. Санкт-Петербург.

Ганф Татьяна Иннокентьевна – член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, Санкт-Петербург.

Гордиенко Александр Волеславович – доктор медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации, профессор, заведующий кафедрой и клиникой госпитальной терапии имени профессора В. Н. Сиротинина Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова Министерства обороны Российской Федерации, Санкт-Петербург.

Егоров Борис Фёдорович – профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник-консультант Института истории Российской академии наук, Санкт-Петербург.

Журавский Сергей Григорьевич – доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник лаборатории слуха и речи Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова.

Ионов Павел Борисович – аспирант кафедры гигиены Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Санкт-Петербург.

Ионова Татьяна Ивановна – доктор биологических наук, профессор, руководитель отдела Клиники высоких медицинских технологий имени Н. И. Пирогова Санкт-Петербургского государственного университета. Председатель Совета Межнационального центра исследования качества жизни, Санкт-Петербург.

Ковалевский Александр Васильевич – директор музея истории Мариинской больницы, Санкт-Петербург.

Легкова Дина Викторовна – искусствовед, главный хранитель фондов Учебного музея прикладного искусства Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица.

Никонова Лариса Вениаминовна – заместитель директора детской воскресной школы при храме во имя иконы Божьей Матери «Неупиваемая Чаша», Санкт-Петербург.

Новаковская-Бухман Светлана Михайловна – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея, Санкт-Петербург.

Один Виталий Иванович – доктор медицинских наук, профессор кафедры факультетской терапии имени С. П. Боткина Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова Министерства обороны Российской Федерации, Санкт-Петербург.

Трефилова Татьяна Александровна – краевед, историк Васильевского острова, автор радиопрограмм и статей по истории петербургской церковной благотворительности, экскурсовод. Санкт-Петербург.

Шапошников Михаил Борисович – заведующий отделом «Музей Серебряного века» Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля, Москва.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГЭ	Архив Государственного Эрмитажа
АН СССР	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
ВА ГРМ	Ведомственный архив Государственного Русского музея, Санкт-Петербург
ВМА	Военно-медицинская академия
ГИДУВ	Государственный институт для усовершенствования врачей, Ленинград
ГРМ	Государственный Русский музей
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ЖАКТ	Жилищно-арендное кооперативное товарищество
ИАХ	Императорская Академия художеств
ИВМА	Императорская Военно-медицинская академия
ИИМК	Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург
ИМХА	Императорская Медико-хирургическая академия
ИОПХ	Императорское Общество поощрения художеств
КПХО	Книга поступлений Художественного отдела Русского музея, Санкт-Петербург
КСИА	Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук, Москва
КСИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. Москва, Ленинград
М	Москва
МАК	Материалы по археологии Кавказа, Санкт-Петербург
МЛТ	Государственный музей Л. Н. Толстого, Москва
МНГ	Музей Николаевской гимназии, Санкт-Петербург, Царское Село
МХТ	Московский художественный театр
ОАК	Отчёт Императорской Археологической Комиссии, Санкт-Петербург
ОИМ ННИИОЗ	Отдел истории медицины Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко, Москва

ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва
ОР ГТГ	Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи
ОР МЛТ	Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого, Москва
Пг	Петроград
ПСЗРИ	Полное собрание законов Российской империи
РАН	Российская академия наук
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства, Москва
РГИА	Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
РО ИРЛИ РАН	Рукописный отдел института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург
РОКК	Российское отделение Красного Креста
СПб	Санкт-Петербург
СПбГМИСР	Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
СПГХПА	Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица
ФБ ВМА	Фундаментальная библиотека Военно-медицинской Академии, Санкт-Петербург
ЦГИА СПб	Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга
ЦГАЛИ СПб	Центральный государственный архив литературы и искусства г. Санкт-Петербурга
ЦУТР	Центральное училище технического рисования, Санкт-Петербург
DOC	Dumbarton Oaks collection, Waschington.
DOP	Dumbarton Oaks Papers, Waschington.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ 2020 ГОДА

2020	45 лет со дня смерти Любови Николаевны Гучковой, в замужестве Висковской (19.12.1893—1975), внучки П. П. Боткина.
2020	115 лет со дня смерти Николая Дмитриевича Малашкина (02.11.1841—1905), внука Г. К. Боткина.
2020	115 лет со дня смерти Владимира Дмитриевича Малашкина (03.07.1851—02.01.1905), внука Г. К. Боткина.
2020	175 лет со дня рождения Раисы Дмитриевны Малашкиной, в замужестве Головиной (03.07.1851—02.01.1905), внучки Г. К. Боткина.
2020	215 лет со дня рождения Анны Ивановны Боткиной, в замужестве Постниковой (1805—18.03.1841), жены П. К. Боткина.
2020	200 лет со дня рождения Варвары Петровны Боткиной, в первом браке Исаевой, во втором браке Ястребцовой (1820—01.09.1896), дочери П. К. Боткина.
2020	45 лет со дня смерти Ивана Сергеевича Щукина (02.01.1886—1975), правнука П. К. Боткина.
2020	115 лет со дня смерти Сергея Сергеевича Щукина (1888—1905), правнука П. К. Боткина.
2020	85 лет со дня смерти Антонины Ивановны Щукиной, в замужестве Лагодиной (25.04.1862—1935), внучки П. К. Боткина.
2020	90 лет со дня смерти Ольги Ивановны Щукиной, в замужестве Иост (17.10.1863—1930), внучки П. К. Боткина.
2020	135 лет со дня рождения Екатерины Александровны Мясново (1885—1978), правнучки П. К. Боткина.
2020	130 лет со дня рождения Николая Александровича Мясново (1890—1967), правнука П. К. Боткина.
2020 1 января	20 лет со дня смерти Натальи Николаевны фон Энден, в замужестве Соуэлс (06.04.1909—05.01.2000), внучки М. П. Боткина.
2020 2 января	135 лет со дня смерти Павла Петровича Боткина (14.01.1827—02.01.1885).
2020 16 января	170 лет со дня рождения Екатерины Алексеевны Боткиной, жены С. П. Боткина (16.01.1850—6.04.1929).
2020 29 января	110 лет со дня смерти Сергея Сергеевича Боткина (13.12.1859—29.01.1910).
2020 3 февраля	220 лет со дня рождения Семёна Дмитриевича Боткина (03.02.1800—20.12.1847).
2020 25 февраля	105 лет со дня рождения Ирины Сергеевны Щукиной, в первом браке Делок-Фурко, во втором Келлер (25.02.1915—1994), правнучки П. К. Боткина.
2020 28 февраля	140 лет со дня рождения и 80 лет со дня смерти Екатерины Сергеевны Боткиной (28.02.1880—31.03.1940), дочери С. П. Боткина.

2020 28 января	145 лет со дня рождения и 80 лет со дня смерти Марии Сергеевны Боткиной, в замужестве Андреевской (20.01.1875—28.01.1960), дочери С. П. Боткина.
2020 3 марта	95 лет со дня смерти Ирины Николаевны Самариной (1919—10.03.1925), внучки М. П. Боткина.
2020 4 марта	115 лет со дня смерти Фёдора Владимировича Боткина (21.10.1861—4.03.1905).
2020 22 апреля	75 лет со дня смерти Сергея Дмитриевича Боткина (29.06.1869—22.04.1945).
2020 30 апреля	135 лет со дня рождения Михаила Михайловича Боткина (30.04.1885—17.08.1893).
2020 30 апреля	190 лет со дня смерти Анны Кузьминичны Боткиной (1799—30.04.1830), жены Г. К. Боткина.
2020 10 мая	110 лет со дня рождения Александры Викторовны Боткиной (10.05.1910— после 1926).
2020 23 мая	120 лет с года смерти Анны Петровны Пикулиной, урождённой Боткиной (1833—23.05.1900).
2020 27 мая	155 лет со дня рождения Евгения Сергеевича Боткина (27.05.1865—17.07.1918).
2020 26 июня	45 лет со дня смерти Михаила Николаевича фон Эндена (08.01.1901—26.06.1975), внука М. П. Боткина.
2020 26 июня	45 лет со дня смерти Софьи Николаевны фон Энден (17.09.1914—26.06.1975), внучки М. П. Боткина.
2020 2 июля	95 лет со дня смерти Анастасии Сергеевны Бородулиной (26.07.1863—02.07.1925), дочери С. П. Боткина.
2020 12 июля	115 лет со дня рождения Льва Николаевича фон Эндена (12.07.1905—08.02.1934), внука М. П. Боткина.
2020 14 июля	160 лет со дня рождения и 85 лет со дня смерти Николая Ивановича Гучкова (14.07.1860—06.01.1935), мужа Веры Петровны, урождённой Боткиной.
2020 17 июля	120 лет со дня рождения Глеба Евгеньевича Боткина (17.07.1900—31.12.1969).
2020 29 июля	195 лет со дня рождения и 170 лет со дня смерти Марии Николаевны Боткиной, в замужестве Зевакиной (28.07.1825—31.01.1850).
2020 август	75 лет с года смерти Надежды Николаевны Гучковой, в замужестве Прохоровой (01.08.1889—08.1945), внучки П. П. Боткина.
2020 8 августа	35 лет со дня смерти Александры Сергеевны Боткиной, в первом браке Хохловой (22.10.1891—22.08.1985), внучки С. П. Боткина.
2020 24 августа	165 лет со дня рождения Дмитрия Ивановича Щукина (24.08.1855—29.03.1932), внука П. К. Боткина.

2020 30 августа	140 лет со дня рождения Екатерины Михайловны Боткиной, в замужестве фон Энден (30.08.1880—26.03.1957), дочери М. П. Боткина.
2020 30 августа	125 лет со дня смерти Владимира Ивановича Щукина (05.11.1867—30.08.1895), внука П. К. Боткина.
2020 2 сентября	160 лет со дня смерти Николая Дмитриевича Боткина (1796—02.09.1860).
2020 3 сентября	100 лет со дня смерти Любови Михайловны Боткиной, в замужестве Самариной (25.01.1887—03.09.1920), дочери М. П. Боткина.
2020 12 сентября	125 лет со дня рождения Юрия Евгеньевича Боткина (08.10.1895—09.04.1941).
2020 14 сентября	135 лет со дня смерти Павла Лукича Пикулина (22.11.1822—14.09.1885), мужа Анны Петровны, урождённой Боткиной.
2020 17 сентября	115 лет со дня рождения Татьяны Викторовны Боткиной (17.09.1905—?).
2020 23 сентября	185 лет со дня рождения и 145 лет со дня смерти Анастасии Александровны Боткиной (23.09.1835—09.03.1875), жены С. П. Боткина.
2020 26 сентября	55 лет со дня смерти Веры Николаевны Гучковой, в замужестве Карповой (1892—26.09.1965), внучки П. П. Боткина.
2020 27 сентября	155 лет со дня рождения Петра Дмитриевича Боткина (27.09.1865—1931).
2020 6 октября	125 лет со дня рождения Петра Николаевича Гучкова (06.10.1895—1963), внука П. П. Боткина.
2020 8 октября	165 лет со дня рождения Сергея Ивановича Щукина (27.06.1854—10.01.1936), внука П. К. Боткина.
2020 15 октября	145 лет со дня рождения Нины Евгеньевны Боткиной, урождённой Бюцовой (15.10.1875—06.09.1956), жены С. Д. Боткина.
2020 24 октября	165 лет со дня рождения и 85 лет с года смерти Надежды Петровны Боткиной, в замужестве Остроуховой (24.10.1855—1935)
2020 26 октября	130 лет со дня рождения Михаила Васильевича Бородулина (26.10.1890—16.11.1938), внука С. П. Боткина.
2020 23 ноября	200 лет со дня рождения Афанасия Афанасьевича Фета (Шеншина) (23.11.1820—21.11.1892), мужа Марии Петровны, урождённой Боткиной.
2020 2 декабря	130 лет со дня смерти Ивана Васильевича Щукина (17.01.1817—02.12.1890), мужа Екатерины Петровны, урождённой Щукиной.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ОТ РЕДАКЦИИ</i>	5
БОТКИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ	7
<i>В. И. Один</i> Боткинские традиции клинической риторики.....	8
<i>П. Б. Ионов, Т. И. ИОНОВА</i> Наследие Сергея Петровича Боткина за рубежом	16
<i>А. В. КОВАЛЕВСКИЙ</i> Боткины в истории Мариинской больницы для бедных.....	28
<i>С. М. НОВАКОВСКАЯ-БУХМАН</i> Раннехристианские и ранневизантийские украшения из собрания М. П. Боткина в коллекции Русского музея и их символика	41
<i>Д. В. ЛЕГКОВА</i> К вопросу об атрибуции стула-скабелло из собрания учебного Музея прикладного искусства СПГХПА имени А. Л. Штиглица.....	59
<i>Л. В. НИКОНОВА, Т. А. ТРЕФИЛОВА</i> О церковном почитании врача Евгения Сергеевича Боткина.....	68
БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ О ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ СЕМЬИ БОТКИНЫХ	77
<i>М. Б. ШАПОШНИКОВ</i> Забывшие ветви семьи Боткиных.....	78
<i>Б. Ф. ЕГОРОВ</i> Переписка В. П. Боткина с С. В. Энгельгардт.....	84
<i>С. Г. ЖУРАВСКИЙ</i> Сергей и Василий Боткины: черты характера и особенности взаимоотношений.....	94
<i>С. Г. ЖУРАВСКИЙ</i> Пример В. П. Боткина в формировании личности младшего брата Сергея (По материалам переписки членов семьи Боткиных).....	109
<i>Е. В. БАКАЛДИНА</i> «Обитель Боткина»: Деятельность М. П. Боткина в Императорском Обществе поощрения художеств	137

<i>Н. Б. ВЕТОШНИКОВА</i>	
Боткины и Недзвецкие: пересечения судеб	152
БОТКИНСКИЕ АДРЕСА	159
<i>Т. Ю. БРОВКИНА</i>	
Царское Село и Николаевская гимназия в жизни семьи Боткиных	160
<i>Е. В. БАКАЛДИНА</i>	
Ново-Таволжанский свеклосахарный завод Боткиных.....	169
<i>И. Н. БЫЛЬЧЕНКО</i>	
Наследие Боткиных в Новой Таволжанке. Связь времён.....	184
<i>Т. И. ГАНФ, А. В. ГОРДИЕНКО</i>	
Боткинская улица – память о семье Боткиных. К 120-летию Боткинской улицы (1899–2019).....	192
<i>А. Г. БУЛАХ</i>	
К вопросу о доме С. С. Боткина.....	204
<i>ОБ АВТОРАХ.....</i>	215
<i>СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....</i>	217
<i>ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ 2020 ГОДА</i>	219

И 90

Исторические Боткинские чтения: Вып. III. – СПб.: Изд-во СПбГМИСР, 2020. – 224 с. –

Иллюстрированное
научно-художественное издание

Исторические Боткинские чтения

Выпуск III

Главный редактор А. А. Бондаренко
Выпускающий редактор А. А. Савкина
Научный редактор Е. В. Бакалдина
Литературный редактор Ю. Ю. Будникова
Корректоры Ю. Ю. Будникова, И. Г. Ребещенкова, А. К. Мазаева-Каненга, А. А. Савкина
Художник буквы «Б» С. В. Сорокина-Неймарк

Вёрстка – А. С. Конанчук

Иллюстрации, опубликованные в сборнике, предоставлены
и атрибутированы авторами статей.

Написание имён и наименований
воспроизводится по авторскому тексту.

Все даты, упоминаемые авторами статей, даны в соответствии
со временем описываемых ими событий.

Цитаты даются в большинстве своём с сохранением орфографии подлинника,
но в современной пунктуации. В иных случаях это оговаривается в тексте статей.

Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 28. Тираж 500 экз. Заказ 2067.

Отпечатано в типографии
ИП Коновалов И.С.
108809, г. Москва, п.Толстопальцево, ул. Пионерская, д.13.

ISBN 978-5-6043939-9-4

